

ЭНН КЕССИДИ

*Dum
spiro,
spero*

*Fortes
fortuna
adjuvat*

*Девочки-
мотыльки*

like
BOOK

Энн Кессиди

Девочки-мотыльки

Посвящается моей сестре Сэм Мори

До своей смерти девочки-мотыльки были лучшими подругами.

Часть первая
Настоящее

Мэнди

Глава 1

За день до назначенной даты сноса дома на Принсесс-стрит Мэнди Кристал стояла у забора из проволочной сетки и внимательно разглядывала строение, подергивая кулон на своей шее. Окна и входную дверь сняли, и можно было разглядеть затененный интерьер. Мэнди не впервые смотрела в окна этого дома. Даже когда в нем кто-то жил, внутри было темно и мрачно.

А после убийства это место в основном пустовало.

Само здание – кирпичи, цемент – выглядело крепким, способным простоять еще сотню лет. Но завтра его сровняют с землей. Дом заменят многоквартиркой, и жизнь продолжится, словно ничего плохого здесь и не произошло.

Мэнди сбросила на землю сумку, от которой ныло плечо. Вокруг ног закружились листья. Она наступила на них и почувствовала, как те захрустели от сухости. Темнело, и небо потихоньку окрашивалось в синий. Осеннее солнце уже скрылось, оставив после себя розовые полосы.

Вздыхнув, Мэнди собралась было уйти, как вдруг что-то привлекло ее внимание. Она повернулась и заметила два красных диска, парящих в воздухе возле крыши. Присмотрелась повнимательнее – яркие красные круги виляли то в одну сторону, то в другую.

Это была пара красных гелиевых шаров, связанных лентой. Мэнди осмотрелась, но вокруг никого не было. Интересно, ускользнули ли эти шары из руки ребенка или отвязались от входной двери чужого дома? А затем взмыли вверх и зацепились за водосточную трубу. Мэнди вглядывалась в них, пока силуэты не размылись и не стали напоминать развевающиеся на ветру маки.

Внезапно в кармане пиликнул телефон, напугав ее. Она достала его, полагая, что пришла эсмэска от ее друга Томми Элиота. *Надеюсь*, что это от него. Но на экране было написано «Мама». Она расстроилась. Томми сказал, что встретит ее после школы, но так и не пришел. Она больше получаса ждала его в общей комнате. Девушка открыла сообщение.

«Не забудь о приеме у доктора. xxx»

Мэнди не забыла. Она спешно засунула телефон в карман и снова

посмотрела на дом. Ей показалось, что красные шары дернулись.

Почти всю неделю здесь сутились рабочие. Мэнди почему-то каждый раз останавливалась на этом месте по пути в школу и обратно. Она стояла и наблюдала, как рабочие выносили камины, плитку и витражные стекла, чтобы потом перепродать. Как в кузов грузовика складывали перила и двери. Как шаг за шагом снимали черепицу, выставляя напоказ деревянные балки. Дом обнажался, пока не превратился в голый каркас.

Он выглядел мертвым.

Пять лет назад после убийства его огородили желтой лентой и всю улицу оцепили полицейскими машинами. За этим Мэнди тоже наблюдала, стоя на противоположной стороне улицы с местной ребятней. Мама разозлилась на нее и отослала домой. Сказала, что случившееся отвратительно, особенно когда полиция начала перекапывать задний двор. Но Мэнди не могла уйти.

И теперь она снова была здесь. Томми предложил ей сменить школьный маршрут. Неплохой вариант. Можно было бы ходить мимо новой застройки и череды магазинов, что вели к станции метро. На это ушло бы чуть больше времени, но она бы вычеркнула этот дом из своей повседневной жизни. Зазвучал рингтон, из кармана доносилась тихая трель.

Она достала телефон и увидела на экране имя Томми. Улыбнулась, но не ответила. Лучше сделать вид, будто занята. Пусть он думает, что ей есть чем заняться, куда пойти и с кем встретиться.

Мэнди не хотела, чтобы он знал, где она сейчас.

Она взглянула напоследок на красные шарики, растягивающиеся на ветру, и подумала о Петре и Тине. После чего направилась к доктору.

Глава 2

Доктор Шукла получила результаты анализов Мэнди. Тихонько мыча себе под нос, она смотрела на экран компьютера и что-то печатала. Ее очки в форме полумесяца сползли на кончик носа.

– Кровь в норме.

Мэнди сидела на краешке стула. Кабинет был совсем маленьким, почти все место занимали рабочий стол и кушетка для осмотра. Тишину нарушали лишь постукивания по клавиатуре.

– Так, что еще? Моча в норме, – сказала доктор Шукла деловым тоном.

На стенах кабинета висели известные картины. Мэнди обратила внимание на ту, что не видела прежде – с изображением женщины, сидящей в кафе поздним вечером, и подписью внизу: «Эдвард Хоппер, "Автомат"». Мэнди не сомневалась, что картина новая. Выполнена в темных тонах, зеленых да коричневых. В центре женщина в пальто и шляпке. Она сидит в одиночестве за столиком и попивает чай из чашки с блюдцем. Кафе выглядит умиротворенным. Свет горит, но на полу пролегают тени. Снаружи ночь, глухая и черная; в отражении на стекле видны лишь лампы кафе.

– Флюорография в норме.

Эта женщина с картины словно была совершенно одна в целом мире. Лицо напряжено, взгляд уперт в чашку, но мысли явно где-то далеко. Интересно, что привело ее в это кафе? Одежда на ней теплая – значит, за окном зима. Пальто и шляпа старомодные, как и декор кафе. Почему эта женщина там сидит? Да еще в столь поздний час? Мэнди попыталась отыскать на картине чемодан, но не нашла.

И в этот момент она поняла, что доктор Шукла смотрит на нее.

– У тебя хорошее здоровье, Мэнди, хоть и выглядишь ты немного худой.

– У меня нет анорексии, если вы об этом.

Мэнди не намеревалась так грубить. Но она ела что хотела. Несколько лет назад она была слегка полноватой, и мама хмурилась каждый раз, как она тянулась за вторым кусочком пирога или за печеньем. Когда пропали Петра и Тина, ее мама решила, что Мэнди заедает горе. В те дни в доме появилось много книг о подсчете калорий и здоровой пище. Но примерно год назад Мэнди вдруг вытянулась, и лишний вес ушел сам собой. Теперь ее мама хмурилась, когда дочь оставляла недоеденной пасту или не хотела

завтракать, и как бы напоказ принялась печь пироги и пудинги.

– Даже в мыслях не было, – улыбнулась доктор Шукла. – Просто зачастую аппетит является показателем общего состояния здоровья. Можешь еще раз описать симптомы?

Длинные волосы доктора Шуклы были завязаны и перекинута на одно плечо – висели, как конский хвост. Мэнди заметила на проборе несколько седых волосков.

– Ноги постоянно ноют, иногда возникает слабость и кажется, будто они меня не выдержат. Еще головные боли.

Доктор Шукла не стала записывать. Она поставила локти на стол и положила подбородок на сложенные руки. Ее глаза за стеклами очков были большими и темными, брови выведены карандашом в тонкую линию.

– Иногда мне кажется, что может начаться приступ астмы. Не хватает дыхания. Когда я ложусь спать, дыхание становится поверхностным. Такое ощущение, будто в легкие не поступает кислород.

Доктор Шукла глубоко вдохнула.

– Мэнди, дорогая, я не говорю, что с тобой все в порядке. Ясно, что это не так. Но эти симптомы также могут быть связаны с депрессией и тревожностью.

– Не в моем случае, – возразила Мэнди, улавливая в своем голосе нотки досады. – У меня нет депрессии. Знаю, в прошлом у меня были проблемы...

Мэнди замолчала. Доктор Шукла взялась наводить порядок на столе. Сначала сложила в стопку отрывные блокнотики и стикеры. Затем положила параллельно две ручки. Она все обдумывала, время от времени поглядывая на монитор и тщательно взвешивая слова.

Мэнди знала это наверняка, уж слишком часто сидела на этом месте.

– Исчезли две двенадцатилетние девочки, твои подруги, – осторожно произнесла женщина. – Есть вероятность, что они обе убиты. Это трагедия. Самое страшное, что такое может случиться с любой семьей, с любым обществом, с любым человеком. Ты не пошла с ними, избежала такой же участи, вот это и случилось на тебе. В моих записях есть тому подтверждение. Ты постоянно приходила ко мне с различными болезнями, и все они были вызваны переживаниями о случившемся с твоими подругами. И мне кажется, то же самое происходит и сейчас. С тех пор прошло почти пять лет, верно?

– Пять будет в конце октября.

– В годовщины сложнее всего. Осенние ночи, запахи фейерверков, Хеллоуин. Все это будет напоминать тебе о них. И может, даже в газетах

что-то напишут. Пять лет – это своего рода рубеж.

Мэнди вспомнила тот дом. Представила, как он ждет в темноте, когда его снесут. Окна пусты, как глазницы. Из комнаты в комнату переползают темные тени. Завтра это будет всего лишь клочок земли, ожидающий новой застройки. Мэнди вдруг захлестнули эмоции, и она устала на колени, запрещая себе плакать.

– Есть предложение, – деловито произнесла доктор Шукла. – К нам прибыл сотрудник – аспирантка, которая изучает, как тревожность и депрессия влияют на молодежь. Она надеется поработать с нашими пациентами, и мне кажется, ты для нее – идеальный вариант.

– Предлагаете помощь психотерапевта? Но я ходила на консультации в школе...

– Это другое. Теперь ты стала старше. Проблемы подростков твоего возраста больше похожи на депрессию и тревожность взрослых. По крайней мере, так считает эта молодая ученая. Думаю, тебе стоит встретиться с ней и посмотреть, сможет ли она помочь. А я между тем буду следить за твоим физическим здоровьем, и если показатели ухудшатся, немедленно отправлю тебя к специалисту.

Мэнди открыла рот, чтобы отказаться, но как-то замешкалась. Эта ученая была новенькой, незнакомой.

– Как тебе?

– Хорошо.

– Тогда я расскажу ей о тебе, и она свяжется с тобой, чтобы назначить встречу.

Доктор Шукла начала увлеченно печатать, и Мэнди поняла, что прием окончен. Она пробормотала что-то незначительное, встала и направилась к выходу, по пути слыша, как доктор Шукла через интерком приглашает следующего пациента.

Мэнди поздно легла спать, гораздо позже мамы с папой. Дверь в их спальню закрылась сразу после десяти, тогда как Мэнди приготовила себе чай и отправилась с ним в комнату, чтобы посидеть в Фейсбуке. Там было много интересного. Томми участвовал в каких-то обсуждениях, и парочка знакомых ей девушек кокетливо ему отвечали. Ее лицо скривилось, и на секунду она задумалась, не присоединиться ли к ним. Но в итоге просто закрыла ноутбук. Затем подошла к кровати и села. У подушки стояла коробочка с бусинами, которую она оставила там утром. Она достала тоненькую резинку и выбирала из отделений целый ряд разноцветных бусинок.

Маме понравилось предложение доктора Шуклы о консультациях. Она

вообще всегда радовалась, когда за Мэнди присматривал или лечил какой-то доктор.

Мэнди нанизала бусинки на резинку. Этот браслет будет нехитрым. Просто красочным пятном на ее запястье. Связал концы – и готово; и не нужно возиться с застежками, тем более в столь поздний час.

В голове всплыл образ доктора Шуклы, и девушка вспомнила все свои многолетние приемы. Сначала мама ходила с ней. Она садилась на стул пациента – Мэнди вставала рядышком – и заполняла собой каждый сантиметр кабинета. Мама подробно объясняла, о чем думала и что чувствовала дочь, а когда замолкала, доктор Шукла всегда поворачивалась к Мэнди, ожидая, что та заговорит. В те дни было сложно что-то добавить – мать, казалось, рассказывала все.

Но пару лет назад, когда мама рассказала о сыпи на внутренней стороне рук и задней части ног Мэнди, доктор Шукла перебила ее и заявила: «Не возражаете, если я переговорю с Мэнди наедине?»

Маму это оскорбило, и она начала возражать, но доктор Шукла вдруг поднялась, чего почти никогда не делала, и, обогнув стол, строго произнесла: «Миссис Кристал, у вас замечательные отношения с Мэнди, но, чтобы добраться до сути проблем, мне тоже нужно наладить с ней контакт». Она открыла дверь, и маме не оставалось ничего другого, кроме как встать и покинуть кабинет. Доктор Шукла вышла вслед за ней и прикрыла дверь. Послышалось перешептывание, а затем доктор вернулась и принялась задавать Мэнди сотни вопросов.

Тогда девочка рассказала ей, что видела Петру Армстронг в автобусе.

Ей было страшно об этом говорить, ведь это самый настоящий признак того, что она сходит с ума. Но это произошло на самом деле. Не один, а три раза. В первый – она сидела в автобусе на Стратфорд и смотрела в окно. И лишь краем глаза заметила девочку своего возраста, которая шла по проходу. А потом, когда та села, Мэнди взглянула на ее профиль и в этом подбородке и длинных волосах уловила что-то знакомое. Чем дальше она смотрела, тем больше эта девочка напоминала ей Петру Армстронг, повзрослевшую на год после пропажи. Мэнди ошеломленно пялилась на нее и пропустила свою остановку, твердо намереваясь проследить, куда та едет. Оказалось, в торговый центр. В тот первый раз Петре было бы тринадцать лет. Через год после этого она снова увидела ее в автобусе. Четырнадцатилетняя девочка была одета в узкие джинсы и ярко-красный топ вроде того, что надевали Петра и Тина на выступления своей группы «Красные розы». Ее лицо заострилось, тело изменилось. Тогда как у Петры была фигура ребенка, эта девочка могла похвастаться небольшой грудью и

манерами, говорящими о более зрелом возрасте. В тот раз Мэнди вышла на своей остановке, оставив девочку в автобусе.

Год спустя она снова ее увидела – та спускалась по лестнице двухэтажного автобуса, ехавшего по Оксфорд-стрит. Худая девочка с длинными волосами держалась за перила и покачивалась из стороны в сторону в такт движения автобуса, широко улыбаясь кому-то на верхнем ярусе – Мэнди видела только ноги незнакомца. На вид ей было лет пятнадцать, ярко накрашенные губы надуты в обиде. Она вышла на следующей остановке и перебежала дорогу перед автобусом, направляясь к универмагу «Дебенхэмс».

Мэнди никому об этом не рассказывала.

Через какое-то время она начала выискивать Петру в каждом автобусе. Она вглядывалась в лица девочек-подростков самых разных комплекций, чтобы поймать ту крохотную вспышку хорошо знакомого, но больше никогда ее не видела.

Вот что она рассказала доктору Шукле.

Это было своего рода признание.

«Я схожу с ума? Мне это мерещится?» – спросила Мэнди.

Сердцем она понимала, что каждый раз это была другая девочка, а не та, что выросла из года в год. Но на какую-то минуту в автобусе она была убеждена, что видела Петру. В ответ доктор Шукла покачала головой и, нахмурившись, сказала: «Сознание – это мощный инструмент. Оно может превратить тоску в то, что кажется настоящим. Когда находишься в депрессии, зацкливаешься на чем-то, сознание может показать то, что ты хочешь увидеть».

Но самое странное, что она видела только Петру. И никогда Тину.

Мэнди взяла готовый браслет. Примерила, по размеру ли, и завязала концы. Затем подняла руку, и браслет поймал свет от прикроватной лампы. Некоторые бусины были красными и сияли, как рубины. Она сразу вспомнила два шарика, которые зацепились за водосточную трубу того дома.

После разговора с доктором Шуклой все видения прекратились, словно их беседа разрушила чары, под которыми она находилась. Шестнадцати- или семнадцатилетняя Петра больше не держалась за поручни автобуса, не забивалась у окна, уткнувшись в мобильник. Не нажимала на кнопку требования остановки, не спрыгивала с автобуса и не убегала.

Петра пропала, и Мэнди больше не хотела ее видеть.

Глава 3

Понаблюдать за сносом дома на Принсесс-стрит собралась целая толпа. Мэнди тоже пришла, но избегала всякого зрительного контакта. Отдельно стоящий дом отличался от остальных. Построен в другом стиле и старше близлежащих дуплексов. Дом был большим, и на какое-то время после убийства его превратили в много– квартиру. На стене возле двери еще остался ряд из звонков. Но последние пару лет дом пустовал, медленно разваливаясь на части – стены потускнели, сад зарос, растения и сорняки все ближе подбирались к нему.

Сейчас здесь было полно рабочих и техники.

Желтый экскаватор с гусеничным движителем, как у танка, громко шумел. Зато двигался плавно, разворачиваясь полукругом в небольшом саду. И вот ковш замахнулся на здание, металлические челюсти взмыли в воздух. Мэнди неотрывно смотрела, как он с треском врезался в верхнюю часть кирпичной стены. На секунду повисла тишина. Мэнди затаила дыхание, когда стена обрушилась, таща за собой часть эркерного окна. И все это рухнуло на землю, подняв облако пыли.

Мэнди пониже натянула капюшон, надеясь, что никто ее не заметит, но она никого и не интересовала, все смотрели на дом.

Мэнди поиграла с браслетом на руке. Медленно покрутила его, ощущая различность в формах и текстуре нанизанных прошлым вечером на резинку бусин.

– Здравствуй, Мэнди, – раздался у нее за спиной голос.

Она напряглась, ей не хотелось ни с кем разговаривать. Местные знали, кто она и как связана с этим домом. А у нее не было никакого желания выслушивать слова сочувствия. Она слегка повернулась и увидела мужчину в костюме. У него были седые, почти белые, волосы. В руке ключи от машины, на пиджаке капли от срывающегося дождя. Похоже, он не подготовился к такой погоде.

– Офицер Фаррадей, – сказала она.

Мэнди не видела его несколько лет, но все равно сразу узнала. Она слышала, как коллеги называли его Колином, но сама всегда обращалась к нему официально.

– Я не при исполнении, – проговорил он. – Зови меня Колином.

– Так вы здесь не по службе?

Зачем она это спросила? *По службе?* Томми закатил бы глаза.

Офицер Фаррадей покачал головой, то и дело поглядывая на дом.

– Как у тебя дела? Ты уже, наверное... в каком? В старшем классе?

– Да. Круглая отличница.

– Но сегодня не в школе.

– Нет, пойду позже. Почему вы пришли?

Глупый вопрос. Он здесь по той же причине, что и она.

– Пару дней назад я проезжал мимо и заметил, что дом огорожен. Навел справки и узнал: сегодня его снесут. Я провел слишком много времени в этом доме. Мне хотелось увидеть, как его сровняют с землей.

Мэнди понимала его чувства. У них обоих была связь с этим старым зданием. Но с некоторым отличием. Офицер Фаррадей провел в доме много времени, тогда как она никогда не ступала внутрь. Ни разу.

– Полагаю, ты тоже равнодушна к этому месту, – заметил офицер Фаррадей.

Она кивнула.

– Ты до сих пор думаешь о них? – спросил он.

– Иногда.

Но Мэнди думала о них постоянно.

– Дело все еще открыто. Нет ничего хуже глухаря. Особенно когда это связано с возможной смертью двух маленьких девочек.

– Но они ничего не найдут, да? Уже прошло столько времени. – Мэнди посмотрела на офицера.

– Поступают сообщения о том, что рядом видели двух девочек. Даже сейчас.

– Но ничего не подтвердилось? – спросила она, вспоминая о своих же видениях.

– Нет. Но никогда не говори «никогда». Их тела не найдены. Девочки могут быть живы. В Америке бывали случаи, когда невинных людей похищали и держали в плену, а потом им удавалось сбежать.

Так и есть. Мэнди недавно прочитала об одном таком случае. Она целыми днями следила за новостями. Мужчина держал трех девочек в плену своего дома в Кливленде, штат Огайо. Он держал их десять лет. Заточил в подвале, и одна из них родила ребенка. Однажды, когда он отлучился из дома, одна из девочек выбралась и прибежала к дому соседей, плача и умоляя о помощи. Она позвонила в полицию, и этот разговор прогнали в новостях. Мэнди с изумлением слушала, как девушка отчаянно пыталась предупредить полицию, пока не вернулся похититель. Ее голос был слабым и напряженным, словно мог сорваться в любой момент. «Меня похитили и удерживали десять лет. И я... Я здесь. Теперь я свободна». Мэнди залезла в Интернет и раз за разом слушала эту запись. Она пыталась представить, как девушка вцепилась в телефон соседей, взгляд мечется по

комнате – она боится, что в любой момент эту свободу могут отобрать.

Это навело ее на мысли о Петре и Тине. Да и кого бы не навело?

Офицер Фаррадей скрестил руки на груди. Без формы он был похож на человека, который работает в строительной компании. Интересно, почему он в выходной надел костюм?

– Без тела нельзя быть уверенным, что человек мертв, – задумчиво произнес он. Наверное, тоже вспомнил кливлендское дело.

Дождь стал стихать, экскаватор продолжал работать. Он отъехал в сторону, таща за собой водосточную трубу. И Мэнди вспомнила два красных шарика, которые запутались там вчера. Сейчас их нигде не наблюдалось. Внезапно отошел угол стены и бухнулся на землю. Экскаватор толкнулся еще раз, металл заскрежетал по стене, кровельные балки накренились и через несколько секунд рухнули, выбрасывая в воздух фонтан из мелких камней и пыли.

– Я думал, увижу здесь Элисон Пойнтер, – снова заговорил офицер Фаррадей. – Но, очевидно, она слишком занята своей группой и выступлениями. Видел ее по телевизору пару недель назад. А ты?

– Нет, – ответила Мэнди.

Она знала, что Элисон Пойнтер, мама Тины, выступала по телевизору, в программе, освещающей исчезновение девочек. Выпуск назывался «Пять лет спустя». Мэнди решила его не смотреть.

– Ты только глянь. Вот кого точно не ожидал здесь увидеть, – искренне удивился офицер Фаррадей.

Мэнди проследила за его взглядом. Чуть дальше по улице, в сторонке ото всех, стоял Джейсон Армстронг, папа Петры. Мэнди окинула его взглядом. Вид у него был больной, лицо осунулось. Волосы длинные и всклокоченные. На плечах огромное пальто. Облокотившись одной рукой на крышу машины, он смотрел только на старый дом, никуда больше.

– Где он сейчас живет?

– Без понятия. Но знаю, что он несколько раз сидел. Год за грабеж с отягчающими обстоятельствами и пару небольших сроков за другие правонарушения. Он пьяница. И всегда им был. Не понимаю, почему социальная служба вообще позволила Петре жить с ним.

Джейсон Армстронг посмотрел в их сторону и, казалось, удивился. Интересно, узнал ли он ее. За пять лет она изменилась, но, может, не так уж и сильно. Она на мгновение поймала его взгляд, а потом отвернулась.

– Мне пора, – сказал офицер Фаррадей. – Рад был узнать, что у тебя все хорошо.

Мэнди проводила его взглядом. Когда он шел к машине, которую

оставил дальше по улице, в его походке присутствовала легкость. Наверное, побывав здесь, он почувствовал себя лучше, как будто отдал дань уважения. Но кому?

Она снова повернулась к зданию. Бóльшую часть крыши уже снесли. Бульдозер сгребал обломки, расчищая место, чтобы экскаватор мог продвинуться дальше. Внизу наполовину повисла оконная рама со все еще натянутой занавеской.

Мэнди решила уйти. В школу она собиралась ко второму уроку. Времени в запасе было полно, но она уже достаточно настоялась на улице, вороша прошлое. Она вспомнила любимый совет доктора Шуклы: «Пора двигаться дальше. С прошлым покончено».

Мэнди увидела, что папа Петры тоже уходит. Она с легкостью могла догнать его, выразить сочувствие. Разговор с офицером Фаррадеем несколько ее не встревожил. Но папа Петры – совсем другое дело. Он всегда был холоден. В те единичные разы, когда она видела его в такси или разговаривающим с Петрой, он просто ее игнорировал. В отличие от Элисон Пойнтер, которая поднимала огромную шумиху вокруг друзей Тины.

В этот момент Джейсон Армстронг вдруг обернулся и заметил ее. Остановился и прислонился к стене. Он явно замешкался. Мэнди не могла повернуть назад, ведь тогда станет очевидно, что она его избегает. Поэтому она перевела дыхание и продолжила идти.

– Здравствуйте, мистер Армстронг. Как вы? – спросила она.

– Не очень, – ответил тот.

– Жаль это слышать.

– Ты ведь Мэнди? Уже совсем выросла. Стала молодой женщиной.

Она натянуто улыбнулась, не зная, что ответить.

– Полагаю, тебе становится легче, когда смотришь на этот дом.

Он достал из кармана пальто платок – хлопковый и мятый, словно его использовали множество раз. Высморкался. Мэнди почувствовала себя в ловушке. Она не могла уйти, потому что они вроде как разговаривали, и это было бы грубо. Она потянулась к браслету и затеребила бусины.

– Ты же туда не пошла, верно? Это было разумно.

– Мне пора. Нужно в школу.

От мужчины исходил слабый запах алкоголя, а его взгляд казался пустым. В том, как он произнес слово «разумно», ощущался упрек. Словно она должна была пойти за подругами.

Если бы он знал, как часто она жалела, что не пошла.

И на этом она удалилась, оставив позади шум сноса дома.

Глава 4

Мэнди зашла в школу через вход для посетителей. Миновала небольшую парковку, на которой оставляли машины директор и преподаватели. Подошла к дверям администрации и уже собралась было набрать номер на кейпаде, как вдруг остановилась и посмотрела на разбитый поодаль небольшой сад. Когда-то на его месте находилась парковка, но теперь полукруг из травы обнесли кирпичной стеной. Директор называл это место садом памяти.

Мэнди пошла к нему. К небольшой травянистой площадке с четырьмя миниатюрными кустиками в горшках. Они выглядели торжественно: вытянутые вверх, листва идеально подстрижена, придавая им всем одинаковую форму. Летом благодаря цветам и повешенным на стены баскетбольным кольцам сад выглядел более красочно. Оживал и хорошел. Сейчас же площадка казалась голой, под стенами забились коричневые листья, слетевшие с близлежащих деревьев. Сама стена была изогнутой вверх. В самом центре висела медная мемориальная доска имени Петры и Тины. Мэнди посмотрела на нее. Она была массивной. Слова на ней отличались простотой.

В память о двух семиклассницах,
Петре Армстронг и Кристине (Тине) Пойнтер,
которые пропали 28 октября 2010 года.
Они и их семьи всегда в наших молитвах.

Края доски украшали выгравированные цветы – бутоны роз; соцветия, которые еще не достигли расцвета.

Церемония открытия сада памяти состоялась ровно через год после пропажи девочек. Все ученики школы сбились в кучу на небольшой парковке и стояли в молчании, пока произносились молитвы. Родители Тины пришли на открытие, в отличие от Джейсона Армстронга. Зачитали стихи, и Элисон Пойнтер произнесла короткую речь о том, что чтить память – важно и что люди всегда с нами, пока живы в сердцах друзей и семей. Еще она сказала, что никогда не перестанет искать девочек.

Мэнди стояла с краю первого ряда, еле сдерживая слезы в этот момент. Все остальные ученики ее класса выглядели серьезно и сдержанно, но она задалась вопросом, действительно ли им было безразлично. Прошел целый год, к тому же девочки пропали буквально через восемь недель

после начала занятий в средней школе. Мало времени для того, чтобы класс сплотился, сдружился. Вокруг лились слезы, Мэнди видела их, но они быстро высыхали, когда друзья утешали друг друга, наслаждаясь несколькими минутами драмы за счет двух девочек, которых едва знали и которые, возможно, им даже не нравились.

Но Мэнди они нравились. Она хотела дружить с ними и стать частью группы «Красные розы».

Ее раздумья вдруг прервал звук идущих через парковку учеников. Она оглянулась, и ребята ей помахали. Среди них был Джон Уоллис. Он учился в выпускном классе и жил на ее улице. На летних каникулах, когда он узнал, что она осталась продолжать обучение в старшей школе, сдружился с ней, стал поддерживать. Какое-то время она думала, что они сойдутся, но потом появился Томми Элиот. Она улыбнулась Джону и помахала остальным. Ребята не остановились поговорить с ней. Поняли, что она смотрит на сад, и, очевидно, решили, будто девушка молится за своих пропавших друзей.

Так вели себя многие ее одноклассники. Даже сейчас, пять лет спустя, они старались не поднимать эту тему, боясь расстроить ее или обидеть. Это одна из причин, почему ей так сильно нравился Томми. Он учился в другой средней школе и только в начале семестра перешел в их класс. С ним ее не связывала общая история, как с другими учениками. Он не имел к ней никакого отношения, и поэтому Мэнди было так легко с ним общаться. Он был единственным, с кем она могла поговорить о Петре и Тине.

Следующий урок начинался только в одиннадцать пятнадцать, поэтому Мэнди отправилась в общую комнату. Там уже находились ученики, и она слышала раздающиеся из наушников обрывки песен. Девушка взяла себе горячий чай и села. Подула на стаканчик и увидела, что до конца урока осталось минут десять. Сейчас шла история, на которой она обычно сидела с Томми – в крайнем ряду возле окна. Если она опаздывала, он занимал ей место, и наоборот. Сегодня он мог не беспокоиться, она предупредила его, что пойдет к дому – посмотреть начало сноса.

Он будет по ней скучать, подумала она. Томми всегда писал ей записочки на клочках бумаги. Ему нравилось комментировать одежду и настроение учителя. Иногда делать совершенно неуместные замечания о происходящем в мире. Разок-другой он рисовал внизу листочка поцелуйчики, это смущало ее, и она отворачивалась от него к окну, на случай если покраснеет.

Она вспомнила, как впервые увидела его. Это произошло на предварительном собрании нового класса, на котором их всех

поприветствовала мисс Пирс. Он немного опоздал. Мэнди сидела в самом конце, но место рядом с ней пустовало, поэтому она подвинулась, уступив нагретое сиденье ему.

Ее поразила внешность Томми.

Волосы длинные, сам в узких джинсах, ботинках с узорами и застегнутом на все пуговицы пиджаке, под которым проглядывала серебристая футболка. На пол он поставил портфель из грубой коричневой кожи, который выглядел прочным и старомодным – такой подошел бы парню из частной школы.

Томми сильно отличался от парней в своем новом классе. Наконец после пяти лет ношения блейзеров и темных брюк ученикам разрешили надевать любую одежду. И большинство предпочло джинсы, спортивные кофты и кроссовки. Они просто сменили одну форму на другую. И Мэнди от них не отличалась. На ней были джинсы и футболка – почти такие же, как и на других девочках.

У Томми же был свой стиль. Он достал из портфеля большой блокнот и, внимательно слушая мисс Пирс, делал заметки – единственный из всех. После собрания Мэнди заметила, что некоторые парни смотрят на него с опаской и пренебрежением. Но Томми не обращал на это никакого внимания, он свободно общался со всеми, кто к нему подходил.

Он долго разговаривал с Мэнди. Рассказал ей, с каким нетерпением ждет учебы в университете, чтобы уехать подальше от дома и самому принимать решения. Признался, что хочет стать журналистом и разоблачать противоправные действия. Сначала он казался слегка напряженным, но быстро взбодрился и начал шутить о своей прежней школе. На следующий день, на первом уроке английского, он пришел раньше и крикнул ей: «Я занял тебе место!» Она села рядом, и они стали друзьями.

Так прошло семь недель, за это время у нее появились к нему чувства. Она каждый день ждала встречи с ним и печалилась, когда он находился вдали. Рядом с ним день становился ярче, появлялась куча времени для дел. Мэнди даже выглядела лучше – волосы стали пышнее, а улыбка шире. Она хотела рассказать ему о своих чувствах, но не знала, с чего начать. В хорошие дни ей казалось, что то же самое происходило и с ним. Он мгновенно стал популярным и общался со многими учениками, но все время искал ее взглядом, словно она была его якорем. Если она находилась рядом, он не мог ее не касаться: легонько за плечо, провести пальцами по руке, обхватить запястье или похлопать по спине.

Томми на самом деле интересовался ею. Он знал о двух пропавших

девочках, как-никак, частенько проходил мимо сада памяти, но, поняв, что она была третьей, был потрясен и полон сочувствия. Для других эта история осталась в прошлом, для него – словно произошла на прошлой неделе.

Прозвенел звонок, а за ним послышался шум открывающихся дверей и вырывающихся в коридоры голосов. Через мгновение звук стал громче, будто кто-то увеличил громкость. Дверь в общую комнату распахнулась, и туда вошли ученики – одни болтали, другие кричали, третьи лазили в сотовых.

Появился и Томми. Он осмотрелся вокруг и, заметив ее, улыбнулся.

– Привет, – сказал он. – Ты немного пропустила на истории...

Она улыбнулась.

– Посмотрела, как сносят дом?

– Да.

Он сел рядышком, вытянув перед собой ноги. И тихонько что-то напевал. Затем перевел тему. Это еще одна причина, почему он ей нравился. Он не заикливался на ее трагедии. Всегда был полон оптимизма и готов сменить тему. Она это ценила. Казалось, с ним она могла снова радоваться жизни.

Сегодня он был в цветном джемпере и широких джинсах с кедами. Портфель стоял на полу между ними. Томми выделялся на фоне других учеников. Она знала, что его одежда из комиссионного магазина. Он создал собственный стиль и хвастался, что почти никогда не носит ничего нового. Мэнди посмотрела на свою одежду: темные брюки и толстовку, которую надела на снос дома. Под ней – черная футболка. Ничего оригинального. У нее не было особого стиля, его же одежда будто рассказывала какую-то историю. Только девушка пока не знала, что это за история.

– Урок прошел как обычно. Империализм и борьба за Африку. Нам дали парочку новых тем для эссе. Я набросал заметки.

– На карте памяти?

– Нет. Ручкой. На листочке. Я же говорил, что запоминаю лучше, когда пишу. Могу сделать тебе копию?

– Я не понимаю твой почерк.

– Я помогу прочитать.

– С картой памяти было бы проще.

– Какое-то некорректное название, серьезно. Карта памяти, которая ничего не помнит. Ее следует называть картой копий, ведь на ней хранятся всякие копии.

Мэнди вздохнула. Томми на пустом месте мог раздуть

глубокомысленную беседу. С другой стороны, сложно не восхищаться его страстью даже к таким простым мелочам, как разговор о заметках по истории. Он никогда не стоял на месте. В одну неделю записывал музыкальные клипы, в следующую – создавал коллективный блог и принимал участие в написании романа, действие которого разворачивается в далеком будущем.

– Ты написала эссе по Шекспиру? – спросил он, сделав глоток воды из бутылки.

– Начала.

– Сдавать завтра.

– Знаю. Я возьму отсрочку.

– Разве не лучше не откладывать на завтра? *На завтра, потом еще на завтра и еще.*

– Ты говоришь, как мисс Пирс.

– Кстати об этом, я хотел кое-что у тебя узнать.

Он взял портфель и стал копаться в бумагах.

При нем всегда было полно раздаточных материалов и листочков с заметками. Томми дотошно распечатывал все. «Я не доверяю компьютерам!» – все время повторял он. Наконец он достал из папки несколько листов и передал ей. Мэнди ожидала увидеть конспект по пропущенному занятию. Но это была распечатка газетной статьи с заголовком «Загадка пропавших девочек».

– Что это? – спросила она, хотя прекрасно знала.

– Мисс Пирс попросила меня произнести речь. На пятой годовщине.

Пятая годовщина через две недели.

– Мероприятие будет только для старшеклассников. Думаю, меня попросили произнести речь, потому что я один из немногих, кто в то время здесь не учился. Но мне как-то неловко. Не знаю, как ты к этому отнесешься. Не будешь ли против.

– С чего мне быть против?

Мисс Пирс поднимала этот вопрос пару недель назад. Она сказала, что хочет попросить Томми произнести речь и надеется, что Мэнди не станет возражать.

– Просто хотел уточнить. Еще она просит, чтобы я написал об этом на школьном сайте. Я тут навел справки. Нет, я знаю, что ты мне все рассказала, но подумал, изучить материалы – лишним не будет. Это документы, которые я скачал. Если ты с ними согласна, тогда я смогу их использовать. Я надеялся, ты не откажешься изучить их и сказать, верно ли там все.

Она хмуро посмотрела на листки. Томми выглядел взволнованным.

– Хочешь, я скажу мисс Пирс, что не буду этим заниматься? Не хочу тебя расстраивать, – сказал он, коснувшись ее руки.

– Не глупи. У меня окно после английского. Я просмотрю и верну тебе все на ланче.

– Спасибо.

Открылась дверь, и в общую комнату вошли Тони с Лиэнн. Заметив Томми и Мэнди, они напрямик направились к ним и затараторили о намечающейся субботней вечеринке.

– Помните Зоуи с экономики? Ее родители уезжают на выходные, но старшие братья поручились проследить, чтобы вечеринка не вышла из-под контроля. Нас пригласили и вас, ребята, тоже, – прочирикала Тони, глядя то на Томми, то на Мэнди.

Парент тут же подключился к разговору о вечеринке. Тони и Лиэнн пододвинули к нему стулья. Мэнди свернула распечатки и убрала в сумку, после чего ускользнула под шумок оживленного разговора.

– Подожди, – окликнул ее Томми.

Она повернулась и увидела, что он идет к ней. Лиэнн и Тони выглядели слегка обиженными.

– Дело в том... наверное, я плохо объяснил, но эта речь должна стать своего рода прощанием с девочками. Тогда ты наконец сможешь оставить все в прошлом. Все закончится. Ты сможешь двигаться дальше.

Томми смотрел ей прямо в глаза. Она смягчилась. Он все продумал.

– Конечно, – пролепетала девушка. – Я просмотрю материалы и верну тебе.

– Ты придешь на субботнюю вечеринку? Будет весело.

– Может быть, – отмахнулась она.

Уходя прочь по коридору, она размышляла о его словах – о том, что она сможет двигаться дальше. «Ты наконец сможешь оставить все в прошлом». Как будто прошлое – какой-то ящик, в котором можно запереть все неприятности. Он не знал, как часто ей это говорили. Не его вина, что он просто повторял то, что она слышала годами.

Все хотели, чтобы она двигалась дальше. Может, однажды так и будет.

Глава 5

После рисования Мэнди нашла в библиотеке тихую комнатку и заняла ее. Здесь находились и другие ученики, кто-то сидел в наушниках, но

большинство сосредоточенно писали или читали. Она достала распечатки Томми и пролиставала их. Статьи были сложены в хронологическом порядке: сверху самая старая, выпущенная через несколько дней после пропажи Петры и Тины. «Загадка пропавших девочек становится все запутаннее».

Простой и доходчивый текст передавал все известные факты пропажи.

В четверг, 28 октября 2010 года, около пяти часов вечера две двенадцатилетние подруги, Петра Армстронг и Тина Пойнтер, вошли в дом на Принсесс-стрит, Холлоуэй, Северный Лондон. С ними должна была пойти третья девочка, имя которой не оглашается, но она отказалась.

Дом принадлежал Джорджу Мерчанту, семидесятидевятилетнему бухгалтеру на пенсии. Источники утверждают, что у Мерчанта было плохо со здоровьем и он редко выходил из дома. Он жил в одной комнате огромного дома, и девочки, по словам их подруги, хотели осмотреть ветхое здание. Поговаривали о наводнивших здание привидениях.

Когда полиция вошла в дом, Джордж Мерчант был мертв – скончался от травмы головы. В доме все было перевернуто, обстоятельства указывали на ограбление. Девочек внутри не оказалось. Продолжается криминалистическая экспертиза. Также ведется тщательный обыск сараев и сада. Пока нет никакой информации о судьбе Петры и Тины. Начался масштабный поиск, их фотографии уже опубликованы в СМИ и соцсетях.

Ниже вставлены школьные фотографии Петры и Тины: небольшие прямоугольные снимки двух улыбающихся девочек, снятые за несколько недель до пропажи. В начале года в школу приходил фотограф. Мэнди посмотрела на фотографию Петры. Ее длинные прямые волосы были разделены пробором посередине и органично обрамляли лицо. Петра неуверенно улыбалась. Выглядела серьезной, даже скромной. Это так отличалось от фотографий, на которых она была в наряде их группы. На них она всячески позировала с накрашенным лицом и улыбалась во все тридцать два зуба. Тогда Петра надувала губки и выглядела взрослой. Но в реальной жизни она редко улыбалась. И казалось, все время пожевывала уголок губы.

Мэнди перевела взгляд на фотографию Тины. Тина всегда выглядела одинаково. У нее были вьющиеся волосы, которые она убирала назад заколками или ободками. Широкая улыбка, ямочки на обеих щеках. Глаза сверкают, словно ей только что подарили подарок. На фотографиях группы она выглядела так же. Тина была Тиной, а у Петры было множество лиц.

Мэнди продолжила читать статью.

Две девочки пропали. Полиция придерживается нескольких версий событий. Хотя девочки очень юны, есть вероятность, что они убежали и где-то прячутся. Полицейские силы всего юго-востока просят владельцев загородных домов обыскать свою собственность. Полиция заявляет, что активно ведет расследование.

Мэнди помнила эту историю. В те первые дни после пропажи девочек всех настоятельно просили проверить постройки, сараи, пустые квартиры и загородные дома. Мэнди этого не понимала. Она видела, что девочки вошли в дом. Рассказала об этом полиции. Откуда взялась версия, что они убежали? Мэнди помнила, что Тина была в старой толстовке с длинными рукавами – наверняка маминой. Петра надела легкую курточку и тряслась, стоя на улице.

Зачем Петре и Тине заходить в дом, а потом по собственной прихоти сбегать в сельскую местность? Как они могли незаметно прятаться в чьей-то квартире, коттедже или фургоне? Интуиция подсказывала, что все произошло совсем не так. И пять лет спустя эта версия казалась такой же нелепой.

Следующая статья Томми датировалась несколькими днями позже. Тогда у полиции появилась новая версия. Мэнди помнила волнение своих родителей, когда распространились эти новости. Версия казалась вполне разумной.

ПРОПАВШИЕ ДЕВОЧКИ МОГЛИ СТАТЬ СВИДЕТЕЛЯМИ УБИЙСТВА

Несмотря на масштабный поиск, о местонахождении Петры Армстронг и Тины Пойнтер по-прежнему ничего не известно. 28 октября две двенадцатилетние девочки вошли в дом пожилого мужчины, и с тех пор их не видели.

Прошлым вечером на пресс-конференции главный инспектор Малькольм Робертс выступил с заявлением. «Смеем предположить, что события на 58-й Принсесс-стрит могли произойти одновременно. Иными словами, убийство мистера Джорджа Мерчанта могло произойти в тот временной отрезок, когда две девочки вошли в дом. В этом случае мы рассматриваем версию, что девочки стали свидетелями убийства мистера Джорджа Мерчанта неизвестным лицом или группой лиц. Это могло привести к похищению, и поэтому мы считаем, что девочек могут

удерживать против их воли в неустановленном месте».

Благодаря общественности был опознан фургон, припаркованный тем вечером возле дома.

Как утверждает полиция, вследствие проверки прошлого мистера Мерчанта выяснилось, что, будучи бухгалтером, он имел дела с клиентами, связанными с организованной преступностью. «Это могло быть мстью за какие-то неправомерные действия», – сказал главный инспектор Робертс.

Тем временем полиция разыскивает белый фургон марки «Форд» с огромной царапиной с водительской стороны и, возможно, номерным знаком 2007 года регистрации. Также общественность просят проявлять бдительность и сообщать о любой необычной активности в местных районах.

Мэнди откинулась на спинку стула и потянула цепочку на шее. На ней висел кусочек янтаря, который мама сняла со старой брошки, найденной на антикварном рынке. Мэнди превратила его в кулон. Камень скользил под ее пальцами, она подняла его и прижала к губам.

В версии полиции было разумное зерно. Мэнди думала об этом часами, днями, неделями после произошедшего. Она оставила Петру и Тину на улице за несколько минут до того, как они пробрались в заднюю калитку дома. Что, если они наткнулись на того, кто убивал мистера Мерчанта? Мог ли этот человек (или несколько людей) запаниковать и куда-то их увезти? Могли ли преступники удерживать девочек, пока не решат, что с ними делать?

В следующие дни по телевизору высказывались различные теории. Пресса негодовала. Полиция выдвинула ряд версий произошедшего. Три двенадцатилетние девочки шли по Принсесс-стрит, затем одна из них отделилась, а две другие направились к дому. Было темно, все находилось дома, на улице никого не оказалось, поэтому Мэнди не понимала, как кто-то мог что-то вспомнить. Но полиция настаивала на том, что «нашлись новые зацепки и информация».

Мэнди снова посмотрела на статью. Затем перелистала всю стопку. Все это начинало раздражать. Слишком много ненужных мыслей. Зачем Томми скачал все эти статьи? Какое это имело отношение к речи на поминальной службе? Это просто голые факты. Две девочки пропали. Объяснения нет. Что еще нужно знать Томми, чтобы произнести речь перед классом? И тут она вспомнила, что его попросили написать об этом на школьном сайте. Мэнди вздохнула.

Когда она ушла из общей комнаты, Томми остался с Тони и Лиэнн. Интересно, сел ли он с ними на социологии. Она представила, как они хитренько устроились по обе стороны от него, и уже в который раз пожалела, что не выбрала социологию в качестве одного из предметов.

Мэнди раздраженно вытащила последние листки. Томми добавил и более серьезную статью, подлиннее – вероятно, из приложения к «Сандей Трибьюн». Наверху стояла дата – июнь 2011 года. Это восемь месяцев после пропажи. К тому времени многие газеты перестали освещать это событие, хотя одна еще примерно каждые пару недель продолжала выпускать статьи с ужасными заголовками. Мэнди вспомнила некоторые из них: «Девочек-мотыльков похитили из дома», «Привлеченные домом девочки», «Мрачный дом привлек девочек-мотыльков», «Загадочный дом таит страшные секреты».

Девочки-мотыльки.

Она уже несколько лет не вспоминала этот оборот.

От него ей становилось не по себе. Он ей не нравился. Ей не нравились мотыльки. Они вызывали у нее озноб. Залетали в комнату в летнюю ночь и устремлялись к свету, иногда бросались на абажур, громко стуча по нему крыльями. Они были темными и мохнатыми, сидели высоко на стенах, откуда их невозможно согнать. Появлялись бесшумно и только когда темнело.

Пресса называла Петру и Тину мотыльками, потому что тех тянуло к дому. Он манил их. Хоть Мэнди и не нравилось это название, она не могла не признать его справедливость. С того самого момента, как она начала общаться с девочками, Петра постоянно триндела о том, чтобы пробраться в тот дом на Принсесс-стрит. Тина почти никогда о нем не говорила, но имела привычку во всем слушаться Петру.

Мэнди бездумно скользила взглядом по статье. Теперь она расстроилась. А еще немного разозлилась. Зачем она вообще все это читала? Она засунула распечатки в сумку и вышла из библиотеки. Направилась в столовую и, добравшись до места, осмотрелась в поисках Томми. Он сидел за дальним столиком с Тони и Лиэнн. Зоуи тоже присоединилась к ним, а с ней и несколько незнакомых Мэнди парней. Через весь зал было видно, что Томми сидит в самом центре компании и о чем-то рассказывает. Все смотрели на него, внимая каждому прозвучавшему слову. У Мэнди защемило в груди. Томми был популярным. Открытым для общения. Вот почему он всем нравился. Такие люди, как Томми, принадлежали всем.

Он заметил Мэнди, встал и направился к ней. Остальные перекинулись

взглядами. Похоже, ей здесь не рады. Мэнди недвижно стояла на месте. Она не собиралась им мешать.

– Привет, – произнесла она, доставая распечатки. – Я просмотрела. Кажется, тут все верно.

И передала листки ему.

– Я покажу тебе речь, когда напишу.

– Не нужно.

Он поморщился. Ему нравилось это задание, и он хотел хорошо его выполнить.

– Зоуи только что рассказывала нам о вечеринке. Ты же придешь?

– Не знаю, может быть.

Он подошел ближе и положил руку ей на локоть.

– Без тебя будет уже не то.

У Мэнди буквально ноги подкосились. Она ощущала тепло его пальцев и безумно хотела до них дотронуться.

– Возможно, я смогу прийти, – уступила она.

– Отлично! Спасибо, что просмотрела материалы, – ответил он и ушел.

Глава 6

Вернувшись домой в пятницу уже к вечеру, Мэнди услышала из кухни голос Элисон Пойнтер. Та разговаривала с ее мамой. Девушка растерянно замерла в коридоре и прислушалась к тону беседы. Она прикупила новую одежду для вечеринки у Зоуи. И это подняло ей настроение, но сейчас, когда в их доме находилась Элисон, Мэнди смотрела на пакеты и ощущала вину. Никогда нельзя было предсказать, что принесет с собой визит Элисон. В одни дни она выглядела подавленно, плакала и не успевала доставать салфетки из коробки. В другие – пребывала в хорошем расположении духа, вела себя оживленно и по-деловому, излагала планы по новым проектам.

Судя по бодрому голосу, сегодня у Элисон был хороший день.

Мэнди расслабилась.

– Милая, это ты? – крикнула мама.

– Да. Сейчас подойду.

Она поднялась наверх и закинула пакеты в комнату, после чего спустилась на кухню. Элисон сидела за кухонным столом в элегантном наряде из темных брюк и кремового джемпера. На полу, возле стула, стояла огромная сумка, больше напоминающая чемодан. На спинке

соседнего стула неряшливо висело кожаное пальто. Взгляд Мэнди упал на темно-красные ногти Элисон. Женщина выглядела под стать для телевизионного интервью. В прошлом Элисон одевалась так же, как мама Мэнди, за исключением тех дней, когда работала секретарем у доктора. Теперь же она обычно одевалась с иголки.

Мама Мэнди была в джинсах и свободной кофте. Сбоку от женщин стояли миски и пакеты с мукой. Она снова пекла. Нет сомнений, что позже это превратится в торт «Виктория» или кекс «Мадейра».

– Мэнди! Как дела? – с широкой улыбкой спросила гостя.

– Здравствуйте, Элисон, – лишь поздоровалась она.

Мэнди потребовалось много времени, чтобы осмелиться называть миссис Пойнтер по имени. Она выдвинула стул и села.

– Ты видела, как сносят дом? Сосед говорит, что теперь от него ничего не осталось.

– Только самое начало, утром во вторник, но больше не была там. Я хожу в школу другой дорогой, поэтому результат не видела...

– А я специально не пошла. Это слишком тяжело. Я много лет подряд ходила мимо этого дома, ощущала в нем небольшое утешение, ведь это место стало для Тины последним... Знаешь, я боялась, что могу попытаться им помешать. Такой абсурд. Если и есть дом, который я должна ненавидеть, то это он.

– Я видела там Джейсона Армстронга, – призналась Мэнди.

Элисон нахмурилась.

– И что он сказал?

– Я недолго с ним разговаривала, – ответила Мэнди, вспоминая его слова и то, как они ее расстроили. – Выглядел он неважно.

– Слышала, он живет в хостеле, где-то в Восточном Лондоне. Пропавший человек.

– Наверное, потеряв Петру...

– Он всегда был таким. Знаешь, после пропажи девочек я попросила его принять участие в поисках, но он отказался. Сказал решительное «Нет, спасибо!». Представляете? За последние пять лет он палец об палец не ударил! Ему нет оправдания!

– Говорят, их семья состояла на учете в социальной службе, – вспомнила мама.

– Я всегда это знала. У нас в клинике имелись записи по ним. До того как все произошло, я их не просматривала, но знала, что у него были проблемы. Почему, вы думаете, я не разрешала Тине оставаться у них? Почему все ночевки проходили у меня дома?

– И у нас, – добавила мама. – Девочки один раз оставались здесь.

– Конечно! Я была очень рада, что Тина осталась у вас. Знала, что она в безопасности.

– У Элисон потрясающие новости.

– Правда?

У Элисон всегда было что рассказать. Она состояла в комитете, который занимался защитой и вопросами безопасности детей. Еще она создала популярный сайт под названием «Жив и здоров», на котором обменивались информацией по пропавшим детям.

– Видели девочку, предположительно похожую на Тину, – тихо произнесла Элисон.

– Видели? Снова?

– Знаю, за эти годы такое случалось часто, но сейчас все иначе. За последнюю неделю со мной связались три человека, живущих во Франции в радиусе тринадцати квадратных километров, в окрестностях городка Бержерак. Это сельская местность. А теперь самое интересное. Один из них прислал фотографию.

– Фотографию?

Глаза Элисон сверкали.

– Сейчас покажу, – сказала она и полезла в сумку. Достала айпад и пару раз потыкала пальцем по экрану. – Вот.

Мэнди взяла айпад. И на экране увидела размытую фотографию девушки, стоящей возле машины на газоне перед гаражом. Она опиралась на крышу кузова и смотрела вдаль. Дальше шел снимок чуть поменьше – на нем девушка, снятая по плечи. Вьющиеся волосы убраны назад заколками, на щеках ямочки. В этих двух девушках прослеживалось сходство.

– Вторая фотография – обработанное компьютером изображение Тины. Мы меняем ее каждые полгода. Примерно так она выглядит сейчас. Конечно же у нас есть и фотография Петры. Вообще-то, мы загрузили на сайт такие фотографии порядка двадцати детей. Сложно поверить, что столько пропавших. Так много несчастных семей.

Мэнди посмотрела на маму. Она явно чувствовала себя некомфортно, соскребала ногтем что-то с поверхности стола. Такие разговоры с Элисон всегда заканчивались тяжелым молчанием. Ее разбитое сердце находилось в одной комнате с безутешными женщинами, и никто не знал подходящих слов, чтобы облегчить боль.

– Но видели *Тину*, – подчеркнула Элисон. – Поэтому я так взволнована. Три раза за неделю. Полиция уже принялась за дело, и жандармы им

помогают. Я вылетаю туда завтра.

Мэнди закивала, уже представляя, как Элисон сидит в самолете у прохода, аккуратно пристегивает ремень и говорит случайному спутнику: «Я найду свою дочь».

– Звучит многообещающе, – сказала Мэнди.

– Да, – согласилась Элисон.

Затем взяла айпад и посмотрела на фотографию. Подняла палец, словно собиралась провести им по экрану или сменить приложение. Но вместо этого он завис над изображением девушки, окрашенный в цвет рубина ноготь оказался всего в паре миллиметров от ее лица.

– Это может стать огромным достижением, – еле слышно прошептала она. – Важной вехой. Не только для Тины, но и для Петры.

– Полиция будет следить за этим, – добавила мама. – К тому же они сотрудничают с Интерполом.

Элисон не раз приходила в их дом и делилась новостями о ложной надежде. Девочек и раньше где-то видели. В Лестере, Дареме, Глазго. И даже за границей: в Португалии, Франции, на Майорке, Канарских островах. Все эти места кишели английскими туристами, которые осматривались и вглядывались в девочек, подходящих под описание. Они не намеренно вводили в заблуждение, просто больше всего на свете хотели предстать правыми. Хотели найти этих двух милых девочек и вернуть в семьи. Каждая зацепка была отработана и каждая оказывалась ложной. Со временем количество зацепок уменьшилось, дело замедлило ход, а загадочности лишь прибавилось. Что с ними стало?

Мэнди вспомнила девочек, запертых в подвале в Кливленде. Интересно, о чем подумала Элисон, когда прочитала об этом случае.

– Мне пора, – сказала гостья. – Много дел. Я дам вам знать, как пойдут дела во Франции. Хотя... – она понизила голос, – если это Тина, ну... я не знаю, как быть. Но если не она... то это оставит на мне серьезный отпечаток.

– Я вас провожу, – предложила Мэнди.

Элисон убрала айпад в сумку, расправила складки на брюках и сняла со спинки стула пальто.

– Скрестите за меня пальцы!

– Как и всегда, – ответила мама.

Мэнди вышла в коридор и открыла входную дверь.

В дом проник холодный воздух.

Элисон притормозила на секунду, чтобы накинуть пальто. Застегнула все пуговицы и завязала пояс. Затем повернулась к зеркалу и посмотрела

на себя. Убедившись, что все в порядке, сделала шаг в сторону двери. Но замешкалась и вдруг охнула, как будто забыла нечто важное. Мэнди думала, что она вернется на кухню что-то забрать со стола или поделиться последней сплетней с мамой. Но вместо этого Элисон подошла к девочке и крепко взяла ее за руку.

– Знаешь, Мэнди, я больше не виню тебя, – заговорила она тихо-тихо, прямо в ухо, не желая, чтобы кто-то услышал. – В то время я могла наговорить тебе лишнего. Я была к тебе несправедлива. Произносила то, чего не следовало. Ты была всего лишь ребенком. Это не твоя вина. Я больше не считаю тебя виноватой. Совсем.

Мэнди не ответила. Только слабо улыбнулась. Элисон вышла из дома и, не поворачиваясь, помахала рукой. Закрыв дверь, Мэнди ощутила на своих плечах тяжелый груз. Мама постоянно говорила эти слова. «Это не твоя вина, Мэнди».

Но Мэнди винила себя. Всегда винила и будет винить.

Глава 7

Позже тем вечером, когда родители смотрели телевизор, Мэнди вошла в свою комнату и закрыла дверь. Слова Элисон непрерывно крутились в ее голове. Девушка едва притронулась к еде, и пришлось оправдываться перед мамой за отсутствие аппетита. После ужина она помогла убрать тарелки и приняла ванну. И теперь, оказавшись в спальне, ответила на эсэмэски – три от Томми и две от знакомых девочек. Затем повесила на вешалку новую одежду – красный топ и черные джинсы – и прицепила ее к дверце шкафа, чтобы можно было полюбоваться. Туфли поставила вниз. Они были красными, как и топ, и на высоких каблуках. Мэнди перевернула их, немного сомневаясь в правильности своего выбора. Некоторое время спустя она навела порядок в коробке с бусинами, рассортировала застёжки и резинки, чтобы сделать бусы. Но из рук все валилось, и было сложно нанизать бусины, поэтому она закинула их обратно в коробку и захлопнула крышку. Настроилась на мысли о предстоящей вечеринке у Зоуи. В эсэмэсках Томми предлагал договориться, как пойти.

«Во сколько думаешь туда поехать?»

«Принесешь выпивку?»

«Может, встретимся заранее?»

Но она не могла перестать думать о словах Элисон. И в конце концов легла на кровать и предалась воспоминаниям о своей короткой дружбе с Петрой и Тиной. Она продлилась всего семь недель, но оказалась определяющим фактором ее подростковой жизни.

Мэнди вспомнила первый день в средней школе и то, как познакомилась с девочками. Весь класс был разбит на небольшие компании, в которых дети знали друг друга еще с начальной школы. А она не вписывалась. Мисс Пирс заставила Петру с Тиной убрать рюкзаки со свободного места, чтобы Мэнди могла сесть. Тина вела себя мило. Семья Мэнди летом переехала в дом на ее улице, и их мамы быстро сдружились. Петра же держалась замкнуто. Часто в ответ пожимала плечами и отворачивалась, будто Мэнди вовсе не было. После уроков Мэнди пошла вместе с ними. В какой-то момент Петра свернула на свою улицу, и тогда Тина оживилась. Принялась болтать и рассказывать о папе, который жил с визажисткой в Южном Лондоне. Когда они дошли до ее дома, она дружелюбно сказала: «Увидимся завтра».

Но на следующий день Мэнди ожидал холодный прием от Петры и неловкие улыбки от Тины. Хоть она и сидела с ними рядом, все равно ощущала себя лишней. И только во время ланча они немного оттаяли. Девочки хотели устроить репетицию «Красных роз» и попросили Мэнди последить за их вещами. Ей разрешили разместиться в спортивном зале и послушать, как они поют. Петра показывала Тине новые танцевальные движения, а Мэнди горячо хлопала после каждой песни.

Тем вечером, по дороге домой, Петра громко и ясно сказала: «Тебе не место в нашей группе. Это дуэт. Только мы вдвоем!» Но Мэнди уже это знала. Петра с Тиной были худенькими и могли носить облегающую одежду, Мэнди же была пухленькой и предпочитала толстые джемпера и свободные джинсы.

Эта дружба была неравной, Петра с Тиной словно сидели в лодке, а Мэнди цеплялась за ее край, еле-еле удерживая голову над волнами. Но она не возражала, просто была благодарна, что девочки позволили ей остаться.

Шли недели, и Мэнди становилось все комфортнее в их компании, хотя Тина ей нравилась больше. Они жили рядом и много времени проводили вместе. Петра не всегда вертелась с ними. Она пропускала школу и частенько ходила с папиной подружкой по магазинам. Иногда после ужина Мэнди шла к Тине и звала к себе. Та соглашалась, но просила подругу пообещать не рассказывать об этом Петре, и она молчала. Со временем Петра все же подпустила Мэнди ближе к группе и даже пришла к ней с ночевкой. Мэнди, в свою очередь, разыгрывала интерес к увлечению Петры домом, в котором, по ее мнению, обитали привидения. Однажды Мэнди нехотя последовала за Петрой и Тиной к заднему дворику того самого дома, но их прогнал оттуда разгневанный сосед. Пару раз она спрашивала Тину, почему Петра такая странная, но та никогда не обсуждала свою лучшую подругу, поэтому Мэнди оставила эту тему.

На каникулах Петру словно подменили. Она потеряла телефон. Стала дерганой и практически забросила группу. Постоянно похлопывала по карману, хотя телефона там не было. А ее одежда была грязной. На одной неделе она три дня подряд надевала один и тот же топ. И выглядела неряшливо. Когда Мэнди пришла позвать Тину к себе, то услышала, как мама спрашивает ее: «Как дела у Петры? Отец опять устраивает проблемы?» И тогда она спросила у Тины, что имела в виду ее мама.

«Папа Петры болен алкоголизмом», – ответила та. Мэнди решила, что у мужчины похмелье, и только позже она узнала, что у него серьезные проблемы с алкоголем, что он пил весь день и иногда даже не мог встать с кровати. Настроение Петры ухудшалось, и каждый раз, когда они ходили в

газетный киоск, она стояла и смотрела на дом.

У Тины тогда были свои проблемы. Мама не разрешила ей погостить у папы. И девочке оставалось надеяться на его визиты. Бывало, он обещал, что приедет, но нарушал данное слово и обвинял в этом движение в Блэкуолл Таннел. Глаза Тины блестели от слез, и Мэнди старалась ее успокоить. Ей нравилось, когда они оставались только вдвоем, она и Тина. Ночью, лежа в кровати, Мэнди фантазировала о том, что Петру насмерть собьет машина, и тогда они с Тиной станут лучшими подругами. Когда девочки пропали, у нее на душе заскребли кошки. Как будто злая фея-крестная услышала желания и наказала ее, освободив и от Петры, и от Тины.

В тот четверг они весь день провели у Тины дома. Это был предпоследний день каникул. Они обсуждали свои планы на Хеллоуин. Родители Мэнди устраивали вечеринку для друзей и приглашали Тину и Петру остаться у них с ночевкой. За разговорами об этом они решали, стоило ли спеть парочку песен группы.

Как вдруг Петра поднялась.

«Мне все это надоело, пойдем в магазин», – сказала она и достала деньги из кармана.

Они дошли до газетного киоска на Принсесс-стрит и собрались было назад, как вдруг внимание Петры привлек дом напротив. Мэнди посмотрела на него. Была половина шестого, на улице темнело. Дом казался мрачным, свет горел лишь в одной из комнат на нижнем этаже. Петра очень долго на него смотрела. Мэнди ожидала от нее обычного комментария о том, что однажды они проберутся туда, но Петра убрала деньги в карман и сказала: «Думаю, нам стоит зайти в дом. Мы неделями обсуждали это. У задней двери на крючке есть ключ».

Мэнди это удивило. Она никогда прежде не слышала, чтобы Петра говорила о ключе.

В итоге Тина пошла с Петрой. Естественно, она же была ее лучшей подругой. Петра потянулась и подхватила Тину под руку. «Мы всегда все делаем вместе. Дружим уже шесть лет. Если не хочешь, можешь не идти, Мэнди. Я понимаю». И Тина позволила утащить себя на задний двор.

Мэнди с растущим недовольством смотрела, как они уходят. Что такого в этом доме? Было темно, холодно. Тина надела мамину толстовку и накинула на голову капюшон. Когда калитка в сад закрылась, Мэнди отвернулась, ее терпение было на пределе. Она не собиралась стоять и ждать их! И она пошла к себе домой, внутри нарастала обида. Наверное, ей стоило найти других друзей. Начать все с нуля в понедельник, сесть с

другими ребятами. Мэнди надоело, что с ней обращаются как с идиоткой. «Красные розы» – глупое название для группы.

Когда выяснилось, что ни Петра, ни Тина не вернулись в тот вечер домой, Мэнди впала в молчаливую панику. «Ты знаешь, куда они пошли?» – спросила мама.

Она яро замотала головой. «Мы поругались возле газетного киоска, и я пошла назад». Как она могла сказать маме, что девочки пошли в старый дом и что она подумывала присоединиться к ним? Как могла признаться, что они обсуждали нечто подобное? Тогда выяснится, что пару недель назад они уже заходили во двор. Вторглись на частную территорию и были выгнаны соседом. Это станет концом свободы, которую она выбивала себе с момента перехода в среднюю школу. Ей разрешили самой ходить к Тине. Объясняться общей фразой: «Я недолго погуляю с Тиной и Петрой». Как только она расскажет про дом на Принсесс-стрит, все это закончится. Тогда не будет иметь значения, есть ли у нее друзья, потому что ее никуда не выпустят.

В тот вечер, когда они пропали, Мэнди сидела в кресле в гостиной и нервно переключала с канала на канал, прислушиваясь к маминым разговорам по телефону. Без сомнений, с мамой Тины она уже говорила. В воздухе повисли напряжение и обеспокоенность взрослых, которые в любой момент могли превратиться в гнев. Зачем рассказывать им о том, что произошло, если, вероятнее всего, Тина с Петрой пошли куда-то еще. Может, Петра потащила Тину побродить по магазинам с подружкой отца? Может, они отправились в «Макдоналдс» и просто забыли всех предупредить? А может, кто-то из них упал, подвернул лодыжку, и они сидели где-то в отделении травматологии? Зачем рассказывать про дом и одинокого старика, который жил там?

Но часы все шли, и Мэнди ощущала себя в западне. В восемь вечера она уже не могла просто сказать: «Ох, вообще-то, я знаю, куда они пошли». А затем она услышала, как мама сообщила папе, что Элисон Пойнтер поехала в Южный Лондон проверить, не отправилась ли Тина к отцу и его подружке.

Мэнди ненадолго расслабилась, потому что это казалось хорошим объяснением. Тина злилась, что не видела папу больше половины семестра. Вполне возможно, когда им надоел этот дом на Принсесс-стрит, Петра сказала: «Давай съездим к твоему папе!» Тина могла написать об этом маме, не зная, что в тот самый момент телефон разрядился и сообщение не отправилось.

Но позже Мэнди узнала, что телефон Тины лежал дома на зарядке. Так

что пропавшие девочки остались без связи.

В дом пришла полиция, и телевизор выключили.

Последовал вопрос за вопросом.

И в одиннадцать вечера она все же рассказала правду.

Все получилось внезапно. «Я знаю, куда они пошли», – пробормотала она, всхлипывая, и все рассказала. Она увидела, как удивилась мама. Выражение лица полицейского вмиг изменилось. Он резко встал и снова сел. Достал телефон и быстро заговорил в него, все слова сливались в одно, так что она едва могла их разобрать. А потом он ушел. Родители сидели на диване, держа друг друга за руки, и смотрели на нее как на незнакомку.

После этого многие спрашивали ее, почему она сразу не рассказала, куда пошли девочки. Офицер Фаррадей сидел на диване в гостиной, его глаза потемнели от огорчения, и он спросил: «Почему ты сразу нам не рассказала, Мэнди? Если бы мы знали, что они в том доме, то немедленно отправились бы туда. Мы могли их спасти».

Почему она не рассказала им?

Отгнав воспоминания, Мэнди взяла ноутбук. Открыла поисковик и вбила название сайта «Жив и здоров». Зашла на него и кликнула на страницу под названием «Петра Армстронг». На одной стороне экрана располагалась фотография двенадцатилетней Петры. На другой – обработанное компьютером изображение того, как Петра выглядела бы в семнадцать лет. Фотография девочки постарше поражала. Те же длинные волосы, то же скрытное выражение лица. Только скулы заострились и глаза казались больше, хотя, присмотревшись поближе, Мэнди заметила на них подводку. Девушка с изображения не угрюмилась, но и не улыбалась.

Петра Армстронг почти наверняка мертва.

Мэнди взглянула на новую одежду. Черные джинсы свисали из-под красного топа. Туфли на каблуках стояли внизу на ковре. Этот наряд не отличался от того, что носили для группы Петра и Тина. Мэнди ощутила укол боли, глядя на ожидающую ее одежду. Ей так и не разрешили присоединиться к «Красным розам».

Встав, Мэнди сняла вешалку с двери. Открыла шкаф и повесила наряд между другими. Взяла туфли и поставила на полочку. Ей шел красный цвет, и не было причин этого стыдиться.

Элисон сказала, что больше не винит ее. Мэнди в это не верилось. Мама пропавшей девочки произнесла эти слова в элегантном наряде и с крутой кожаной сумкой в руках. В тот момент она казалась настолько непоколебимой и сильной, что могла простить что угодно. Но Мэнди не сомневалась, что когда красивая одежда снималась и Элисон сидела в

халате и тапочках, то снова и снова задавалась вопросом, почему подруга дочери пять часов не признавалась в том, куда пошли девочки.

Пять часов, которые могли все изменить.

Глава 8

Вечеринка начиналась в восемь. Они с Томми договорились встретиться пораньше в кафе на главной улице, но он написал, что у него возникло срочное дело, и предложил состыковаться уже на месте. Это означало, что ей придется идти одной. Мэнди замешкалась, гадая, как поступить. Она могла пойти со знакомыми девочками, но не хотела.

В классе у нее на самом деле не было подруг. Когда-то она дружила с Софи Брюэр, но после Рождества ее семья переехала в другой дом, и теперь та ходила в школу в Барнете. Сначала Мэнди поддерживала с ней связь, подолгу болтала по телефону, отсылала кучу сообщений о том, что происходит в школе. Даже несколько раз оставалась у нее на выходные, и Софи показывала ей окрестности. Но шли месяцы, и девочки стали общаться меньше. Пару раз они встречались на Оксфорд-стрит, чтобы походить по магазинам, но Мэнди чувствовала себя одинокой, слушая рассказы Софи о школе и новых друзьях. И начала искать отмазки. Общение подошло к концу, и к летним каникулам Мэнди поняла, что уже много недель не писала и не звонила Софи. Даже не заглядывала на ее страничку в Фейсбуке.

В школе она общалась с некоторыми девочками и часто сидела в компании давних знакомых. Такого рода отношения легко начинать и заканчивать, когда удобно. И ее дружба с Софи тоже попадала под эту категорию. У Софи было две младшие сестры и много семейных проблем. Ее дружба с Мэнди всегда шла вторым планом. И девочку это устраивало. Она даже находила забавным, когда ученицы из ее класса начинали паниковать из-за того, что придется провести урок без подруги. Лучше быть независимой. Если станет нужно, она завяжет дружбу. Зато так можно избежать эмоционального давления.

Она решила сама добраться на вечеринку Зоуи. Какое-то время критично поразглядывала купленный топ и джинсы. Затем примерила их и, пройдясь по комнате на каблуках, с замиранием сердца поняла, что как раз такая одежда, скорее всего, и не понравится Томми. Наряд из магазина в центре города, сто процентов сшитый в странах третьего мира. Ко всему прочему, он не в ее стиле. Томми сразу это заметит, хотя воспитание не

позволит ему озвучить подобное вслух.

Мэнди присела на кровать. В магазине она увлеклась мыслями о том, как хорошо красный цвет гармонирует с ее кожей и как черные джинсы визуальнo удлиняют ноги. А еще туфли. Обычно она не носила каблуки, но эти привлекли ее внимание. В магазине громко играла музыка, и консультант сказала, что все молоденькие сотрудницы уже взяли себе по паре таких. И поддавшись минутному порыву, Мэнди их купила.

Нужно было пойти в комиссионный магазин.

И тогда у нее появилась идея. Можно сказать, что она купила их в комиссионном магазине. Мэнди подняла одну туфлю. Красная кожа выглядела безупречно. Придется слегка их поцарапать, чтобы придать им поношенный вид, хотя бы немного. «Смотри, я взяла их почти за бесценок», – скажет она, и Томми это понравится.

Джинсы были самыми обычными. Можно просто надеть с ними черный топ. А еще добавить самодельные украшения. Это единственное, что одобрял Томми. Ему нравилось, что она мастерит браслеты и бусы. Он оценивал каждую безделушку и говорил, что делать вещи своими руками – важно, нельзя полагаться только на других людей.

Он много думал о планете и ее ресурсах.

Мэнди никогда не встречала такого, как он. Вот почему парень ей так сильно нравился. Может, сегодня на вечеринке она как-то намекнет ему о своих чувствах. Там будет алкоголь, а когда ты пьян, тебе прощаются вопиющие поступки. Если она все поняла неправильно, то всегда может сказать: «Ох, не бери в голову! Я становлюсь сентиментальной, когда выпью. Ты же не подумал, что я серьезно?»

Девушка передела топ и нацепила бусы. Мама вытирала пыль в коридоре. Мэнди накинула пальто.

– Во сколько папе тебя забрать? – спросила женщина.

– Ненавижу называть время. Можно я просто возьму такси?

– Он не против попозже лечь спать. Во сколько? В двенадцать? В час?

– Давай я потом позвоню? Буду не позже часа. Обещаю.

– Хорошо, я ему передам.

Мэнди обошла ее.

– Это новые туфли? – спросила мама.

– Из комиссионного магазина, – ответила она, чтобы оценить, как звучит ложь.

К ее приезду вечеринка уже шла полным ходом. Она поздоровалась со знакомыми ребятами, и Зоуи проводила ее на кухню. Мэнди не стала

снимать пальто, поскольку не знала, куда его положить. Зоуи представила ей своих братьев и их друзей. Затем раздался звонок, и Мэнди осталась одна. Братья Зоуи были выше и шире большинства ребят здесь, на лицах больше волос. Мэнди обошла их и направилась к столу с выпивкой. Поставила туда бутылку вина и искала банку пива. В помещении царил полумрак, но на дверцах шкафчиков висели гирлянды. Атмосфера гостеприимная, как в Рождество. Девушка немного расслабилась. Оглянулась посмотреть, кто пришел. Обвела взглядом комнату в поисках Томми. Но это был не он, просто какие-то незнакомые ребята.

– Ты не останешься? – произнес чей-то голос.

Люси. Они вместе ходили на историю. Мэнди едва ее знала. Одноклассница показывала на пальто.

– Я немного замерзла, – ответила Мэнди, не желая пока его снимать.

– Как тебе история? Мне уже так надоели лекции. Скучища невероятная.

– Ага.

На самом деле Мэнди не скучала на истории, но только потому, что сидела с Томми. Он ее развлекал. В противном случае она бы на стены лезла от скуки.

– Что вы делаете на английском? Я в параллельном классе.

Мэнди нахмурилась в раздумьях. Она никогда раньше не общалась с Люси. Интересно, почему девушка завязала этот разговор?

– Сейчас проходим «Кошку на раскаленной крыше».

– Я бы тоже хотела! А у нас после каникул по плану «Антоний и Клеопатра»!

Ребята пытались пробраться мимо них к выпивке. Мэнди отходила то туда, то сюда, поэтому едва слышала Люси.

– Хочешь пойти в другую комнату? Там больше места, – повысив голос, предложила Люси.

– Конечно.

Мэнди последовала за ней, все время оглядываясь по сторонам на случай, если упустила Томми. Гостиная оказалась просторней, тут ребята сидели на диване. Музыка играла громко, но никто не танцевал. Люси направилась к окну. Мэнди заметила, что у нее очень длинные волосы. Кончики тонкие, как волосики у деток. Очевидно, она из тех девушек, которые никогда не стригутся.

Мэнди стало жарко в пальто, и она скинула его с плеч.

– Здесь тепло...

– Положи его сюда, – предложила Люси, указывая на кресло с куртками

в углу.

Отложив пальто, Мэнди подошла к девушке и уставилась в окно с видом на передний дворик. Когда Томми придет, она его увидит.

– Мне нравятся твои бусы и браслеты. Ты сама их делаешь? Случайно услышала, как ты об этом говорила. Мне всегда было интересно, почему ты не сделаешь такие же серьги.

– Для меня это сложно. Я собираю красивые и необычные бусины. Умею их нанизывать, но серьги пока не освоила.

– Моя мама могла бы тебя научить. Она делает серьги и продает их на рынке. Вот смотри, это ее работа!

Люси откинула волосы назад и показала сережку из бисера. Просто обалденную: длинную и разноцветную. Даже обидно, что такая красота пряталась за густыми волосами.

– Они очень красивые.

– Мама человек творчества. Я же напротив. Только и делаю, что учусь. Хочу поступить в Оксфорд. Поэтому нужны высокие оценки. А ты собираешься в университет?

– Наверное. Так далеко еще не загадывала.

– О, пора бы. Покопайся в информации об университетах. Есть хорошие, а есть и ужасные. Ты же не хочешь потерять впустую студенческий заем.

Музыка прервалась, на несколько секунд воцарилась тишина. Мэнди выглянула в окно. И увидела, как по тропинке к дому идет Томми. Она выпрямилась. Он пришел. Ее губы растянулись в улыбке. Похоже, Люси заметила изменения в Мэнди, потому что тоже выглянула в окно.

– Мне нравится Томми, – вдруг призналась она. – Он так отличается от других парней, с ним легко общаться.

Мэнди кивнула и посмотрела на красные туфли, гадая, стоило ли их надевать.

– Я так удивилась, что он сошелся с Лиэнн!

– Что?

– Томми и Лиэнн. Они встречаются. Я видела их вместе вчера после школы. У меня было дополнительное занятие по английскому, я уходила поздно и застукала, как они держатся за руки.

– Лиэнн?

Мэнди затеребила бусы.

– Удивительно, правда? Нет, я знала, что он все время тусуется с Тони и Лиэнн, но думала, ему нравится Тони. Она больше подходит... Ну, знаешь, в том, как она одевается, есть некое сумасбродство. Но Лиэнн?

Мэнди ощутила слабость. Каблуки вдруг показались выше, и она почувствовала, что нетвердо стоит на них. Глаза лихорадочно забегали в поисках, куда можно поставить банку с пивом.

– Ты в порядке? – спросила Люси.

Раздался звонок. Томми пришел, а Мэнди не могла смотреть ему в лицо. *Лиэнн?* Он встречался с *Лиэнн*?

– Я просто...

Выражение лица Люси изменилось. Она нахмурилась и слегка поджала губы.

– Ты не знала.

Мэнди отступила за дверь гостиной, и Люси последовала за ней. Музыка вновь заиграла, девушки начали танцевать, от чего созданся эффект переполненной комнаты. Прячась за дверью, Мэнди слышала голос Томми. *Лиэнн* была с ним? С этим она точно не могла справиться. Люси обеспокоенно смотрела на нее.

– Он тебе нравится, да? Я не знала. Думала, вы просто друзья. Мне очень жаль, что я тебе все это рассказала.

Томми не пошел в гостиную – очевидно, напрямик направился на кухню, как и большинство ребят, к столу с выпивкой.

– Можешь принести мое пальто? – попросила она.

– Не уходи. Здесь полно парней...

– Пожалуйста.

Люси на секунду задумалась, а потом пересекла комнату и отыскала ее пальто.

– Спасибо, – поблагодарила Мэнди, одеваясь. – Если кто-нибудь спросит, скажи, что мне стало плохо.

– Конечно. С тобой все будет хорошо?

Мэнди покинула гостиную, оставив музыку позади, и прошмыгнула на улицу, когда в дом входили какие-то ребята. Никто ее не заметил, никто ничего не сказал. Она словно была невидимой. Будто и вовсе не приходила на вечеринку.

Глава 9

Мэнди пошла домой пешком. Папе не стала звонить, решила добраться сама. Она почти час тащилась по улицам. Думала о вечеринке и ощущала дикий прилив смущения. Она провела там не больше получаса. Наверное, стоило остаться, встретиться с Томми и притвориться, что все нормально. А если Лиэнн пришла, она могла поболтать с ней и спросить: «Как вы с Томми сошлись?» Будто не произошло ничего особенного. Будто это было ожидаемо.

Грудь сжимало от боли, но чем дальше она уходила от вечеринки, тем больше ослабевало давление. Мэнди не могла поверить, что надеялась на какие-то отношения между ней и Томми. Он был милым, внимательным и всегда стремился проводить с ней время, но это никак не было связано с *влечением к ней*. Он просто дружил. Вот и все. Никто и не думал, что они могли стать парой. Люси без всякой задней мысли рассказывала ей о Лиэнн. Она не считала, что Мэнди подходит Томми, и ни на секунду не задумалась, что у той возникала такая мысль.

Вероятно, так же думали и все одноклассники.

И лишь она одна не знала. От этой мысли на глаза навернулись слезы. Так стыдно, что она этого не понимала. Она что, какая-то идиотка? Возможно, не будь она так погружена во все, связанное с Петрой и Тиной; если бы поменьше думала об этом, то спокойно окинула взглядом общую комнату, заметила признаки привязанности Томми к Лиэнн и приняла правду до того, как сорвалась на глазах у Люси.

Но ее голова была забита мыслями о случившемся пять лет назад. Закопавшись во все это, она не заметила то, что происходит у нее прямо под носом, не могла думать ясно, иначе поняла бы, что Томми ей не подходит. Он душа компании, интересный, веселый и полон идей. Зачем она ему? Мэнди добралась до дома, где успешно ушла от ответов на вопросы о вечеринке и о том, почему не позвонила. Папа устал и весь путь вверх до своей спальни зевал. Девушка сразу забралась в кровать и моментально заснула.

А в начале четвертого вдруг проснулась. Попыталась снова забыться сном, но час тупо проворочалась. И в итоге села в кровати. В комнате сквозило холодом. Она включила светильник и глотнула воды из стоящего рядом стакана. Затем посмотрела на шкаф. Красный топ все еще висел на дверце. Она его даже не надела. Он висел там как спущенный флаг.

Не стоило вообще ходить на вечеринку. Нужно было остаться дома и погрузиться в мысли, одолевающие ее последнюю неделю. Она встала. Подошла к окну, приоткрыла занавеску и выглянула во двор. На улице было темно и туманно. Уличные фонари словно находились в дымке.

Мэнди задумалась о доме на Принсесс-стрит. Она не проходила мимо него с утра вторника, когда бульдозеры начали свою работу. Элисон Пойнтер сказала, что его практически сровняли с землей. Мэнди попыталась представить эту картину: большой пробел между стенами прилегающих домов, которые теперь выглядят странно и незащищенно. Можно сразу увидеть то, что было задним двором. Интересно, деревья и кусты тоже убрали? Насколько она помнила, в давние времена их росло много, но, возможно, живущие там после люди от них избавились. Еще в глубине сада стояли кирпичные сараи. Их тоже сровняли с землей?

Двадцать минут пятого, а сна ни в одном глазу. Мама с папой встанут лишь через несколько часов. Было холодно, но отопление включалось только в семь. Тишина дома как будто душила ее. Она ощущала сильное возбуждение и хотела выйти на улицу, *хоть чем-то себя занять*. Позже, после обеда, она может зайти в Фейсбук и поздравить Томми с тем, что он встречается с Лиэнн. И так преодолит неловкое смущение. Спросит у него, как прошла вечеринка, кто во что был одет, кто напился и так далее. Словно не произошло ничего необычного.

От мысли о Томми и Лиэнн в горле образовался ком. Лиэнн совершенно ему не подходила. Она была шаблонным подростком, одной из многих в школе, кто выглядел одинаково, разговаривал об одном и том же и носил похожую одежду. Мэнди не могла припомнить, чтобы она сказала что-то интересное на уроке или в непринужденной обстановке. Лиэнн была симпатичной и слишком много красилась. Носила облегающую одежду, которая неизменно подчеркивала ее грудь и стройные бедра. Она не покупала наряды в комиссионных магазинах и не задумывалась о таких вещах, как вторичное использование. Когда Мэнди сталкивалась с ней в туалете, та всегда красила губы помадой и проверяла свое отражение в зеркале.

Лиэнн не подходила Томми, с тоской подумала она.

Перед ней маячил целый воскресный день. Как его прожить?

Она приняла решение. Сняла пижаму и надела джинсы и джемпер. Обула ботинки и достала куртку. Прихватив с собой телефон, вышла из комнаты, прокралась по коридору и на цыпочках спустилась по лестнице. В родительской спальне было тихо. Мама и папа крепко спали. Мэнди взяла со столика ключ, сняла с двери цепочку и медленно открыла замок.

После чего вышла в раннее утро. Туман как будто цеплялся к уличным фонарям. Девушка осторожно вставила ключ в замок, чтобы тихонько повернуть его и избежать шума. Когда дверь была заперта, Мэнди еще какое-то время постояла настороже, не включится ли свет наверху лестницы и не спустится ли мама. Тишина, и тогда девушка пошла по улице. Глаза медленно привыкли к темноте.

Не прошло и пяти минут, как она добралась до Принсес-стрит. Дороги были свободными, ей встретился только один велосипедист в светоотражающей куртке. Газетный киоск был закрыт. Она перешла на другую сторону и вскоре увидела то место, где находился дом. Позади нее медленно проехала машина, освещая все вокруг на несколько секунд. Расстояние между домами стало широким. Мэнди знала, что владельцы получили разрешение на постройку многоквартирного дома. Девушка подошла к забору и, увидев, что сбоку сетку уже отогнули, нахмурилась. Она стояла и смотрела через забор, начиная различать очертания. Вдалеке возвышались два огромных дерева. Хотя большую часть сада, похоже, снесли. Наверное, на его месте будет парковка для жильцов.

Мэнди посмотрела на отодранную от столба сетку, самый край которой изогнулся. Затем пробежалась взглядом по дороге. Уличные фонари светили желтым, туман вихрился вокруг света. Мимоезжая машина притормозила, чтобы преодолеть лежачего полицейского. Интересно, кому не спится в такую рань?

Девушка потянула за сетку. Та приподнялась до ее талии. Тогда Мэнди опустилась на колени, проползла на другую сторону и, быстро поднявшись, отряхнула грязь с джинсов. Затем подошла к стене одного из соседних домов и прижалась к ней, чтобы никто ее не заметил. Отсюда она могла видеть землю, на которой стоял дом. Различались неясные очертания кирпичей, словно кто-то прочертил линию вокруг некогда наружной стены дома. За линией проглядывал фундамент, местами земля, и торчали каменные плиты. Заднюю часть, где раньше находился сад, перерыли, она выглядела рыхлой. Кирпичные сараи исчезли, и два оставшихся дерева выглядели одинокими и не к месту.

Мэнди потянулась вдоль стены, пока не добралась до угла соседского дома. Садовая изгородь была высокой и сплошной, поэтому девушка прошла мимо нее и оказалась в дальней части сада. Она стояла и смотрела на дорогу. Мэнди уже видела дом с этого ракурса. И вспомнила, как стояла здесь и глядела на него в тот день, когда Петра повела их в сад.

Их освободили от занятий в связи с тренингом у учителей. Было жарко, осенний день походил на летний. Петра вдруг решила, что им нужно

пробраться в сад. Крикнула «Призываю войти!» и заставила Тину за ней повторить. Мэнди впала в замешательство. В чем смысл? Но Петра с Тиной пошли, а ей не хотелось отставать. И она последовала за ними через лужайку перед домом. Девочки обогнули дом, прошли через калитку и оказались в большом заросшем саду. Сбоку к задней двери дома вела узкая тропинка. За остальной частью сада не ухаживали, трава была высотой полметра, кусты заросли и листва торчала в разные стороны, отбрасывая повсюду тень. Заметив пару сараев из белого кирпича, Мэнди направилась к ним и обрадовалась, что Тина последовала за ней. Спустя какую-то минуту появился сосед. Его лицо замаячило из-за куста соседнего сада и напугало Мэнди. Он был в черных очках с широкой оправой и громко закричал на них. Она понеслась обратно к калитке, утапывая траву. Тина бежала следом. Покинув территорию, они устремились по улице, пока не добрались до следующего поворота, за которым остановились, чтобы перевести дух. Мэнди согнулась, прижимая руку к боку, Тина выглядела напуганной. Затем из-за угла выбежала Петра, и все трое почему-то начали смеяться.

Мэнди взгляделась в темноту сада. И различила оставленные после сноса обломки. Чуть поодаль от нее на боку лежала тачка, которая выглядела так, словно принадлежала старому дому, а не рабочим. Возле того места, где стояли сараи, валялась куча терракотовых горшков. Повсюду как будто бы наспех поскребали небольшие груды кирпичей.

В этот момент на дороге показалась машина и начала сбрасывать скорость. Мэнди присмотрелась к ней, пытаясь понять, какого она цвета и кто в ней сидит. Машина остановилась, и девушка резко напряглась. Она не должна находиться здесь. В голову закралась ужасная мысль. Что, если это кто-то с вечеринки? Она медленно спряталась за ствол дерева. Машина стояла на месте, и Мэнди слышала доносящиеся от нее звуки: шум печки, радио, работающий двигатель. А потом водитель, видимо, провернул ключ в зажигании, потому что все вдруг оборвалось и машина затихла. Внутри находились люди, только Мэнди их не видела и не могла различить марку машины. Никто не выходил. Девушка ощутила нарастающее чувство паники. Может, это сотрудники компании, занимавшейся сносом? Кто-то приехал починить забор? В пять часов утра? Или охранная фирма? Так или иначе, нельзя, чтобы ее здесь поймали. Как это будет выглядеть? После стольких лет и всего плохого, что случилось с этим домом, Мэнди Кристал не смогла держаться от него подальше. Что скажут люди? Мама? Элисон Пойнтер? Доктор Шукла?

Мэнди беспомощно осмотрелась. Садовая изгородь была крепкой. Дома

по обе стороны стояли в глухой темноте. Она не могла ускользнуть по дорожке через сад, потому что таковой не было.

Машина затаилась в тишине. А потом открылась пассажирская дверь. Никто не вышел. И только спустя несколько минут показались ноги.

Мэнди отступила подальше за дерево, ощущая под щекой грубую кору. Затем выглянула. Из машины вышла молодая девушка. Выпрямилась и тихонько закрыла дверцу, раздался едва слышный щелчок. И она с фонариком направилась к забору. Мэнди видела прямой луч света. Девушка подошла к границе участка. Мэнди напряглась. Нежданная гостя явно как-то связана с домом, а она застряла тут без возможности выбраться. Может, эта девушка из охранной фирмы и приехала на сработавшую электронную сигнализацию, которую по незнанию задела Мэнди? Вот почему девица не в униформе, а в обычной одежде – приехала чисто на вызов. Фонарик осветил участок. Туман кружил на свету. Луч был ярким, а подбираясь к саду, рассеивался и исчезал. Девушка медленно водила светом по участку, будто что-то искала. Нарушителя?

Она выключила фонарик, и стало даже темнее, чем прежде.

Девушка стояла и просто смотрела вокруг. Затем завозилась с фонариком, тот на секунду зажегся и осветил ее лицо.

Мэнди уставилась на нее. Свет погас, но она успела разглядеть лицо девушки, ярко-белое в свете фонарика. И вышла из-за дерева. Сделала несколько шагов. Девушка по-прежнему стояла на месте и снова включила фонарик. Он отбросил свет в центр сада – туда, где находился дом. Девушка ее не заметила, свет не попадал, но Мэнди словно притягивала эта яркость, она приближалась к лучу, прорезающему это место. Когда она оказалась в нескольких метрах, девушка увидела ее и подскочила. Затем быстро выключила фонарик.

– Петра, – прохрипела Мэнди, голос будто застрял в горле. – Петра, это я.

Девушка выглядела ошеломленной, напуганной. Машина за ее спиной завелась. И Мэнди вздрогнула от неожиданности. Девушка развернулась и устремилась к машине.

– Петра, подожди!

Но машина набрала скорость. И через несколько секунд пропала из виду. Мэнди опустилась на колени и проползла под проволокой. Но когда поднялась по другую сторону, то застала лишь исчезающие за поворотом задние габариты.

Машина уехала.

Глава 10

Мисс Пирс и Томми большую часть дня готовились к поминальной службе. Общую комнату старшекласников закрыли, и между уроками оставалось сидеть только в столовой, где до сих пор было грязно после ланча и пахло картофелем фри. У Мэнди после английского было окно, поэтому она пришла туда, но села как можно дальше от зоны обслуживания. Там собрались и другие старшекласники. И все они до сих пор обсуждали вечеринку Зоуи. Мэнди весь день слышала обрывки подобных разговоров. Старшие братья Зоуи держали ситуацию под контролем, поэтому, несмотря на алкоголь, наркотики и громкую музыку, вечеринка не вышла за рамки дозволенного. Никаких драк, никаких халявщиков, но многие напились и замутили друг с другом. Никто ничего не говорил о Томми и Лиэнн. Возможно, не хотели сплетничать рядом с ней. Быть может, все знали об ее чувствах к Томми. Как они могли не знать? Она же неделями ходила за ним по пятам.

Но все это меркло на фоне вчерашнего раннего утра. Мэнди до сих пор пребывала в шоке. Только так она могла объяснить внутреннее оцепенение. Она видела Петру Армстронг. *Так ведь?* Она стояла на месте сноса и смотрела, как семнадцатилетняя Петра вышла из машины, подошла к забору и с помощью фонарика осмотрела остатки старого дома, на котором когда-то была заиклена.

Или Мэнди показалось? Она всю неделю думала о том случае пять лет назад, а потом зашла на сайт Элисон Пойнтер и увидела компьютерное изображение того, как сейчас бы выглядела подруга. Петра сидела у нее в голове с тех пор, как снесли дом. Возможно, она просто *хотела* увидеть там Петру и мысленно перенесла ее образ на обычную девушку из охранной фирмы, которая приехала на вызов и проверяла участок на признаки вандализма.

Но тогда почему, когда Мэнди позвала ее, та не проявила настойчивость, не приказала покинуть участок, не записала ее имя и адрес, не вызвала полицию и не вменила ей незаконное проникновение на частную территорию? Почему поджала хвост, метнулась к машине и унеслась прочь?

Мэнди вспомнила тот момент, когда увидела лицо Петры. Фонарик осветил его всего на секунду, и кожа оказалась невероятно белой. Но она сразу ее узнала. В этом выражении лица она распознала двенадцатилетнюю Петру. Пустой взгляд и кривоватый уголок рта. *Это она*, Мэнди не сомневалась. Но не напоминало ли это ситуации в автобусах? Тогда она

тоже была уверена.

Она дважды была в этом саду. В первый раз ее прогнал оттуда злой сосед. В голове вспыхнуло его лицо, и она вспомнила то, о чем не думала годами. Через неделю после того, как они втроем пробрались в сад, она снова столкнулась с этим соседом. Он стоял перед Мэнди и ее мамой в супермаркете. Она выгружала покупки на ленту. Он внимательно посмотрел на нее, и тогда она его узнала. И вмиг покраснела под его пристальным взглядом. Переставила вперед банки и бутылки, шепча в пустоту: «Самое тяжелое снизу», а затем сказала маме, что хочет посмотреть журналы. Она с горящим лицом ушла и беспокойно болталась возле книг и журналов, думая, что мужчина нажалуется маме. Но через какое-то время увидела, как мама с улыбкой катит к ней тележку, и поняла, что он ничего не рассказал.

Мэнди подняла голову и заметила вошедшего в столовую Томми. Немного поерзала на сиденье, потому что чувствовала, что он искал ее. И это точно как-то связано с поминальной службой. От одной только мысли об этом ее плечи напрягались. Он увидел подругу и помахал, затем целенаправленно устремился к ней, намереваясь поговорить. Ее снова одолела грусть. Крохотная часть ее думала, что он интересовался службой, потому что его интересовала *она*, но теперь стало ясно, что это не так. Для него это был просто очередной проект.

– Привет! – задыхаясь, сказал он. – Можешь посмотреть вместе со мной материал? Проверить, все ли нормально.

– Конечно, – ответила она, вставая и отодвигая пустой бумажный стаканчик. Затем последовала за ним по коридору, слушая его разговоры про поминальную службу. Он подготовил музыку, стихи и отвел пару минут для учителей, чтобы те поделились своими воспоминаниями о Петре и Тине, а в завершение он скажет слова о потере. Называя части службы, Томми по-деловому загибал пальцы, и она задумалась, укажет ли он это в своем резюме для колледжа. От этой мысли ее передернуло. Томми не из тех, кто красовался; он занимался этим, потому что ему нравилось. Она позволила своему разочарованию превратиться в нечто мерзкое и злое.

Этим утром она первым делом увидела его с Лиэнн, но неловкости не возникло. Мэнди просто по возможности беззаботно сказала: «Привет! Слышала о вас, ребята!» Остаток утра прошел в делах, и давление в ее груди немного ослабло. После поминальной службы школьная жизнь войдет в обычное русло, а потом наступят каникулы. После праздников она сможет выйти из общей компании и дистанцируется от Томми.

В комнате установили стулья и небольшую платформу. За ней повесили

доску, а рядом поставили маленький стол с открытым ноутбуком. Томми обошел стулья и направился к платформе. Склонился над ноутбуком и нажал пару кнопок, после чего на экране появились две фотографии: Петры и Тины. Это были не школьные снимки, хотя со своего фото Петра смотрела в школьной форме. Снимок был групповым, но остальных вырезали. Наверное, его сделали в тот день, когда их класс отправился на экскурсию в музей. Фотография Тины совершенно отличалась. На ней девочка в платье, свободном кардигане и ботинках стояла у входной двери – наверняка в свой дом. Она сжимала руки, словно не зная, куда их деть.

– Итак, мы начнем с этой музыки, – сказал Томми.

Раздался отрывок из музыкального произведения, оркестрового и мрачного. Мэнди расслышала игру виолончели. Мелодия была знакомой, она слышала ее в прошлом, но не могла назвать.

– Дальше пойдут воспоминания учителей и вот это.

Зазвучала песня, которую Мэнди сразу узнала. Эта песня была популярной во времена их дружбы. Девочки репетировали ее снова и снова.

– Мне дала трек мама Тины Пойнтер. Сказала, что девочки пели ее в своей группе.

Услышав мелодию, Мэнди тотчас представила, как Петра поет, а Тина подпевает. Один раз, всего один раз, Мэнди намекнула, что два бэк-вокалиста лучше, чем один. Но Петра твердо сказала, что у них дуэт, группа из двух девочек.

– Они назвали ее «Красные розы», – добавил он.

– Я знаю, как они ее назвали, Томми. Я с ними дружила.

– Конечно. Извини, наверное, прозвучало ужасно глупо!

– Мисс Пирс сказала, почему служба состоится сейчас? Годовщина двадцать восьмого, а сегодня только девятнадцатое.

– Да, конечно. Двадцать восьмое выпадает на каникулы, и она поставила службу на сегодня, чтобы освободить остаток недели.

– Так она хотела просто побыстрее отделаться от этого?

– Нет! Я не это имел в виду. Просто запланировано много других, более радостных, мероприятий, и казалось хорошей идеей...

– Побыстрее отделаться от этого.

Томми стало неловко. Мэнди прибавила себе оптимизма.

– Я понимаю. Так будет лучше, – произнесла она делано веселым голосом. – Ладно, мне пора. Во сколько начало?

– Наш класс освободили от последнего урока. Так что начнем около трех. Через двадцать минут.

– Хорошо, – ответила Мэнди, ее щеки уже устали от натянутой улыбки.

Она вышла из общей комнаты и поспешила прочь, толком не понимая, куда идет. Но точно знала, что не хочет присутствовать на службе. Она не желала высиживать до конца на еще одной церемонии в память о Тине и Петре, особенно организованной Томми. Прозвенел звонок с урока. Стало шумно, ученики выходили в коридор, зовя друг друга и хлопая дверьми. Мэнди продолжала идти, теперь уже к администрации, где было тише и спокойнее. Будучи старшеклассницей, она могла не отмечаться на выход, поэтому пошла сразу к дверям.

Не успела она добраться до места, как кто-то позвал ее по имени. Мэнди раздраженно закрыла глаза. Ей не хотелось возвращаться и сидеть на службе Томми. Она остановилась и, повернувшись, увидела Джона Уоллиса. Он шел к ней. Улыбнулся и похлопал по карману. Затем что-то из него достал.

– Я тебя искал, – сказал он и протянул ей конверт. – Мне его дала девушка во время ланча. Она стояла у школы. Спросила, знаю ли я тебя, и попросила передать вот это.

– Во время ланча? – озадаченно переспросила она.

– Я искал тебя, но общую комнату заняли, а потом у меня был урок.

Мэнди взяла конверт. Ее имя было написано на лицевой стороне: «Мэнди Кристал».

– Спасибо.

– Ты не пойдешь на поминальную службу? – спросил Джон.

Она в ответ покачала головой.

– Не виню тебя. Бессмысленное мероприятие.

Он ушел, и она открыла конверт. Внутри лежала открытка с надписью.

Пожалуйста, никому не говори, что видела меня.

Я свяжусь с тобой.

Почерк неаккуратный, будто писали в спешке. Мэнди прочла еще раз, и только тогда до нее дошел смысл. Подпись отсутствовала, но она знала, от кого это. Она перевернула открытку, словно на другой стороне могло быть больше информации, но там была лишь картинка. Красивая, такую хочется повесить на доску. Но ее поразило изображение. Это был не обычный цветочный дизайн, а фотография вазы с красными розами.

«Красные розы». Дуэт, к которому Мэнди так и не позволяли присоединиться.

Петра вышла с ней на контакт.

Часть вторая

Прошлое

Петра

Глава 11

Это был двенадцатый день рождения Петры. На столе стояли три открытки: одна от папы, одна от Зофии, его подружки, и одна от Тины. В рюкзаке лежала открытка от Мэнди, новенькой из школы, но Петра еще не доставала ее из конверта. Перевалило за пять часов. Она гладила рубашку для папы. Из спальни слышалось, как тот подпевал радио. Тем вечером он забирал в аэропорту пассажира и хотел хорошо выглядеть. Петра проверила, чтобы утюг не был слишком горячим. Отец был привередливым в плане одежды. На двери висел самый лучший пиджак, все еще укрытый пакетом из химчистки. Петра забрала его по дороге из школы.

Она уже оторвала из внутреннего кармана ярлычок химчистки, но пакет оставила, потому что папе так нравилось.

Телефон пиликнул. Она достала его из кармана. Пришло сообщение от Зофии.

«С днем рождения, Kochanie».

Она улыбнулась. Зофия всегда использовала польские слова. «Kochanie» означало «дорогая» или «детка». Зофия была очень ласковой.

Петра выключила утюг. В заднем кармане ее брюк лежало сорок фунтов – подарок от папы. Еще она с нетерпением ждала подарков от Тины и Зофии. Тина сказала, что ее мама, миссис Пойнтер, тоже подготовила для нее небольшой сюрприз. Петра пойдет к ним на ужин и останется с ночевкой, как только переоденется.

В гостиную вошел отец в черных брюках и белой майке. Он подпевал песне, которая все еще играла из его спальни. Поднял кулаки к груди и задвигал ими в такт. Затем закрыл глаза и стал пританцовывать, будто находился на дискотеке. Петра покачала головой. Он обладал хорошим чувством ритма – тут не поспоришь, но его движения были ужасно старомодными.

Песня закончилась, и он открыл глаза. Продел новый кожаный ремень в шлевки брюк, и Петра протянула ему отутюженную, еще теплую рубашку. Отец засунул руки в рукава и начал застегиваться. Все это время он что-то напевал. Девочка сняла со спинки дивана галстук и передала ему.

– Умница, Петра, – похвалил он, забрал его и накинул на шею. – Хочешь, подвезу к подруге? Могу поехать той дорогой.

Девочка покачала головой, пока он сосредоточенно завязывал галстук,

узел оставил ослабленным, как делали многие ребята в школе. Затем надел пиджак и отряхнулся.

– Как выгляжу? – спросил он.

– Хорошо. Кого забираешь?

– Нового клиента, мистера Константина. Неофициально, так что без налогов. Знакомый порекомендовал меня ему. Я встречаю клиента в Хитроу, а потом он хочет, чтобы я повозил его по некоторым местам Уэст-Энда.

– Как шофер?

– Типа того. Это может стать постоянным заработком. На банковском счету появится немного наличных. Все лучше, чем день ото дня просто возить людей в больницу! У тебя все будет нормально? У подружки? Я до утра.

– Конечно.

Он взял со стола телефон.

– Послушай.

Зазвучал рингтон – заставка к телевизионной программе. Петра улыбнулась. Папа всегда устанавливал новые рингтоны и давал ей послушать.

– Крутой, правда?

– Ничего так, – ответила она, закатывая глаза. Никто больше не говорил «крутой».

Он убрал телефон в карман пиджака и уже был готов уйти. Но вдруг замешкался и повернулся к Петре:

– У нас же все хорошо? У тебя и меня? После того вечера. Никаких обид?

Петра нахмурилась. Посмотрела на гладильную доску. Чехол растянулся, и в некоторых местах проглядывал тонкий поролон. Им давно пора было купить новую, но руки все как-то не доходили.

– Я выпил лишнего. Ты же это знаешь, правда? Был не в себе.

Петра посмотрела на предплечье. Кожу прикрывал рукав блузки. Когда она подняла глаза, отец поймал ее взгляд. Он как будто ждал от нее каких-то слов.

– Я знаю, – ответила она. – Понимаю.

Он подошел к ней, приобнял за плечи и поцеловал в макушку. Она уловила запах лосьона после бритья и ощутила тепло его тела.

– Ты меня понимаешь, Петра. Знаешь, что я не хотел навредить.

– Да.

– Ты моя самая лучшая девочка.

Из радио в его спальне заиграл музыкальный трек, и он отпустил ее. Закрыв глаза и начал отступать назад, пританцовывая и двигая кулаками в такт.

– Тебе пора, – сказала Петра. – Можешь опоздать.

– Бегу-бегу! Ты права. Увидимся, дорогая!

Когда входная дверь закрылась, девочка расслабилась. Музыка все еще играла в папиной спальне, поэтому она пошла туда и выключила радио. По его комнате словно пронесся ураган, одежда валялась на кровати, ботинки под углом на полу возле кроссовок. Она поцокала. Ему нравился порядок. Девочка подняла одежду и убрала в корзину для белья. Затем поставила обувь вдоль края шкафа. Разгладила одеяло и подошла к окну. Подняла руку, чтобы задернуть занавеску. Манжета блузки сползла вниз, и она увидела синяк – темно-синее пятно, которое медленно становилось желто-коричневым. По крайней мере, запястье уже не болело.

Он не хотел причинить ей боль. Просто вспылит.

Она закрыла дверь в его спальню и почувствовала, как поднимается настроение. Ее ждала ночевка у подруги.

По дороге к дому Тины Петра думала о «Красных розах». Их выступление прошло не так гладко, как хотелось. Новенькая в их школе, Мэнди, действовала ей на нервы, постоянно околачивалась рядом. Она вежливо сказала, что не примет ее в группу, и Мэнди ответила, что все понимает, но Петра видела, с какой завистью та смотрела на них во время репетиций. «Красные розы» – идея Петры. Она решила, что они с подругой создадут группу. Они пели на вечеринке в честь дня рождения мамы Тины. Надели черные легинсы и красные футболки, повязали на головы ленты с шелковыми розами.

Накрасили губы ярко-красной помадой и пели хиты под караоке.

Однажды они смогут поехать на одно из шоу талантов.

В школе они не использовали караоке, просто тренировались в пении, танцевальных движениях и придумывали костюмы для выступлений. Они хотели попроситься у мисс Пирс выступить на ежегодном собрании, но только если будут знать тексты назубок и поставят танец. Поскольку Мэнди теперь зависала с ними, то играла роль зрителей. Как-нибудь они точно снимут короткий видеоролик для Ютюба.

Петра свернула на Принсес-стрит. Было еще светло, и возле газетного киоска болтались ребята в школьной форме. Она отвернулась, проходя мимо них, и перешла дорогу к повороту на улицу Тины. Снова вспомнила Мэнди и вздохнула. Она не испытывала к ней неприязни, но было странно,

что в их компании появился кто-то еще. Мамы Мэнди и Тины сдружились, поэтому девочки не могли ее игнорировать. Но Петра с Тиной были лучшими подругами, сколько она себя помнила. Они всегда играли только вдвоем. А теперь появилась Мэнди, и Петра заволновалась.

Но сегодня они будут с Тиной.

Девочка приближалась к пятидесяти третьему дому на Принсес-стрит. Когда Петра была одна, она частенько притормаживала у забора и смотрела на дом. Это место притягивало ее последние месяцы, с того самого дня, как папа подъехал сюда, чтобы доставить пакет. Она осталась ждать в машине, он вошел в калитку и вышел через несколько минут. Петра остановилась и внимательно посмотрела на дом. Он был больше и старше других домов на этой улице и буквально разваливался. Стены потрескались и пооткололись, деревянные рамы обветшали, краска слезала, как кожа. Угол входной двери из твердой древесины как будто кто-то обгрыз. Желоб крыши свисал под наклоном, и когда шел дождь, с него лился поток воды.

Дом вышел из строя. Будь он машиной, его бы свезли на свалку.

Владельца никто никогда не видел. Но папа рассказывал ей о нем. Его звали мистер Мерчант. Папа знал это, потому что иногда выполнял для него поручения. Мистер Мерчант жил затворником, никогда не выходил из дома. Он был худым, ноги как палки. И едва мог подняться с кресла, чтобы открыть дверь. Папа сказал, что он жил в комнате в передней части дома. Остальное пространство не использовалось. Паутина заняла каждую комнату, и при внимательном рассмотрении можно было заметить бегающих за плинтусом мышей.

Но это еще не самое худшее, как уверял папа. Иногда сверху слышался стук, хотя мистер Мерчант явно жил один. По словам отца, он разок другой улавливал какие-то движения в коридоре. Однажды вечером, отдав мистеру Мерчанту покупки, он поднялся, чтобы проверить, не вломился ли кто в дом, и почувствовал, как что-то коснулось его шеи. Он сказал, что тогда его тело прошиб озноб.

Петра вздрогнула от этого воспоминания.

Она показала Мэнди этот дом пару дней назад, когда они возвращались домой из школы. Новенькая сказала: «Вот это помойка!» Петру это оскорбило. Вот в чем проблема с друзьями. Их мнение не всегда совпадает с твоим. Тина знала, что Петра интересуется этим домом, поэтому поддерживала разговор. Тина понимала Петру. Однажды Петра сказала, что они проберутся вдвоем (без Мэнди) в этот дом, чтобы осмотреться. Тина скривила лицо после этих слов, но Петра и бровью не повела. Она

всегда умела убедить подругу делать то, чего хочет.

Позже тем вечером, после просмотра записей «Х-Фактора», после пиццы, чипсов и мороженого, она предложила Тине стать сестрами по крови. Та сразу же согласилась. Петра торжественно объяснила, что Мэнди не должна об этом знать. Тина поклялась и скрестила пальцы на обеих руках. Когда настало время ложиться спать, Петра пронесла в спальню кухонный нож. И как только в доме все стихло и не осталось сомнений, что мама Тины заснула, она достала его из-под подушки и порезала большой палец.

– Ого! – громко заявила Тина, на ее лице отразился шок.

Из пореза выступила кровь, и Петра тихонько застонала, но все же подняла большой палец, игнорируя жгучую боль.

– Твоя очередь, – прошептала она Тине и передала нож.

Та с нездоровым цветом лица быстро замотала головой.

– Всего лишь крошечный надрез.

– Не знаю... мама будет...

Петра схватила Тину за большой палец и поднесла кончик ножа к коже. Девочка крепко закрыла глаза и сжала зубы. Петра на мгновение замешкалась. Себе сделать легко, кому-то другому – в разы сложнее. Особенно когда Тина тянула руку к себе. Она посмотрела на свой палец, с которого кровь капала на футболку. И быстро надавила кончиком ножа на мягкую подушечку большого пальца подруги.

– Ауч!

Тина открыла глаза и увидела кровь.

– Быстро!

Петра соединила их пальцы и другой рукой крепко сжала вместе.

– Чтобы кровь смешалась, – объяснила она Тине, которой явно было дурно.

– Теперь мы сестры по крови? – спросила напуганная подруга.

– Навсегда, – ответила Петра.

Тина посмотрела на предплечье Петры. На синяк – темное облако на ее коже.

– Обо что-то стукнулась, – сказала она, все еще сжимая большие пальцы.

Тина отвела взгляд. Она и прежде видела синяки.

На следующий день Петра вернулась домой после двух. Открыв дверь, она увидела на столике папины ключи. Но вокруг было тихо, не слышно ни радио, ни телевизора. Он лег спать. Его пиджак висел на спинке дивана в

гостиной, на кофейном столике стояли чашка и тарелка. Дверь в его спальню была закрыта, и оттуда доносился храп.

Петра скинула рюкзак и пошла на кухню. На стойке лежала записка от папы.

Ничего не готовь.

София купит еды на вынос. Папа.

Папа называл свою подружку Софией. И Зофия считала это забавным. Англичанам легче говорить «София». Но Петре нравилось польское имя: Зофия Банах. Из Варшавы. Завибрировал телефон, и она достала его из кармана. Пришла эсмэска. Похоже, Зофия каким-то образом почувствовала, что Петра думала о ней. Она открыла сообщение.

«Покупаю китайскую еду, moja mała róża. Идет?»

«Moja mała róża» на польском означало «моя маленькая роза». Зофия стала называть ее так после того, как Петра рассказала об их дуэте «Красные розы».

Она улыбнулась.

Ее папа тоже часто улыбался, когда только начал встречаться с Зофией. Но сейчас он то и дело куксился, а иногда и злился на нее. Зофия словно этого не замечала. Петра видела, как она, что-то напевая, заваривает папе чай, а потом как тот закатывает глаза в ответ на ее слова. Это не могло не огорчать.

Петра нахмурилась и потерла запястье, которое снова заныло. А затем попыталась выкинуть мрачные мысли из головы. У нее день рождения. Ее ждет китайская еда и подарок от Зофии.

Глава 12

Зофия мыла тарелки, а Петра вытирала. Папа смотрел в гостиной футбол. На кухонной стойке стояла куча серебристых коробок из-под китайской еды. На спинке стула висела красная сорочка, которую Зофия подарила Петре. Она была того же цвета, как и вся одежда для «Красных роз». В центре стола лежала открытка от Зофии. Розовая, с блестками.

Из гостиной доносились громкие возгласы. Все как в обычный семейный вечер. Петра представила себе Тину на кухне, как она вытирает тарелки для мамы. Папы конечно же не было рядом, он жил в Южном Лондоне с визажисткой, с которой съехался несколько месяцев назад. Жизнь Тины всегда казалась более нормальной, чем жизнь Петры. Она на секунду задумалась о Мэнди. Та жила с мамой и папой, так что из них троих она была самой *нормальной*.

Петра пожевала губу. Ей не нравилось сравнивать свою жизнь с другими. И она не сравнивала, пока к ним не привязалась Мэнди. Она всегда одевалась с иголки, волосы аккуратно причесаны и перевязаны лентами. Петра могла поспорить, что ей даже чистили туфли. Она всегда выполняла домашнее задание, в ее рюкзаке лежали упаковки с маркерами, а на книгах были шикарные обложки.

– Что случилось, anioł? – спросила Зофия, касаясь пластыря на большом пальце Петры.

«Anioł» – на польском «ангел».

– Порезалась бумагой.

Зофия нахмурилась, не веря ей. Они смотрели друг другу в глаза – Зофия была невысокой, чуть выше Петры. Она все время носила каблуки, расправляла плечи и вытягивала шею. Рыжие волосы зачастую убирала в хвостик или пучок, чтобы добавить несколько сантиметров роста. В том, что Петра могла смотреть прямо в глаза Зофии, было и хорошее: она словно стала ее подругой, а не случайной девушкой папы.

– Как дела в школе?

– Нормально.

– И у Тины все хорошо?

– Да. Но к нам привязалась одна девочка, которая меня немного напрягает.

– Вдвоем хорошо. А втроем плохо? Слишком много ссор. У моей сестры, Клары, была одна лучшая подруга. И много просто хороших знакомых. Но с двумя лучшими подругами могут возникнуть проблемы.

Петра не понимала, как на это ответить. Она знала, что сестра Зофии умерла от лейкемии в двенадцатилетнем возрасте. Это случилось пару лет назад, и Зофия часто о ней говорила. Когда ее имя всплывало в разговоре, всегда возникала неловкость. Петра не чувствовала, отвечать ей или отмалчиваться на случай, если Зофия расстроилась. Сегодня она чуть не задала вопрос. «Какой была лучшая подруга Клары?» – хотелось спросить ей, а потом, возможно, сравнить со своей лучшей подругой, Тиной. Но задумалась о том, что Тина жила ближе к Мэнди, чем к ней. В груди поднялась тревога, и она моментально забыла о Кларе.

Зофия вытерла руки о полотенце, и взгляд девочки упал на ее ногти. Сегодня они были желтыми с крохотными розовыми звездочками. Зофия работала в маникюрном салоне вместе со своей подругой Марией. Они всегда тренировались друг на друге. Зофия заметила ее взгляд.

– Я тебе говорила, что Мария возвращается в Польшу? Ее парень сделал ей предложение.

– Ух ты.

– Он уже три раза делал предложение. Я сказала ей бросить его, но она влюблена! Нельзя переубедить влюбленного человека.

– Ты будешь по ней скучать.

– К счастью, у меня есть ты. Ты будешь моей подругой. Не хочешь пройтись по магазинам? Я куплю тебе новые джинсы. Эти уже маловаты. Наверняка старые.

Петра посмотрела на джинсы. Они и правда были старыми, коленки почти стерлись, а молния заедала. Девочка из них выросла, штанины были коротковаты, но ее громоздкие кроссовки отлично это скрывали.

– И может быть, джемпер.

– Здорово. Когда? – спросила Петра.

– У меня в пятницу зарплата. Встретимся в половине шестого у станции Энджел и пойдем по магазинам.

Зофия сложила полотенце в аккуратный прямоугольник. Затем пошла в гостиную, и Петра услышала папин голос. Они разговаривали тихо, папа немного резко, а Зофия мягко. Девочка не могла понять, все ли у них в порядке. Они ужинали в тишине, а папа постоянно смотрел на свой телефон. Отношения сложно понять.

Зофия впервые появилась у них после Пасхи. Она пару раз приходила в гости, а однажды утром с сонным видом вышла из папиной спальни в его рубашке. Следуя ее инструкциям, Петра приготовила ей чай по вкусу: черный, две ложки сахара, пакетик оставить в чашке. Папа вышел из спальни в одних только джинсах и с обнаженным торсом. Он улыбался, и

Петра смутилась. Сквозь его белую кожу четко прослеживались очертания ребер. Зофия сказала что-то непонятное на польском. Папа засмеялся, но посмотрел на Петру и развел руками.

Сначала Петра успевала только поздороваться и попрощаться с Зофией. Затем несколько раз выходила с ними погулять: в Торп-парк, Саутенд и Лондонский зоопарк. В завершение они всегда шли в «Макдоналдс», и это было весело, но Петра ощущала себя не в своей тарелке, будто подыгрывала, пыталась быть хорошей дочкой. Когда Зофия спросила папу, можно ли им с Петрой пройтись по магазинам, тот пожал плечами и ответил: «Я не против». И тогда они начали сблизиться.

Они побывали во множестве торговых центров: «Нагс Хед», «Энджел», «Камден», «Спиталфилдс» и «Уолтемстоу маркет». Зофии нравилось копаться в комиссионных магазинах, но Петре она всегда покупала что-то новенькое: топ, легинсы или юбку. Петра брала ее под ручку, пока они прогуливались по магазинам. На самом деле они не искали ничего конкретного, просто так появлялось больше времени на разговоры. Зофия рассказывала о своей жизни в Польше и о семье, с которой она не ладила. О друзьях, работах, двух котах, которых оставила у подруги перед отъездом в Англию. И о сестре Кларе, по которой скучала каждый день. Проводя пальцами по какому-нибудь фарфору или рассматривая стеклянную посуду, Зофия делилась с девочкой историей своей жизни.

Когда после Петра возвращалась домой, то кое-что рассказывала папе. «Ты знал, что Зофия училась в монастыре?» Тот бормотал что-то в ответ, но она знала, что он не слушал. Зофия интересовалась жизнью Петры. Девочка рассказывала ей обо всем, что связано с Тиной, а еще о тех годах, когда была жива бабушка. Потом настали летние каникулы перед переходом в среднюю школу. Тина часто уезжала с мамой, поэтому у Петры было полно свободного времени. Она приходила в маникюрный салон, приводила в порядок оборудование и подметала пол. За это ей бесплатно красили ногти. Во время работы Мария расспрашивала ее о папе, а потом говорила что-то Зофии по-польски.

Девочка пару раз оставалась у Зофии, спала в ее кровати, в то время как та устраивалась рядом на раскладушке. Она знакомилась с разными людьми, в основном с приезжими из Польши, которые останавливались в доме Зофии, пока не подыщут местечко получше. Петра бывала в квартире Марии и видела ее парня, который тоже был из Польши и работал на стройке. Иногда, сидя дома и наблюдая за тем, как папа собирается на свидание, она совсем забывала, что это один и тот же человек, будто Зофия была кем-то другим. Петра воспринимала женщину как свою подругу и

никак не связывала ее с отцом.

В гостиной выключился телевизор, и через минуту на кухню вошел папа. Хлопнула дверь в ванную, и Петра догадалась, что Зофия пошла в туалет.

– Отвезу Соф домой. С тобой все будет в порядке? – спросил он.

– Конечно, – ответила Петра.

Папа снова принарядился. Надел брюки, чистую рубашку и галстук.

– Я сегодня работаю на мистера Константина. Того мужчину, что забирал в аэропорту. Всего одна поездка – и домой. Я не мог отказаться, деньги хорошие. Меня не будет всю ночь. Я возьму с собой телефон, но ты же справишься одна, да? Никому не открывай дверь.

– Со мной все будет в порядке.

– Я не скажу Соф, что ты останешься одна, она слишком беспокоится. А ты теперь большая девочка. Она этого не понимает. Не звони ей. Она делает из мухи слона. Появятся проблемы, звони мне.

Открылась дверь в ванную, и Петра услышала, как Зофия напевает мелодию. Она вошла на кухню и проплыла мимо папы.

– Хорошо провела день рождения? – спросила Зофия, обнимая на прощание.

– Пойдем, у меня нет на это времени, – сказал папа, открывая входную дверь.

Зофия пробормотала что-то по-польски. Затем взяла со спинки стула пальто и помахала. Когда она дошла до двери, Петра услышала папин голос, резкий, как иголка, протыкающая пузырь:

– Отстань от нее, Соф, ты не отпускаешь ее ни на шаг, черт возьми.

И входная дверь захлопнулась. Петра вздохнула. Они вели себя так уже какое-то время. Папа, как собака, лаял на Зофию. Но та не лезла в бутылку, просто мило улыбалась и, казалось, мирилась с его настроением. Сколько еще это продлится? Петра видела, как ему надоедали его предыдущие подружки.

Она прибралась на кухне, вынесла мусор. Заперла входную дверь и увидела, что на часах всего без двадцати восемь. Перед ней простирался целый вечер. Она могла позвонить Тине и узнать, чем та занимается, но ей еще нужно было выполнить домашнее задание. После этого она зарисовала наряды для «Красных роз» и выписала несколько песен, которые они могли заучить.

После десяти она начала готовиться ко сну. Сложила книги и погладила юбку для школы. В блокноте красовались наряды, которые они с Тиной могли надеть на выступление группы. Она нарисовала девочек с худыми

фигурами и ощутила вину, глядя на них. Но так Мэнди, по крайней мере, поймет, что никогда не сможет носить подобную одежду, а это вполне неплохая причина, почему она не присоединится к группе. Просто на случай, если она спросит.

Петра легла на нерасправленную кровать.

Интересно, какие у Мэнди родители. Она представляла себе ее маму домохозяйкой с небольшим избыточным весом. Вероятно, женщина о ней заботилась, потому что Мэнди постоянно говорила: «Мама говорит так, мама хочет, чтобы я пришла домой пораньше, мама волнуется...» Петра знала, что ее папа работает в строительной компании. И однажды, когда они втроем возвращались из школы, видела, как он выходит от доктора и машет Мэнди. Возможно, тогда за стойкой стояла мама Тины и вежливым голосом администратора сказала: «Здравствуйте, мистер Кристал. У вас назначено?»

Петра подумала о своей маме. Она умерла, когда ей было два года. Девочка взбила подушку, затем снова легла и пожевала уголок губы. Она не помнила ее как человека, видела только на фотографиях, что дала ей бабушка. Ее звали Меган. Она поехала на Оксфорд-стрит, чтобы купить наряд на свадьбу друзей, и ее сбила машина. Когда Петре исполнилось десять, бабушка отвезла ее на метро и показала место, где это произошло. Посреди дороги, возле магазина «Маркс-энд-Спенсер» и Мраморной арки, расположился обелиск. На этом крошечном островке останавливались пешеходы, чтобы перейти дорогу. В тот день, когда мама отправилась за покупками, машин было много. Она стояла самой первой в толпе людей, ожидающих, когда можно перейти дорогу, как вдруг машина проскочила на красный и, потеряв управление, сбила ее по касательной. Петра сначала не понимала, что это значит. Оказалось, мама перелетела через дорогу и упала прямо возле тротуара. Голова ударилась о бордюр. Приземлилась она в другом месте, могла бы выжить, как сказала бабушка.

Петра стояла перед обелиском, а бабушка громко рыдала. Держа ее за руку, Петра чувствовала, как сотрясалось тело старушки. Она крепко держалась за нее и не смотрела в глаза прохожим, которые растерянно проходили мимо. В тот день Петра не плакала, но год спустя, когда умерла бабушка, рыдала, пока не заплакали глаза, а лицо стало алым.

Девочка вдруг услышала шум и села. Он доносился снаружи. Папа вернулся? Так рано? Она вышла в коридор и посмотрела в окно на освещенную террасу. На улице виднелась фигура – и похоже, уже некоторое время была там. Затем раздался возглас, мужской голос выругался, и раздался звонок.

Она прошла по коридору и нырнула на кухню. Свет был выключен, поэтому она отодвинула занавеску. На террасе стоял мужчина. Петра никогда его прежде не видела. Высокий, волосы длинные. Одет в клетчатую рубашку, но без куртки, будто ненадолго выскочил из машины. Он наклонился к двери и закричал:

– Джейсон! Джейс! Ты там? Мне нужно с тобой поговорить. Джейсон!

А потом замолчал, отошел на пару шагов и прислонился к стене террасы, спрятав руки за спину. Петра задалась вопросом, как долго он тут будет стоять? Может, до возвращения папы? Похоже на то. Но внезапно он оттолкнулся от стены, последний раз стукнул кулаком по двери и ушел.

Петра еще долго стояла у кухонного окна на случай, если он вернется. Она подумывала позвонить папе, но решила этого не делать. И просто написала записку.

«Приходил мужчина, стучался и искал тебя. Выглядел очень расстроенным. Я не открыла дверь».

А затем пошла спать.

Глава 13

Была пятница. На улице лил дождь, и девочки прятались в столовой, как и многие другие ученики. Стол, за которым они сидели, был липким, в воздухе витал запах еды. Из кухни доносился грохот кастрюль и болтовня поваров.

– Я бы пришла, но сегодня собираюсь за покупками с папиной девушкой, – сказала Петра.

– А-а, – выдохнула Тина.

Ее лицо покраснелось от слез. Мэнди достала из рюкзака салфетки. Петра посмотрела на небольшой пакетик. Он был новеньким, ни разу не использовался. Мэнди отклеила клапан и достала белоснежную салфетку. Затем передала ее Тине, и та высморкалась.

– Папа хочет, чтобы я сегодня осталась у него, но мама не отпускает. Говорит, мне нельзя к нему поехать. Она не хочет, чтобы я встречалась с Дженис.

Так звали визажистку.

– Но в качестве компенсации разрешила пригласить кого-то с ночевкой.

– Я бы пришла, но обещала... – сказала Петра.

Ее не волновала новая одежда. Она хотела провести время с Зофией.

– Я приду, – предложила Мэнди.

– Тебе разрешат? – спросила Тина, промокнув нос салфеткой. – Моя

мама может позвонить твоей, а потом я зайду.

Мэнди посмотрела на Петру. Выражение ее лица было спокойным, но глаза прямо сверкали.

– Если ты не возражаешь...

– С чего мне возражать? Тина может делать все, что хочет.

– Я знаю. Просто подумала, ты можешь почувствовать себя брошенной.

Прозвенел звонок. Петра как ошпаренная встала.

– Пойдемте. Нельзя опаздывать.

Она шла впереди Тины и Мэнди вплоть до самого класса.

Зофия ждала ее у входа на станцию, когда Петра добралась туда. Они перешли оживленную дорогу и вошли в торговый центр. Покупка двух пар джинсов, джемпера и кофты не заняла много времени. Петра была в восторге и перестала думать о том, что Мэнди останется у Тины, что мама подруги, скорее всего, приготовит им вкусненькое и разрешит смотреть на огромном телевизоре что угодно.

После шопинга они взяли пиццу и пошли к Зофии. По дороге пицца немного остыла, поэтому женщина поставила ее в духовку на пять минут и заставила Петру вымыть руки и сесть за стол. Она достала капустный салат, и Петра скривила лицо. Он ей не нравился. Было в нем что-то отталкивающее, еще и упаковка на польском. Зофия положила несколько ложек на свою тарелку.

Она вообще любила поесть. Частенько говорила о любимой еде и скучала по польской кухне. «В этой стране мало мяса, – говорила она. – Не готовят свекольник». Ее холодильник был забит польскими продуктами: странными сосисками и неполными банками с квашеной капустой. Петру передергивало от одного ее вида. Помыв посуду после ужина, они пошли в розовую спальню Зофии. Петре больше всего нравилась эта часть визита. Стены комнаты были светло-розовыми, занавески – более глубокого оттенка. Покрывало украшено алыми цветами, сверху лежали расшитые блестками подушки. Комната напоминала детскую, но Зофию это не волновало. «Мне нравятся такие цвета, – говорила она. – Почему мне нельзя иметь красивую спальню?»

– Можно я примерю одежду? – спросила Петра.

– Давай, – ответила Зофия. – Хочешь, я накрашу тебе ногти? Завтра нет уроков?

Зазвенел ее телефон. Она достала его из кармана джинсов.

И одними губами проговорила: «Мария».

Петра надела новые джинсы и кофту и села на кровать в ожидании,

когда Зофия закончит разговаривать. Женщина говорила на польском, поэтому Петра ничего не понимала, но, судя по непринужденному тону и парочке восклицаний, они с Марией сплетничали. Она посмотрела на стену у кровати Зофии. На ней висело шесть рамок с фотографиями. На каждой была ее сестра Клара. Две фотографии детские, но остальные сделаны, когда она стала старше. У Клары были короткие темные волосы и очень серьезное выражение лица. Петра остановила взгляд на фотографии маленькой девочки в свадебном платье. Как объяснила Зофия, это было ее первое платье для причастия. Они родились в семье католиков, и эта церемония была важна для каждой девочки. Над кроватью Зофии висело распятие.

У нее остались и другие вещи сестры. Зофия как-то достала небольшую деревянную коробку с различными вещичками, которые принадлежали Кларе или просто напоминали о ней. Зофия настояла на том, чтобы Петра их просмотрела. Прядь волос в малюсеньком пакетике. Золотая цепочка с крестиком и два колечка. Паспорт Клары. Когда Петра его открыла, выпало несколько фотографий. На них Зофия и ее сестра были в Париже, возле Эйфелевой башни. Еще там лежали поздравительные открытки, и Петра прочла их, рассматривая нарисованные поцелуйчики, которые вверху были большими и уменьшались по мере ухода вниз. Петра аккуратно сложила все вещи, потому что понимала их важность.

– Теперь мы готовы! – воскликнула Зофия, бросив телефон на кровать.

Петра положила руку на блестящую подушку. Хозяйка дома достала пузырек с ярко-красным лаком.

– Думаю, вот этот. Для вашей группы. Можешь взять пузырек и нарисовать ногти Тине. Может, и новой девочке тоже. Чтобы она не чувствовала себя брошенной.

Петра нахмурилась, и Зофия приподняла брови.

– Ладно.

– Неприятно чувствовать себя брошенной.

Зофия брала каждый палец и поднимала его, пока красила ноготь. Она напевала какую-то мелодию и проговаривала губами слова, но лицо было сосредоточенным. Закончив, она осмотрела ногти.

– Отлично!

Петра замахала руками, чтобы лак подсох. Зофия слегка призадумалась. Точно хотела что-то сказать о ее папе.

– Джейсон сейчас немного подавлен? Да?

– Он немного напряжен, – ответила Петра. – Беспокоится о деньгах. Таксистом много не заработаешь.

Зофия кивнула, будто тоже так думала. И в этот момент Петра увидела темную отметину возле рукава футболки Зофии. Похожую на след от грязного пальца. Женщина это заметила и потянула рукав, словно пытаясь сделать его длиннее. Петра отвела взгляд, в голове возник знак вопроса.

– И, – торопливо продолжила Петра, – в ближайшие две недели нас ожидает визит социальной службы, а он всегда волнуется, когда они приходят. Они такие пронырливые. Хотят знать абсолютно все. Он боится, что они сочтут его неспособным присматривать за мной. После смерти бабушки они приходят регулярно.

– Так принято? Надзор социальной службы?

– Ну, нет, но после смерти бабушки папа был как бы болен и не мог за мной присматривать, поэтому...

Петра сделала вид, что рассматривает ногти. Она не знала, что папа рассказывал Зофии, и не хотела его подставлять.

– Твоему папе нравится за тобой присматривать.

Воцарилась тишина, пока Петра придумывала, что хорошего сказать о папе. Он не умел справляться со стрессом, так говорила бабушка. Иногда он срывался. Петра не озвучила это Зофии, но ее взгляд упал на край рукава, и она осмотрела подругу в поисках отметок, которых быть не должно. Зофия нахмурилась, будто точно знала, что делает Петра. А затем вдруг воодушевленно подскочила.

– Он скоро за тобой приедет! Почему бы нам пока не посмотреть «Друзей»?

Петра кивнула. Зофии нравился этот сериал. Петре тоже, но она уже столько раз его смотрела, что практически знала наизусть. Зофия видела сериал на польском, но ей нравилось пересматривать его на английском. Она постоянно говорила: «Вот это смешной момент», а потом смеялась. Чендлер Бинг был ее любимым персонажем. Любимый персонаж Петры менялся с годами. Ей нравился каждый из ребят в тот или иной момент ее жизни.

Папа приехал около восьми. Раздался протяжный звонок, как будто бы с него не убирали палец. Зофия вздрогнула, а потом побежала открыть дверь. Петра слышала шаги, сопровождающие Зофию вверх. Она собрала свои вещи, сложила школьную одежду в рюкзак вместе с новыми покупками.

– Привет, пап, – произнесла она.

Его лицо ничего не выражало. Петра не могла понять, в каком он настроении.

– Все в порядке, Джейсон? – с улыбкой спросила Зофия.

По ушам ударил громкий смех из телевизора, Женщина взяла пульт и выключила звук. Комната казалась обнаженной без шума.

– Возникли проблемы с пассажиром. Он не мог оплатить всю стоимость. Мне оставалось либо обратиться в полицию, либо взять то, что дают.

– Не переживай, – сказала Зофия, встала на цыпочки и потянула его голову вниз, чтобы поцеловать в щеку.

– Ладно, мы пошли. Пора домой. Вперед– вперед!

– Пока, Kochanie. Увидимся.

– Спасибо за одежду и ногти.

– Спасибо, Соф, – сказал папа. – Я тебе позвоню.

– Сегодня? Завтра?

– Скорее всего, в воскресенье. Не знаю.

Когда они дошли до машины, Петра оглянулась и увидела у калитки Зофию. Она им помахала. Машина отъехала, а она все махала. Петра помахала в ответ, папа – нет.

Глава 14

В машине громко играло радио, поэтому можно было не разговаривать. Петра посмотрела на папины руки, постукивающие по рулю в такт музыке. Сейчас он выглядел совершенно расслабленным. Пропало то напряжение, что она заметила в нем у Зофии. Местами он подпевал песне, а когда они остановились на светофоре, протянул ей свой сотовый.

– Послушай рингтон, – сказал он.

Она открыла приложение, нажала пару кнопок и услышала самый последний рингтон – футбольный гимн, сыгранный на синтезаторе.

– Нормальный или как? – спросил он.

По крайней мере, он не использовал слово «крутой».

В машине пахло людьми. Это неизбежная проблема, если твой папа работает таксистом. Незнакомцы оставляли свой запах в машине. Иногда и вещи: кошельки, сотовые, однажды даже трость. Папа говорил, что всегда передавал вещи полиции, но как-то раз Петра нашла в его шкафу трость.

Они свернули на Принсесс-стрит и сбавили скорость. Включился поворотник, и машина остановилась у пятидесят третьего дома. Папа повернулся и достал с заднего сиденья пакет.

– Я обещал купить мистеру Мерчанту сигарет, – объяснил он. – Посидишь здесь? Вернись через пять минут.

Она кивнула.

Папа закрыл за собой дверцу, обошел машину спереди и направился к дому. Во всем здании свет горел только в одном месте – в гостиной, хотя он описывал ее больше как спальню. Уличный фонарь отбрасывал свет на сад перед домом. Тени от живой изгороди и других кустарников придавали ему вид наполненности. Папа открыл калитку и пересек сад, стремясь к задней двери.

Повозился с ней какое-то время, но все же вошел и закрылся.

Интересно, слышал ли мистер Мерчант, как открылась калитка, знал ли, что кто-то к нему идет. Петра понимала, что приносить сигареты больному человеку – нехорошо, но папа сказал, что мистер Мерчант был старым и одиноким и что от нескольких сигарет хуже не станет. К мистери Мерчанту раз в день приходила сиделка, но ей не разрешалось приносить ему такое. Папа знал мистера Мерчанта уже довольно давно. Когда еще он не так сильно болел, частенько пользовался такси, но в последний год он сильно сдал. Ему даже приходилось вызывать «Скорую», чтобы добраться на амбулаторное лечение.

Папа сказал, что таким образом он совершает доброе дело.

На миг она им возгордилась. Мистер Мерчант был старым и одиноким. Большинство живущих на этой улице, наверное, и не знало о его существовании, но ее папа ему помогал, пусть даже это были всего лишь сигареты. Она увидела, как он вышел из задней калитки. Пальто развевалось за его спиной. Он улыбался. Жаль только, что он не улыбался, когда заехал за ней к Зофии.

– Готово.

– А ему хватает сил, чтобы впускать людей? – спросила Петра.

– Нет. Бедный старик сидит в кресле или остается в кровати. У задней двери на крючке висит ключ. Он скрыт плющом, поэтому о нем знают лишь те, кому он доверяет.

Петра улыбнулась папе. Мистер Мерчант *доверял* ему.

– Поехали, – добавил он.

Когда они добрались до дома, у их двери стоял какой-то мужчина. Он прислонился к стене террасы, как будто знал, что внутри никого нет. Петра сразу его узнала. Этот же мужчина приходил к ним пару вечеров назад. Сегодня он выглядел помятым. Волосы растрепаны, губа опухла, будто кто-то его ударил.

– Все в порядке, Джейсон? – спросил мужчина, когда они подошли к террасе.

– В порядке, Натан, – ответил папа грубовато, как будто был не рад незваному гостю.

Петра вежливо улыбнулась и открыла входную дверь.

– Заходи. Закрой дверь. Я сейчас, – сказал папа.

Петра закрыла за собой дверь. В доме было холодно, поэтому она включила отопление. Затем пошла в свою комнату и разобрала рюкзак. Все вещи разделила на три кучки: новая одежда, форма и учебники. Закончив, пошла в гостиную, взяла пульт и включила телевизор. Попереключала каналы, чтобы посмотреть, что идет. Оставила его работать и вышла в коридор. Папа все еще разговаривал с мужчиной. Разговор был громким, и они перебивали друг друга. Интересно, они спорили или просто вели оживленную беседу? Петра повернулась к кухне, но застыла, услышав знакомое имя.

– Мерчант.

Она тихонько стояла на месте и слушала.

– Не жалея его, Джейсон. Если он не может заплатить, то должен за это ответить. Ничего личного. Только бизнес. Вот и все.

– Не вмешивайся. Я все улажу. Не лезь. Оставь это мне.

– Если ты справишься.

Услышав, как в замке поворачивается ключ, Петра метнулась на кухню и подбежала к холодильнику. Открыла его и заглянула внутрь, когда в комнату зашел папа.

– Петра? Ты в порядке?

– Да, – ответила она, достала лимонад и закрыла дверцу.

– Это был мой старый знакомый.

– Он приходил сюда тем вечером, – сказала она, сделав глоток.

– Это Натан Болл. Он помог мне устроиться на работу.

Она хотела что-то сказать. *Почему вы говорили о мистере Мерчанте?* Но вместо этого просто крутила в руке холодный лимонад. Папин взгляд упал на ее руки. Его лицо перекосилось.

– Что это за фигня у тебя на ногтях? Соф сделала?

Петра озадаченно кивнула. Зофия часто красила ей ногти. Но раньше он никогда не говорил об этом. Мужчина тихонько ругнулся, сжал губы.

– Мне это не нравится, Петра. Ты... из-за этого цвета ты похожа на... ну, на *проститутку*...

– Это для группы, – оправдалась она.

– Тебе всего двенадцать. Не хочу, чтобы ты так выглядела. Она не имеет права...

– Это была не ее идея.

– Я просил ее прекратить. А она все за свое. Делает что хочет... Ей плевать на мои слова!

– Нет, это я ее *попросила*. Я выбрала этот цвет.

Папино лицо разгладилось. Петра знала, что в его голове бродят мысли, но понятия не имела, какие именно. Он сделал несколько шагов, развернулся и навис над стойкой. Она видела лишь его спину, плечи расправлены, он будто закрылся от нее. Повисла тяжелая пауза. Петра напряглась, сощурила глаза, готовясь к взрыву.

– Я сотру его, пап. У меня есть жидкость для снятия лака. Но, как я уже сказала, не вини Зофию. Это я ее попросила.

Он сдался. Развернулся и громко выдохнул. Она неправильно его поняла. Он просто на мгновение разозлился. Сегодня обойдется без проблем.

– Я сотру его сейчас же, – заверила она, проходя мимо него.

Но он поймал ее за руку и придержал. Она словно ощутила наручники на локте. И приготовилась на случай, если он сожмет сильнее.

– Не слишком сближайся с Соф. Она может собрать вещи и в любой момент уехать в Польшу. Она хорошая девушка, но...

Он отпустил ее руку. Петра прошла в свою комнату и закрыла за собой дверь. Он не причинил ей боль, но она все равно оказалась на грани истерики. Она услышала, как увеличилась громкость на телевизоре, и, подойдя к тумбочке, отыскала жидкость для снятия лака и ватные диски. Затем села на кровать и начала стирать лак. Диск быстро окрасился в красный, словно впитывал кровь от раны. Петра меняла один диск за другим и складывала их в линию на прикроватной тумбе. От жидкости исходил сильный запах ацетона.

Папа ошибался.

Зофия не вернется в Польшу. Ей здесь нравилось.

Глава 15

По дороге из школы Петра купила продукты в супермаркете. Когда она зашла домой, там было очень жарко. Судя по всему, отопление не выключали целый день. Она заглянула в гостиную и увидела лежащего на диване папу. Его глаза были закрыты, он находился в отключке. Петра поняла, что он напился. Возле него на ковре в линию стояло семь пустых пивных банок. Она вошла на кухню и с тревогой отметила полупустую бутылку водки.

Видимо, папа пил весь день.

Она разочарованно прислонилась к холодильнику. Последние полторы недели все шло относительно хорошо. После того вечера, когда он увидел

ее покрашенные ногти, папа будто взял себя в руки. Вставал рано утром, собирался на работу и выглядел отлично, даже улыбался. Он выполнил несколько поручений для мистера Константина и купил новую одежду. Несколько раз встречался с Зофией и казался счастливым, когда Петра о ней говорила.

Теперь он снова напился. А завтра придет социальный работник.

Она устало поплелась в гостиную, собрала банки и начала прибираться, обходя диван. Открыла окно, выровняла пуфик для ног и кофейный столик. На кухне закрутила крышку на бутылке водки и убрала ее в шкаф. Затем закинула рюкзак в свою комнату и пошла в ванную. Там на стеклянной полочке над раковиной лежала косметичка. Неоново-розовая с черными загогулинами. Она принадлежала Зофии, внутри хранились тушь и помада – единственная косметика, которой пользовалась девушка. Очевидно, она приходила к ним и забыла свою косметичку. И скорее всего, она ушла до того, как папа напился.

Петра приготовила себе горячий бутерброд с сыром и съела его в своей комнате. Затем переделась и подготовила одежду на завтра. Около шести вечера она отправилась к Тине, чтобы порепетировать. Они заранее договорились в школе, пока Мэнди занималась своими делами. Петра была рада возможности уйти из дома. Может, когда она вернется, папа доковыляет до своей кровати.

У Тины они устроили репетицию. Нарядились в черные легинсы, широкие красные футболки и забрали волосы лентами с красными розами. Возник спор насчет обуви: высокие каблуки или балетки? Петра остановила свой выбор на черных балетках, потому что в них было легче двигаться.

Они стояли перед длинным зеркалом в комнате Тины.

– Та-да! – воскликнула подруга.

– Встанем спиной к спине, – предложила Петра.

Тина повернулась, и они прислонились спинами. Петра посмотрела на их отражение. Они были одного роста. Она улыбнулась. Девочки хорошо смотрелись вместе, словно две стороны зеркального отражения.

– Встанем бок о бок, – сказала Петра.

У Тины были вьющиеся волосы. Им придется воспользоваться утюжком. Но в остальном все было в порядке. Одинаковый рост, одинаковый вес. У обеих бледная кожа и темные волосы. Они выглядели как сестры. Двойняшки. Петре понравилась эта мысль. Она была бы на седьмом небе от счастья, будь Тина ее сестрой. Петра начала отсчет:

– Раз... два... три...

И они запели.

С самой начальной школы Тина стала неотъемлемой частью жизни Петры. Они сели вместе в четвертом классе и обнаружили, что читали одинаковые книги и комиксы, любили одинаковые игры. Сдружившись, они играли в одну игру на воображение, которая длилась неделями. «Представь, что упал самолет, – говорила Петра, – и все утонули. Нам с тобой удалось доплыть до острова». В этой игре было много задач: нарисовать остров, дать ему название, построить шалаш, найти еду, столкнуться с враждебными животными и другими выжившими. Они лечили друг друга, используя воображаемые бинты и костыли. Писали письма, складывали их в бутылки и забрасывали в море. В местном парке находился пруд с небольшим островком в центре. На него запрещалось высаживаться, но его вид разжигал их игру, и они играли изо дня в день. Была надежда на спасение, но она не увенчалась успехом, потому что тогда игра бы закончилась. Петра представляла себе удивительный мир: они с подругой круглосуточно вместе, никаких родителей Тины и ее папы. Никакой школы, никто не говорит им, что делать, лишь только они вдвоем – выживают, помогают друг другу. Петра чувствовала себя сильной, полагаясь только на себя и отвечая за свою жизнь. Она тоже с радостью играла. Тина была счастлива с Петрой. Петра *любила* Тину.

С возрастом появились и другие игры, но они все больше отходили на второй план, уступая дорогу беседам о компьютерных играх, журналах, группах и одежде. Тина ни на шаг не отходила от Петры, когда у той умерла бабушка, и помогла переехать в новый дом. Когда они перешли в среднюю школу, им пришлось быстро повзрослеть. Игры закончились, важным стало успевать добираться из одного места в другое, находить нужные классы и не выглядеть глупо. Петра решила, что лучше всего равняться на старшеклассников. Посмотреть, как они ходят по школе, куда садятся, как себя ведут. А потом с Тиной их копировать, взрослеть, отделяя себя от семиклашек, которые все еще сломя голову носились по игровой площадке и скучали по учителям и начальной школе.

Именно так на свет появилась группа «Красные розы».

Петра с Тиной снова и снова репетировали их самую лучшую песню. Спустя примерно час они рухнули на кровать, задыхаясь и смеясь.

– Завтра я припозднюсь, – сказала Петра.

– Почему?

– Придет социальный работник.

– Занять тебе место на истории?

– Нет. Не знаю, сколько времени это займет. Я напишу, как выйду из

дома.

– Как твой большой палец? – спросила Тина.

Взглянув на него, Петра нахмурилась.

На нем все еще отчетливо виднелся красный порез.

– Думаю, останется шрам, – драматично произнесла Тина. Поднесла большой палец к Петре, и та приложила к нему свой.

– Ты не рассказала Мэнди?

Тина покачала головой. И Петра ей поверила.

От подруги Петра ушла уже после восьми. Прошмыгнула за дверь, не попрощавшись с ее мамой, потому что та начала бы волноваться, что девочка пойдет домой одна по темноте. Предложит проводить или подвезти. Петра ответит: «Здесь пройти-то всего несколько кварталов», и миссис Пойнтер цокнет и засуетится.

Петра пошла по Принсес-стрит и чуть притормозила у пятьдесят третьего дома. Давненько она на него не смотрела. По дороге из школы ее отвлекло присутствие Мэнди. Девочка остановилась и прислонилась к забору. В комнате на первом этаже горел свет, но остальную часть дома окутывала тьма. Ее взгляд задержался на верхнем этаже. Папа говорил, что мистер Мерчант жил тут уже много лет. У него была жена, но они давно развелись. Еще два сына, но оба жили за границей. Мама Тины кое-что о нем знала, потому что работала у его доктора. Когда-то во всем этом доме горел свет, семья мистера Мерчанта занимала каждую комнату. Даже задний двор озарялся светом из спальни мальчишек.

А теперь дом был похож на темный корабль с единственным огоньком на капитанском мостике. Мимо нее пронеслась машина с громкой музыкой. Петра повернулась и увидела, как та свернула за угол. Через дорогу, возле газетного киоска, стояли школьники. Один из них окликнул ее, но она не ответила. Она снова посмотрела на старый дом. Из-за стены выглядывали розы, которых она прежде не видела. На окне освещенной комнаты дернулась занавеска. На сад пролился свет. Петра заглянула через кусты. Встала на цыпочки, чтобы было лучше видно. Занавеска отодвинулась в сторону, и девочка заметила в окне человека.

Это мистер Мерчант?

Она увидела лицо старика. Возможно, в очках, точно сказать нельзя. Он высоко придерживал рукой занавеску. Петра поползла вдоль забора до света фонаря. Теперь она имела неограниченный обзор. Мистер Мерчант был в рубашке и галстук. Она нахмурилась. Инвалид в парадной одежде? Мысленно она представляла его очень хрупким, в толстом кардигане.

Представляла его в кресле или в инвалидной коляске, возможно, с пластиковой трубочкой в носу и кислородным баллоном в пределах досягаемости. Полагаясь на рассказы отца, она не думала, что у старика хватит сил подняться и подойти к окну или что он может носить обычную одежду.

Петра уставилась на него. И вдруг поймала себя на том, что делает кое-что странное. Она подняла руку и помахала ему. Дважды, может, трижды, так как не была уверена, видит ли он вообще. Но он смотрел в ее сторону; и через какое-то мгновение поднял свободную руку и помахал в ответ.

Занавеска резко опустилась, и он ушел.

Ого! подумала она. Она *видела* мистера Мерчанта, затворника.

Она вспомнила про сигареты, которые купил ему папа. В некотором роде это был акт милосердия, но ей стало не по себе. Что-то тут не сходилось, но она не понимала, что именно. Девочка направилась домой. Шла медленно, двигалась маленькими шажками и останавливалась у витрин магазинов, хотя там не было ничего интересного. В голове всплыл Натан Болл, стоящий на террасе у входной двери. Он ей не понравился. Не понравились его слова: «Если он не может заплатить, то должен за это ответить...» и то, как он произнес «Мерчант». Не *мистер* Мерчант, как было бы вежливо говорить в отношении больного пенсионера.

Подойдя к дому, она порылась в рюкзаке в поисках ключа. Пальцы наткнулись на что-то мягкое, необычное. Она достала вещицу и улыбнулась. Это была косметичка Зофии.

Завтра она пойдет в маникюрный салон и вернет ее.

Глава 16

Пэм Фэллоус, социальный работник, должна была подойти к десяти.

Пока Петра завтракала, папа прибирался. Она ела тост на кухне и слушала, как он напевает песню, работая пылесосом в гостиной. Похоже, он совсем не страдал от похмелья. Был веселым. Утром принес ей чашку чая в постель и положил на тумбу пять фунтов.

– Прости за вчерашнее. Я был немного на взводе и выпил лишнего, – сказал он, щелкая языком. Он совершенно не был похож на того мужчину, которого она вчера нашла в отключке на диване в гостиной.

Пэм Фэллоус приехала в десять минут одиннадцатого. Папа впустил ее. Петра услышала, как она извинилась за опоздание, а папа беспечно отмахнулся, и тогда они вошли в гостиную. Он пригласил ее присесть на диван и сказал, что поставит чайник.

Пэм была одета в бежевый брючный костюм. На шее бейджик и ручка. В руках большая полосатая сумка с широкими ремешками, в такую легко могла поместиться сменная одежда. Петра уже не раз видела ее и знала, что в ней лежал ноутбук, документы и различные блокнотики. «Не могу устоять перед покупкой канцелярских товаров», – как-то призналась она.

– Здравствуй, Петра. Как дела? Отлично выглядишь.

Петра кивнула. Она была в школьной форме. Интересно, полагалось ли вернуть комплимент? У Пэм было круглое лицо. Да и тело тоже – над поясом брюк нависал живот. Она носила много украшений: бусы, серьги, браслеты, кольца. «Не могу пройти мимо блестящего, – говорила Пэм. – Всегда покупаю серьги».

– Мне нравится ваше ожерелье, – сказала Петра.

Гостья приподняла его и улыбнулась.

– Это подарок от сестры.

Открылась дверь.

– Не могу вспомнить, Пэм. Сахар? Молоко? – спросил папа.

– Одна ложка сахара, чуточку молока. Спасибо, Джейсон.

Женщина залезла в сумку и достала документы.

– Итак, – заговорила она, перебирая какие-то бумажки, – давненько я у вас не была. По-моему, месяца три, если не больше. Точно до того, как ты перешла в Кромерти Хай. Как новая школа?

– Отлично! Мне там нравится. У меня хорошие оценки.

– Чудесно.

Вошел папа с подносом, на котором стояли три чашки и тарелка с печеньем.

– Ну вот, – произнес он.

Пока они пили чай, Пэм расспросила папу о работе и жилище. Затем поговорила с ним о его здоровье и консультациях. Петра потягивала чай. Она вся сжалась, но то и дело улыбалась, чтобы не выглядеть напряженной. Она посмотрела на туфли Пэм, выступающие из-под брюк. С острыми носами и на высоких каблуках. Нет сомнений, что, когда она их снимала, брюки волочились по полу.

– Ты согласна, Петра?

Она кивнула, не зная, о чем говорил папа.

Он выглядел прилично. Побрился этим утром и надел рубашку, джемпер с треугольным вырезом и слаксы. Даже ботинки почистил.

– ...что нам бы хотелось иметь дом и сад. Чтобы выращивать овощи. Но мы находимся почти в конце списка на жилье.

«Выращивать овощи». Папа действительно это сказал? Такое могла бы

выдать Зофия. Этим могла бы заниматься только она. Петра представила, как та в джинсах и резиновых сапогах (на каблуках) идет по саду и несет в руках морковь, которую только что выкопала из земли. Папа рассказывал о хорошей учебе Петры и о том, что учителя называют ее очень перспективной.

Пэм засунула руку в полосатую сумку и достала блокнотик на спирали. На обложке сверкала бабочка из страз.

– Мне бы хотелось пообщаться с Петрой наедине, – сказала Пэм.

– Конечно, – ответил папа, встал и хлопнул по карманам. – У меня сегодня куча дел. Так что, дорогая, увидимся без четверти шесть? Поставишь в духовку картофельную запеканку с мясом?

Петра кивнула. Папа собрал бумаги с кофейного столика.

– Увидимся, Пэм. Звоните в любое время.

– Конечно. Спасибо, Джейсон.

Он вышел, и женщина с улыбкой дождалась, когда закроется входная дверь.

– Что ж. Я хотела задать тебе пару вопросов. Во-первых, про посещаемость. Как с этим в школе?

– Я пропустила только два дня. И все.

– Ты учишься всего месяц.

– У меня сильно болела голова.

– Два дня? – прищурившись, спросила Пэм.

– Мне было плохо, – ответила Петра.

– Ты обращалась к доктору?

– Приняла таблетки.

– Значит, нет?

Петра покачала головой.

– Мы уже это обсуждали, Петра. Один прогул может привести к другому, тот к третьему и так далее. В этом году ты должна постараться ходить на все уроки.

– Я знаю. Больше не буду пропускать.

Пэм сделала пометки в блокноте. Посмотрела на часы. Затем открыла чистую страницу.

– Были проблемы с папой?

Петра покачала головой.

– У него по-прежнему проблемы с алкоголем?

– Нет, – солгала она. – Выпивает немного, но не как в прошлом году...

Она старалась смотреть Пэм в глаза. Ей хотелось, чтобы ее слова звучали искренне. Папин образ жизни беспокоил социальную службу, а

она больше не хотела слышать от них про приемные семьи.

– Потому что, – продолжила Петра, уверенно глядя на Пэм, – он водит такси, ему запрещается пить накануне выезда. Он выпивает только немного пива на выходных.

– И держит под контролем свой гнев?

– Да, определенно, – заверила она, хотя ей показалось, что ее голос дрогнул.

– И ты не чувствуешь угрозы?

– Нет, – ответила Петра.

– Нельзя допустить, чтобы все повторилось.

– Не повторится.

– У тебя есть мой номер? Ты знаешь, что можешь звонить мне днем или связаться с круглосуточной службой доверия. Если беспокоишься...

– Не беспокоюсь. У нас все в порядке. Мы счастливы. Больше не нужно к нам приходить. У папы очень хорошая девушка, и если он снова женится, у меня появится мачеха. Может, мы даже купим дом с садом, как и хотели...

Пэм несколько секунд смотрела на нее. Петра гадала, велась ли в голове социального работника какая-либо борьба. Поверила ли она Петре? Убедилась ли, что папа девочки снова не надерется и не навредит ей?

Пэм выдохнула и как будто пришла к заключению. Отвела взгляд и убрала блокнот с ручкой в сумку. Она не воспользовалась ручкой, что висела на шее. Интересно, пользовалась ли она ей вообще или просто купила по наитию. «Не могу не купить необычную ручку», – может сказать она, если Петра спросит.

– Я буду на связи, и увидимся перед Рождеством.

– Хорошо.

– Ты сейчас пойдешь в школу?

– Да.

– Береги себя, дорогая. Если что-то случится, сразу дай знать. Обещаешь?

– Конечно.

– А я тем временем пообщаюсь с твоим куратором и проверю, все ли у тебя хорошо.

И тут Петре в голову пришла одна мысль.

– Учителя в школе знают, что случилось в прошлом году?

– Куратор да. Он должен знать, Петра. Должен подмечать любые знаки...

Синяки.

Петра прижала локти к груди. Они обменялись тяжелыми взглядами.

– Нельзя допустить, чтобы ты пострадала, моя милая.

Она видела куратора только на собраниях. И была уверена, что он не знал, кто она такая. Оставалось надеяться, что он никому об этом не рассказал. Ей не нравилась даже сама мысль, что учителя могут обсуждать ее папу в учительской.

– Это случилось всего раз. И больше не повторялось. Папа был очень подавлен. Бабушка умерла. Он...

– Я все понимаю, но, чтобы позволить ему опеку, мы должны быть уверены, что он решает свои проблемы.

– Решает. Он ходит на консультации.

– Хорошо! Давай на этом закончим.

Петра проводила Пэм до входной двери. Та еще немного поболтала, девочка только кивала и улыбалась. Наконец женщина ушла, и Петра с облегчением припала к стене. После чего вернулась в гостиную и поставила чашки на поднос рядом с недоеденным печеньем. Отнесла все это на кухню, положила печенье обратно в банку, а чашки замочила в раковине.

Затем взяла рюкзак и ушла.

Петра не отправилась напрямик в школу. Пошла в маникюрный салон, в котором работала Зофия. Она понимала, что нельзя так поступать. Если Пэм узнает, то ее могут забрать у папы. Но после визитов этой женщины девочка всегда чувствовала себя выжатой как лимон. Ей нужно было разложить все по полочкам: что-то выкинуть из головы, что-то оставить. Как, например, случай из прошлого лета. Его она хотела стереть.

Петра свернула на Холлоуэй-роуд и уверенно пошла по ней. Она засунула руку в рюкзак, прикасаясь к мягкой косметичке Зофии. Интересно, предложит ли женщина опять пройтись по магазинам, чтобы потом они отправились в ее розовую спальню, свернулись рядышком на кровати и снова и снова смотрели «Друзей».

Девочка остановилась у салона и заглянула в окно. Зофию не увидела, только ее начальника, которого та называла Биг-боссом. Он разговаривал с девушкой у стойки. У той через плечо висела сумка с бахромой. Чуть дальше за небольшими столиками для клиентов сидели две женщины.

Петра вошла в салон.

И в этот момент дверь за спиной Биг-босса открылась, и оттуда спиной вперед вышла Зофия. Она несла какие-то коробки и повернулась, чтобы поставить их на стойку. Петра собралась было поздороваться, но тут увидела лицо Зофии. Один глаз сверкал синяком темно-фиолетового цвета.

Белок покраснел. Ее ударили.

Петра впала в ступор, но в то же время не удивилась. Нисколько. Зофии было стыдно, будто это она сделала что-то не так. Она прикрыла глаз рукой.

– Что случилось?

Но Петра знала ответ на этот вопрос. В голове тут же всплыл образ пьяного отца, лежащего вчера на диване в окружении пустых пивных банок. У него бывали и другие девушки, когда они еще жили с бабушкой. Однажды одна из них пришла к ним с разбитой губой и распухшей челюстью. На улице в небольшой красной машине ее ждала сестра. Бабушка сказала, что папы нет, но девушка кричала на весь коридор, что обратится в полицию. Когда папа появился, то покрутил пальцем у виска, намекая, что та немного не в себе.

Зофия отвела руку от глаза и выдавила смешок.

– Споткнулась и ударилась о шкаф. Была немного выпившей. Поделом мне.

Биг-босс смотрел на них. Девушка с сумкой, украшенной бахромой, пялилась на глаз Зофии.

– Я споткнулась, – повторила та.

Биг-босс громко фыркнул.

– Я принесла твою косметичку, – сказала Петра, протягивая неоноворозовую вещицу.

Зофия взяла ее и улыбнулась. Подбитый глаз сморщился.

– Мне нравится эта косметичка, – призналась Петра, отводя взгляд от лица Зофии.

– Я куплю тебе такую же, – ответила та.

– Мне пора в школу.

Петра вышла из салона, но остановилась у окна и помахала. Зофия послала ей воздушный поцелуй, все еще крепко держа в руках косметичку.

Глава 17

В этот день у учителей проходил тренинг, поэтому уроки отменили. Петра, Мэнди и Тина только что пообедали у последней. Утром они ходили за покупками в торговый центр «Энджел», и Тина купила джинсы, а Мэнди джемпер. Петра разорилась на колготки с рисунком. Все трое похватали мелочёвку с распродажи: брелки, резинки для волос, солнечные очки, косметички и серьги. Девочки потратили все деньги. Папа Петры дал ей немного наличных, и теперь они все закончились. После визита социального работника он стал щедрым. А еще веселым и болтливым. Но их отношения все равно были натянутыми. Папа думал, это из-за того, что он тогда напился. Он понятия не имел, что она видела подбитый глаз Зофии.

О ней речь вообще не заходила.

Девочки подошли к газетному киоску. Осенний денек выдался теплым, Петре стало жарко, и она повязала толстовку вокруг талии. Солнце светило ярко, и Тина с Мэнди надели новенькие очки. Свои Петра положила в рюкзак подруги. Но ей и без них было нормально, сейчас ее интересовал только сотовый. С прошлой недели она отправила Зофии несколько сообщений. А за час до обеда отправила еще одно. Но пока не получила ни одного ответа.

– Давайте посмотрим журналы, чтобы найти новые идеи для коллажей на постеры, – предложила Мэнди.

– Что за постеры? – спросила Петра, не до конца засунув телефон в карман, чтобы сразу услышать, если придет сообщение.

– Для «Красных роз». Мы можем сделать постеры, как на станциях метро. Ну, знаешь, такие флай-постеры разных групп.

– Да, – вступила Тина, – на днях мы с Мэнди ходили посмотреть на них. Прикольные.

– Но зачем? Куда мы их денем?

– Ну, просто сделаем их для себя. Мне бы хотелось повесить один в своей комнате.

– Ты даже не состоишь в группе, – огрызнулась Петра.

– Состоит, в качестве *советника*, – неуверенно произнесла Тина. – Мне кажется, она может быть нашим менеджером или консультантом.

Петра разозлилась. Мэнди примазалась к ним и теперь близка к тому, чтобы стать кем-то в «Красных розах». Она как вирус. С самого начала Мэнди *знала*, что в группе только Петра и Тина, и не возражала. А затем

начала задавать вопросы о группе, обсуждать песни и танцы, комментировать их выступления. Теперь она говорила о продвижении, постерах. Делала себя незаменимой.

– У нее правда есть хорошие идеи, – добавила Тина, с надеждой глядя на подругу.

Петра пожала плечами. Какая ей разница? У нее имелись более серьезные причины для волнения. Например, папа и Зофия. Встречались ли они еще? Она коснулась телефона, но опомнилась – не стала доставать и проверять, не пришло ли случайно сообщение без звука.

– Знаете, что можно сделать? – спросила Мэнди, глядя на Петру и словно прося разрешения. – Просмотреть эти журналы, затем собрать старые экземпляры – мама говорит, что в приемной у доктора их много остается – и сделать коллаж во время ночевки у меня дома в субботу!

– Твоя мама дала добро? – спросила Тина.

– Конечно. Мы все можем заснуть в гостиной в спальных мешках.

– У меня нет спального мешка, – сказала Петра.

– У нас есть лишний. Будет весело. Можем посмотреть фильм.

Тина улыбалась, едва ли не прыгала на месте. *Почему нет?* подумала Петра. И тут ее напугал резкий гудок из кармана. Она развернулась и отошла на несколько шагов от девочек, чтобы посмотреть сообщение. От Зофии. Она открыла его.

«Я купила тебе косметичку. Приходи в воскресенье пообедать, если папа разрешит. В час дня. xxx»

Петра сразу отправила ответ.

«Обязательно приду. Папа в воскресенье работает. Увидимся в час».

Она спрятала телефон и улыбнулась. Тина с Мэнди стояли близко друг к другу и обсуждали ночевку. Их плечи соприкасались, и девочка смеялась над чем-то, сказанным Мэнди. Они хорошо смотрелись вместе, обе в солнечных очках. В горле образовался ком. Может, это им двоим нужно состоять в «Красных розах», а ей быть в стороне? Она медленно подошла к девочкам. Разве важно, что Мэнди постоянно крутилась рядом? Петра взяла себя в руки. Ночь в ее доме никак не навредит. А после ночевки она может напрямик отправиться на обед к Зофии. Папы все равно не будет.

– Думаю, постеры – хорошая идея, – нехотя сказала она.

– Отлично! Давайте зайдем и посмотрим журналы, – предложила Мэнди.

– Вы идите. А я вас подожду, – ответила она.

Они вошли в магазин. Петра осмотрела улицу. Ее взгляд остановился на ветхом доме мистера Мерчанта. Издалека здание выглядело вполне неплохо; кирпичная кладка и растительность придавали ему вид загородного дома. Ей стало любопытно, зарос ли задний двор так же, как сад перед домом.

Только она собралась отвернуться, как по улице проехала машина и остановилась у пятидесят третьего дома. Это было папино такси. Она удивленно смотрела, как распахнулась водительская дверь и оттуда вылез отец. Он достал с заднего сиденья два пакета с покупками, захлопнул дверцу ногой и направился к старому дому. А спустя мгновение вошел в калитку.

В ее папе словно уживались два человека. Сегодня он делает доброе дело для старика, завтра бьет Зофию, точно так же, как поступал с предыдущими девушками. Так же как поступал с Петрой. Она бросила взгляд на газетный киоск. Девочки все еще рассматривали журналы, поэтому она перешла улицу к папиной машине. Встала возле нее, и несколько минут спустя отец вышел из задней калитки и пересек сад перед домом.

– Привет, – сказала она.

Он удивился.

– Я думал, ты у Тины?

– Так и есть. Мы просто пришли в магазин. Ты заходил к мистеру Мерчанту?

– Занес кое-какие покупки. Оставаться не стал, тот крепко спит. Ему дают много обезболивающего.

Петра представила ключ, который, по словам папы, висел на крючке возле задней двери. Скрывался за плющом.

– Скажу вот что, – произнес он, погладив ее по руке, – этот сад похож на джунгли. Здесь нужно все хорошенько вычистить. Ты в порядке?

– Конечно, – глухо ответила она.

– Я сегодня немного задержусь. Ужин около семи? Как насчет цыпленка и фри? Рифленой?

– Если хочешь...

Он уехал, и она услышала, как ее окликнули. Обернулась и увидела подруг у входа в магазин. Они сняли очки. Обе над чем-то смеялись, и это разозлило Петру.

– Над чем смеетесь? – спросила она.

– Мистеру Джонсону нравится Тина!

Мистер Джонсон работал в киоске.

– Нет, не нравлюсь, – возразила та.

– Он предложил ей бесплатный журнал, да и вообще всегда к ней подходит. Думаю, он в тебя влюблен! – ликовала Мэнди.

– Не порите чушь, – брякнула Петра, пренебрежительно глядя на обеих.

Мэнди нахмурилась. Тина потянула за рукава рубашки. Они полностью скрывали ее руки. Внезапно Петра приняла решение.

– Давайте попробуем в сад того старого дома. Его можно незаметно обойти, – прошептала она.

Обе девочки выглядели напуганными.

– Давайте попробуем туда. *Только в сад!* Войдем и выйдем.

– Зачем? – спросила Мэнди.

Петра проигнорировала вопрос и всю себя обратила на Тину. Смотрела прямо на нее, вытеснив Мэнди из поля зрения.

– Помнишь? Однажды мы говорили о том, что войдем туда, но так этого и не сделали. Можно быстро прошмыгнуть в сад и вернуться, никто даже не узнает. Если не хочешь, можешь не идти.

– Я не говорила, что не пойду!

– Тогда идем. Просто следуйте за мной до задней двери. Побудем там минут пять. Осмотримся и уйдем. Это будет *пробный* заход.

Она уже давно хотела это сделать. Даже рассказала Мэнди об этом доме, когда та втиснулась в их дружбу. Она хотела увидеть комнаты с паутиной, услышать привидений наверху. В последние недели эти планы подзабылись.

– Никаких «давайте подумаем». Примем это как испытание. Я призываю нас войти в сад...

– Ты не можешь призывать себя! – запротестовала Мэнди.

– Я призываю вас двоих войти. А теперь, Тина, призови меня.

– Я призываю тебя войти в сад.

– Теперь нужно идти.

Петра устремилась через улицу, несколько не уверенная, что Тина последует за ней, на Мэнди ей было плевать. Добравшись до калитки, она заметила обеих девочек чуть позади себя. Мэнди пошла, но, судя по языку ее тела, она этого не хотела.

– Позже можем заняться журналами, – громко прошептала Петра, надеясь, что эти слова сгладят ситуацию.

Мэнди шагнула вперед.

– Когда войдем в калитку, сразу свернем направо и пересечем передний сад, затем пройдем вдоль дома. Там будет еще одна калитка.

– Откуда ты знаешь? – спросила Тина.

– Мой папа дружит с мистером Мерчантом. Он рассказал мне.

– Тогда лучше не попадаться! – воскликнула Мэнди.

– Нас не поймают. Папа уверяет, он много спит. Идите за мной.

Петра окинула взглядом улицу. Никого не было. И тогда она повела их через передний сад к калитке. Потянула ее на себя, как делал папа, и придержала, чтобы девочки вошли. Затем прошмыгнула сама. Папа был прав, это место напоминало джунгли. Отовсюду тянулись зеленые побеги. Тропинка заросла, а прилегающая к ней стена дома покрылась плющом. Тина с новенькой шли перед ней бок о бок, а потом Мэнди устремилась вперед, как будто это была ее экскурсия, а не Петры. В этом вся Мэнди. Она всегда перетягивала одеяло на себя.

– Подождите! – громко прошептала Петра.

Но Мэнди пробиралась через сад, как какой-то исследователь. Тина словно разрывалась. Она смотрела то на Петру, то на Мэнди. Петра пожалала плечами, и Тина пошла за Мэнди. Сад был огромным. В самом конце стояли сараи, затененные парочкой гигантских деревьев. Ветви раскинулись по всему саду, на одной из них висели старые качели. Края сиденья будто кто-то погрыз, но веревки выглядели прочно. Легкий ветерок взъерошил листву, и ветки слегка закачались, но качели не сдвинулись с места – висели совершенно неподвижно, будто застыли уже много лет назад.

Петра повернулась и посмотрела на заднюю часть дома. Верхние окна задрапированы занавесками, нижние – нет. Их покрывал толстый слой грязи, но она все равно с опаской посмотрела на них, словно ожидала опять увидеть лицо старика и как он ей машет. Она слышала, как за ее спиной громко разговаривала Тина, и хотела было шикнуть на подругу, но ее взгляд привлекла дверь, в которую папа входил и выходил. Ее обвивал плотный плющ, тянувшийся от самого сада. Он плелся по стенам, будто намереваясь прорваться в дом. Она всмотрелась между густых ветвей и увидела блеск ключа на крючке. Сняла его. Ключ был от замка с предохранителем и висел в связке с кожаным брелоком. Она увидела курсивные инициалы – *Д.М.* Инициалы мистера Мерчанта?

Неожиданно раздался чей-то голос. Она подскочила.

И повернулась на громкие крики. Тина с Мэнди бежали по саду к задней калитке. Она посмотрела на соседний дом и увидела мужчину, который стоял у сломанного забора. В очках с черной оправой, с красным лицом, его слова грозно рокотали сквозь кусты и заросшую траву. «Какого черта вы тут делаете?» Он был большим, живот свисал над поясом брюк, а внизу пуговицы не сходились. Петра развернулась, опустила голову и

быстро прошла к углу дома, после чего вылетела из сада, закрыв за собой калитку. Девочки уже смылись. Наконец ступив на тротуар, она увидела их исчезающие за поворотом спины.

И как можно быстрее побежала за ними. Свернув с Принсесс-стрит, она увидела их шагах в двадцати. Тина тяжело дышала, опираясь рукой на стену. Мэнди с испуганным лицом стояла рядом. Петра подошла к ним.

Они обменялись взглядами.

Их только что выгнал из сада сосед.

– Как думаете, он расскажет маме? – спросила Мэнди.

Чуть ранее она была бесстрашным исследователем, а сейчас разваливалась на части. Петра покачала головой. Тина вдруг засмеялась, и лучшая подруга улыбнулась.

– Вы видели его лицо? Как клубника!

– А его живот? – подхватила Петра, надувая живот, как если бы была беременна. И продолжила глубоким голосом: – Какого черта вы тут делаете?

– Не волнуйся, Мэнди. Он не знает, кто мы, – сказала Тина. Девочка, похоже, расслабилась. Опустила руки и слабо улыбнулась. Минутой позже они пошли обратно к Тине. Но выбрали длинный обходной путь, чтобы не возвращаться на Принсесс-стрит. Петра задумалась о саде и ключе и задалась вопросом, почему папа купил продукты мистеру Мерчанту, когда для этого есть сиделки?

Глава 18

Зофия надела красное платье, а сверху накинула фартук с цветами. Сияк под глазом исчез, и она снова накружилась и выглядела как прежняя.

– Заходи! Обед почти готов.

В доме было тепло и пахло едой. Петра быстренько скинула куртку и повесила ее на вешалку. В коридоре стояло два чемодана. Наверное, в доме появились новые жильцы. Она прошла на кухню. Зофия была одна. Из кастрюльки на плите поднимался пар. Женщина стояла спиной к ней и что-то напевала. Петра собралась было спросить про новых жильцов, но передумала. На столе было накрыто на двоих. У каждой тарелки по бокалу. Зофия выискивала их в комиссионных магазинах. Больше всего ей нравились те, что с цветочным рисунком. Она выделила им целую полку. Комната выглядела уютно, но что-то было не так – Петра чувствовала это, как и еле уловимый запах, который она не могла распознать. Наверху слышались шаги. В доме кто-то был. Петра не знала, кто именно, люди здесь постоянно менялись.

Зофия повернулась к ней и улыбнулась.

– Воскресное жаркое. Цыпленок, йоркширские пудинги и подлива. Объеденье, но будет готово через полчаса. Иди пока посмотри телевизор в моей комнате, там лежит диск «Друзей». Я скоро подойду.

– Хорошо.

Петра поднялась в комнату Зофии и заметила в ней изменения. Одежда сложена в стопку, гладильная доска убрана. Сушилка передвинута к батарее, на ней пара блузок и брюк. Диск с сериалом лежал на кровати.

Комната выглядела иначе. Петра осмотрелась. Что-то отсутствовало, или же просто сегодня комната казалась больше, хоть в ней и сушилась куча одежды. Она села на кровать и, взяв диск, легла на спину. Ей не хотелось смотреть «Друзей». Она устала, ведь прошлой ночью едва сомкнула глаза. *Ночевкой* это точно не назовешь. Она, Тина и Мэнди разместились в гостиной. Расстелили поверх старых одеял спальные мешки. Они мастерили постеры, смотрели фильмы, болтали и разрабатывали стратегии продвижения для «Красных роз». Мама Мэнди разрешила им когда угодно заходить на кухню, чтобы готовить закуски и брать напитки.

На самом деле, ночь прошла неплохо. Они много смеялись и долго не ложились спать. Петра улыбнулась, вспомнив об этом. После двух спустилась мама Мэнди и чуть-чуть приоткрыла дверь. «Выключаем свет,

пора спать», – прошептала она. Они погасили свет и остались в темноте, из-под занавески просачивался огонек с улицы. Девочки долго лежали в тишине, а потом Мэнди прошептала: «Выключаем свет, пора спать». Все трое захихикали. И тогда каждый раз, как воцарялось молчание, одна из них говорила: «Выключаем свет», и так до тех пор, пока они не сморились от хохота и усталости. Вскоре каждая погрузилась в сон. Петра проснулась почти в одиннадцать. В гостиной было сумрачно, девочки все еще кутались в спальники.

Петра села. В комнате Зофии точно что-то изменилось. Пропали фотографии. Она посмотрела на стену и увидела, что там нет большей части фотографий Клары. Остались только две маленькие.

Открылась дверь, и вошла Зофия. Она уже сняла фартук и улыбалась.

– Обед через десять минут, – известила она.

И присела на кровать рядом с Петрой. Взяла диск и подняла его. Девочка решила, что они посмотрят десять минут эпизода, а потом пойдут есть. Но Зофия просто крутила чехол в руках – и так и сяк, в итоге перевернула его обратной стороной, будто хотела прочесть о сериале. И тут она заговорила:

– Ты знаешь, что мы с твоим папой расстались?

Петра не ответила. Ничего не хотела говорить. Она убеждала себя в обратном с той поры, как увидела фингал. Но сердцем она точно знала, просто не хотела это принимать.

– Такое случается, – продолжила та. – Люди сходятся и расходятся. Такова жизнь.

Петра сидела молча, прижимая локти к ребрам. Она вспомнила глаз Зофии – синяк, такой темный, будто нарисован углем.

– Это папа тебя ударил? – еле слышно спросила она.

– Нет-нет. Он меня не бил. Тот синяк на глазу? Нет, я врезалась в дверь. Была немного выпившей. Правда.

Но Зофия нервно крутила диск в руках. Петра чувствовала, что она *лжет*. Интересно, он уже бил ее до этого? Они долго встречались. Были ли синяки, которые Петра не замечала, как те, что сама скрывала от Тины?

– Ну что, идем есть? Мы с тобой все равно останемся подругами. Ты можешь приезжать ко мне, и мы можем вместе ходить в торговый центр.

Петра встала.

– Какое-то время, – добавила Зофия.

Она не двигалась. Разговор еще не окончен. Девочка снова опустилась на кровать. Забрала у Зофии диск с третьим сезоном. В нем Росс и Рэйчел расстались. Он переспал с другой, потому что они сделали перерыв в

отношениях, но Рэйчел спорит, что окончательного разрыва не было. Это был один из любимых моментов Зофии.

– Почему на какое-то время?

– Мария возвращается в Польшу. Я тебе говорила?

Петра кивнула.

– Ее подруга открывает в Лодзе салон красоты. Она унаследовала деньги от папы, продает дом и...

Казалось, у Зофии не осталось больше слов. Она призадумалась.

– Короче говоря, эта подруга предложила Марии присоединиться к ней и наладить бизнес.

Петра внимательно слушала, силясь понять, к чему идет эта история, а потом вдруг вспомнила отсутствующие на стене фотографии.

– Так что подруга сказала мне...

– Ты возвращаешься с Марией в Польшу.

– Да.

– Почему?

– Потому что там мой дом. Я думала, что здесь, с твоим папой, но...

– Все еще может наладиться. Вы можете сойтись.

Зофия покачала головой. И так уверенно, что хвостик волос завихлял из стороны в сторону. Она прикрыла глаза и вздернула подбородок.

– Нет, все кончено.

– Но ты живешь здесь.

– Ты можешь писать мне e-мейлы. Я могу звонить тебе, а когда снова приеду в Лондон через некоторое время, можем встретиться и поесть пиццы.

У Петры пересохло в горле. Она не знала, что сказать. У нее возникло ноющее чувство потери, хотя Зофия сидела рядом. Она представила, как та стоит с чемоданом и большой сумкой. В старых джинсах для путешествия и, может, без маникюра. Она сядет на поезд или на самолет или, возможно, предпочтет тоннель под Ла-Маншем, и Петра больше никогда ее не увидит.

– Ты уедешь с Марией?

– Не так скоро. Мария уезжает через четыре дня. У нас есть друг с фургоном, он перевезет ее вещи. Нет, в ближайшие две недели я не уеду. Наш друг в итоге вернется за мной. Я уеду тридцать первого октября. В Хеллоуин. Так что времени полно. О, смотри. Я купила это тебе.

Зофия открыла ящик прикроватной тумбочки и достала косметичку – в точности как та, что она забыла у них на прошлой неделе, розовую с черными загогулинами.

– Теперь у нас одинаковые косметички.

Петра взяла ее. В другой день она бы обрадовалась до небес, но сегодня этот подарок казался ей открыткой из далекого места. Зофия будет жить в тысячах километров от нее, а у Петры останется лишь отрада в виде этой яркой маленькой косметички.

– Пойдем есть. А потом можем посмотреть «Друзей»? Да? – закончила разговор Зофия.

Они сели за кухонный стол напротив друг друга. Петра налила колу в бокал, а женщина немного красного вина. По радио играла музыка, медленная и успокаивающая. Зофия рассказывала, как Биг-босс приводил в маникюрный салон четырех разных девушек, и всему персоналу приходилось притворяться, что каждая из них – его единственная. Петра слушала вполуха. Она гоняла еду по тарелке и пыталась убедить себя, что все еще может наладиться, папа одумается. Но потом она кое-что поняла. Вдруг это не папа расстался с Зофией? Что, если наоборот? Зофия решила, что ее папа – плохая партия.

Так говорила ее бабушка. «Проблема в том, что твой папа – плохая партия». Будто он был лошадью в забеге, в котором никогда не одержит победу. Она говорила и кое-что еще. «Твой папа тебя любит, но у него проблемы с самоконтролем. Есть линия, которую он старается не пересекать...» Петра представляла себе нарисованную по линейке черным фломастером линию. «Но иногда он опускается за нее и становится другим человеком». Она представляла, как маленькая фигурка папы висит в воздухе, одной рукой еле-еле держась за эту самую линию.

Петру бросило в дрожь, к глазам подступили слезы. Зофия все еще рассказывала о Биг-боссе, который отправлял ее покупать сотовый для каждой пассии. «Он хотел для каждой разные чехлы. Знал любимые цвета своих подружек!» А потом она замолчала, только музыка играла по радио. Зофия подняла взгляд и посмотрела на Петру. Ее лицо перекошилось. Она отложила нож и вилку.

– Не плачь, *moja mała róza*...

Но Петра не могла сдержаться. Опустила нож с вилкой на тарелку и прикрыла глаза. Слезы потекли по щекам. Она не могла их остановить. Зофия скоро уедет, и ее жизнь станет пресной, лишенной ярких цветов. Она рыдала, стирая пальцами влагу с лица. Зофия взяла ее за руку. Крепко сжала и переплела их пальцы, будто Петра стояла на краю здания и вот-вот могла сорваться вниз.

Раздался звонок в дверь. Они обе оглянулись. Петра сглотнула слезы.

Зофия поднялась.

– Кто-то забыл ключ. Сейчас вернусь.

Петра отодвинула почти нетронутую тарелку. Услышала, как Зофия открыла дверь. Последовал короткий разговор, а потом шаги по коридору. Зофия вскрикнула. Что-то вроде «Нет-нет». Приоткрылась дверь на кухню. И Петра услышала мужской голос.

– Соф, я же клялся. Это был единичный случай.

– Ты должен уйти.

– Я не хотел на тебя набрасываться. Сколько я должен просить прощения?

Это был папа. Он вошел на кухню и замолчал, как только увидел Петру. Удивился.

– Что ты здесь делаешь?

– Я...

Зофия стояла рядом и придерживала дверь.

– Я пригласила Петру на обед. Ты же говорила папе?

– Я...

Папа работал все выходные. Она предупредила, что переночует у Мэнди, но не сказала, что пойдет куда-то еще. Петра вообще редко озвучивала ему свои планы. У нее неприятности? Папа взволнованно смотрел на них. На нем была вчерашняя одежда. В руке – ключи от машины. Его глаза немного опухли, словно он давно был на ногах. Снова спал на заднем сиденье машины?

– Ты должен уйти, Джейсон. Я говорила тебе не приходить. Не хочу, чтобы Петра видела, как мы ругаемся, – спокойно произнесла Зофия.

– Соф... – пробормотал он и протянул руку, словно в мольбе.

– Джейсон, здесь Петра.

– Петра, иди в машину.

– Она еще не доела.

– Выйди. Мы заедем в «Макдоналдс». Мне нужно поговорить с Соф.

– Нам не о чем разговаривать.

– Пап, я хочу остаться и доесть.

– Иди, Джейсон. Я прослежу, чтобы Петра благополучно добралась до дома.

– Соф...

Его голос смягчился. Он подошел к Зофии и погладил ее по руке.

– Ну же, Соф... Ты же меня знаешь... Понимаешь... Я не хотел тебя обидеть...

Он наклонился, будто хотел ее поцеловать, но она его оттолкнула.

– Не прикасайся ко мне.

Он выругался и схватил ее за предплечья. Петра вскочила, прижала

локти к ребрам. Папа потащил Зофию к раковине, по пути отпихнув ногой стул. По радио тихо играла звенящая музыка. Но на лице Зофии отражалась непреклонность, злость. Она говорила на польском, забрасывая его словами. Петра не знала, что делать. Папа сжимал руки женщины и успокаивал ее, словно непослушного ребенка. Зофия подняла колено, целясь ему в пах, но рост не позволил дотянуться, и он громко засмеялся. Петра буквально надулась от негодования. И сделала шаг вперед. Подошла к папе и забарабанила кулаками по его спине. Она использовала всю свою силу, но чувствовала, что удары просто отскакивают от его пиджака. Он оглянулся.

– Петра!

– Пожалуйста, перестань.

– Иди в машину!

– Отстань от нее!

– ПЕТРА, ИДИ В МАШИНУ!

Он отпустил Зофию, и она осела.

– Бери свою куртку и иди, – повернувшись, произнес он тихим, спокойным голосом, словно с трудом сдерживал гнев.

– Иди, Петра, – сказала Зофия, обходя его. – Я напишу тебе. Прогуляемся по магазинам. А сейчас иди.

Петра вышла из кухни в коридор. Сняла с вешалки куртку и шагнула за дверь. В груди образовалась зияющая дыра, настолько большая, что она вполне могла в нее провалиться. Папа последовал за ней. За ним шла Зофия. Петра остановилась и обернулась, выискивая на женщине какие-либо повреждения. Но ничего не нашла. Зофия уперла руки в бока, на лице не отражалось ни единой эмоции. Встретившись взглядом с Петрой, она легонько кивнула, как бы говоря: «Все нормально. Я в порядке». Папа первым подошел к машине и открыл ее.

– Садись, – устало сказал он.

– Можно я ненадолго останусь?

Папа вздохнул, обошел машину и схватил Петру за руку.

– Я больше ни слова не скажу, просто садись в машину.

Он открыл дверцу и затолкал ее на заднее сиденье. Она потеряла руку. Та болела от его хватки. Машина с визгом отъехала от тротуара, и Петра спряталась за водительской спинкой. Там отец не мог ее видеть. Как бы ей хотелось тоже не видеть его.

А потом она вспомнила про косметичку. Та осталась у Зофии.

Глава 19

К звонку с последнего урока перед каникулами Петра совершенно вымоталась. Нужно было узнать оценки, результаты по тестам и заполнить все необходимые формы. Она радовалась, что закончились первые недели учебы в Кромерти Хай. Чувство новизны ушло, и ей казалось, что она учится здесь уже много лет. У нее, Тины и даже Мэнди имелись свои места. Утром они собирались у библиотеки и прятались под навесом, если шел дождь. На перемене выходили к столикам у спортивного поля. После ланча тусовались в небольшом дворике возле корпуса старшеклассников, сидели на ступеньках у заброшенного сада. Тут она была счастлива; была частью всего этого.

Папа настоял, чтобы после школы она ходила с ним в супермаркет за покупками. Она сидела на пассажирском сиденье такси и смотрела в окно. С воскресенья она почти с ним не разговаривала. Ела в комнате, уходила в школу и проводила много времени с Тиной. Когда сталкивалась с ним дома, была краткой и вежливой, будто общалась с учителем. Он работал каждый день допоздна и по возвращении сразу заваливался спать. Он не упоминал Зофию, она тоже.

Но ей все равно было больно. На руке остались синяки. Они пропадут, но воспоминания – никогда. Теперь Зофия точно вернется в Польшу.

На этой неделе Петра отправила ей открытку с красными розами. Она весь день прятала ее в дневнике и наконец подобрала нужные слова.

Пожалуйста, не возвращайся в Польшу.

Я буду очень по тебе скучать.

Петра xxxxxxxx

Она купила марку и отправила послание. Ей впервые довелось отправлять *открытку*, и она несколько дней гадала, получила ли ее Зофия.

В супермаркете было людно. На всех кассах очереди. Петра стояла в стороне от папы и пялилась в телефон, будто у нее вдруг оказалась куча непрочитанных сообщений. На самом же деле просто размышляла о предстоящих каникулах длиной в неделю. Она с нетерпением ждала их. Мэнди обмолвилась о вечеринке в честь Хеллоуина, которую на следующих выходных устраивали ее родители, и сказала, что подруги могут остаться на ночь. Петра обрадовалась этой возможности, ей нравилось ночевать у Мэнди. Возможно, в обозримом будущем она к ней

привыкнет.

Они упаковали покупки и сложили их в багажник. По дороге домой Петра решила написать Тине. Поискала телефон в кармане, но не нашла. Провела рукой по сиденью, пошарила ногой по коврику – ничего. Начала вспоминать, куда его положила.

– По-моему, я потеряла телефон, – сказала она, слова прозвучали громко.

Папа съехал на обочину. Они вышли и порылись в пакетах с едой. Безуспешно. Отец рассердился, но развернул машину, и они вернулись в супермаркет. Осмотрелись около машин, рядом с которыми парковались. Петра повторила свой путь оттуда до кассы. Затем они вошли в супермаркет, и после длительного ожидания в отделе обслуживания клиентов им сообщили, что телефон никто не возвращал. Петра заполнила какие-то формы, и работница сказала, что сообщит, если телефон найдут.

По дороге домой девочка осознала всю серьезность ситуации. Она потеряла сотовый. А у них нет стационарного телефона. В этом не было необходимости, ведь у них с папой имелись сотовые. Она сразу же ощутила себя вне пределов досягаемости. Тина вдруг оказалась в нескольких километрах от нее, недоступна. Она сложила в голове все улицы от нее к дому Тины и прикинула, что это минимум минут на пятнадцать ходьбы. Затем подумала о Зофии. С воскресенья та писала ей несколько раз. Все сообщения были короткими и непринужденными, словно той ссоры с папой никогда не случилось. Вот почему Петра отправила открытку. Чтобы сделать что-то *значимое*. Теперь она не сможет ей написать. Когда они подъехали к дому, папа сказал:

– Скорее всего, в выходные мне немного заплатят. Я куплю тебе новый телефон.

Она пробормотала благодарность и помогла занести покупки домой.

Приготовила себе горячий бутерброд с сыром, на десерт полакомилась мороженым прямо из ведерка. Немного посмотрела телевизор и пошла спать. Но проснулась в 02.09. В гостиной горел свет. Она решила, что папа не ложился. Перевернулась и накрылась одеялом с головой. Постаралась заснуть, но вдруг услышала шепот. Шептались два человека. Она села.

Подошла к двери и, как можно тише приоткрыв ее, прислушалась. Голос был мужским. Похожим на Натана Болла. Она вздохнула. Ей не нравился этот мужчина. Она собралась было вернуться в кровать, но тут шепот стал громче, слова – более разборчивыми. Она наострила уши. Папа почти не говорил, только Натан Болл не унимался.

– Тебе это не по силам! Сказал, что сделаешь, но ничего не происходит.

– Мне нужно больше времени! – Голос папы звучал устало, изможденно.

– Я представил тебя мистеру Константину из-за твоей связи с Мерчантом. Ты получил работу шофера, потому что я хотел, чтобы он с тобой познакомился, доверился тебе. Прошли недели, и мистер Константин ждет от тебя результата. Он терпелив, но двадцать тысяч фунтов – большие деньги. Они принадлежат ему.

– Я знаю.

– Ты заверил, что сможешь выбить их у Мерчанта.

– Я говорил, что могу попытаться выяснить, где он хранит деньги.

– Мистер Константин уже сказал тебе. В стене за старым красным бархатным креслом есть съемная панель. Мерчант – обычный простак. Никакого воображения. Он всегда прятал там деньги от властей.

– Я не могу ломать стены. В комнате все изменилось. Он калека. Я каждый раз там осматриваюсь. Скоро все найду, но нельзя торопиться, не то будет выглядеть подозрительно.

– Мистер Константин возвращается в Грецию в следующую пятницу. Деньги нужны ему к этому времени. Если не сможешь найти их, не вызвав подозрений, тебе придется убедить старика сказать нам, где они. Не забывай, что там и твои деньги. Много денег!

– Я найду их.

– Если к четвергу их не будет, я отправлюсь туда и все разрешу. И вряд ли старику это понравится.

– Я их достану!

– Мне пора. Оставайся на связи.

Свет из гостиной пролился в коридор, Петра отступила в комнату и закрыла дверь. Она услышала шаги Натана Болла, а потом захлопнулась входная дверь. Включился телевизор. Она вернулась в кровать и долгое время лежала без сна. Тупо пялилась в темноту, обдумывая все, что только что услышала. В доме мистера Мерчанта хранились деньги. Деньги мистера Константина, мужчины, которого возил ее папа. И папа как-то должен их достать. Она скрестила руки на груди, ощущая разочарование. Ее отец притворялся добрым самаритянином, приносящим мистеру Мерчанту угощения. Он часто его навещал и рассказывал Петре истории о старом доме и привидениях. Он описывал мистера Мерчанта как «одинокого хрыча» и «грустного старикана без семьи». Но все это ложь. Он просто ходил туда, потому что кто-то попросил его найти деньги. Он следовал приказам Натана Болла и мистера Константина, кем бы тот ни был.

Она вспомнила его слова. «Скорее всего, в выходные мне немного заплатят. Я куплю тебе новый телефон».

Он купит его на деньги из дома мистера Мерчанта, на деньги, которые достанет из-за съемной панели за красным бархатным креслом. Теперь в ее голове потерянный телефон как-то связался со стариком из дома, которым она была очарована. Дома с привидениями, которые обитали на нежилом верхнем этаже. В реальности это место было грустным, мистер Мерчант день за днем сидел в одной комнате, и к нему приходили только сиделки. Конечно же еще папа заезжал, привозил сигареты и искал спрятанные деньги.

После случившегося в воскресенье она думала, что отец больше ее не подведет.

Но тот пал еще ниже. Почему он такой?

Когда была жива бабушка, это не имело значения. В те дни они мало пересекались. Он жил с ней в бабушкином доме, но всегда либо работал, либо зависал с друзьями, либо спал. Часто уходил в пятницу и возвращался только в понедельник утром, на что бабушка закатывала глаза и говорила: «Твой папа в запое!»

Бывали и такие времена, когда он отсутствовал неделями, даже месяцами, бабушка утверждала, что он уезжал работать на нефтяные вышки. Но это была ложь, на самом деле папа сидел в тюрьме. По возвращении домой он, казалось, был рад ее видеть, водил в «Макдоналдс», но вскоре все возвращалось на круги своя. Ругался с бабушкой, ей подшофе дарил поцелуи и объятия. Папа был *папой*, но они мало времени проводили вместе. Да это было и не важно, потому что у нее была бабушка. Бабушка окружила ее заботой. Шила на швейной машинке одежду, которую просила внучка. А Петра просила персонажей Диснея, не только для себя, но и для Тины. Бабушка усаживалась с кучей булавок во рту и принималась за дело.

Она готовила папе и стирала его одежду. Спорила с ним, и иногда он выходил из себя, кричал на нее и бил в стену. Тогда бабушка забирала у него деньги под предлогом, что они нужны на оплату аренды и еды. «Я останусь без гроша», – говорил папа. «Будешь меньше времени проводить в пабах», – прямо ему в глаза решительно отвечала бабушка.

Она умерла всего в пятьдесят два года.

Из-за аневризмы – неправильной работы сосудов в мозгу. Это случилось в один из вечеров. Она пошла в гостиную, чтобы посмотреть «Эммердейл», а Петра готовила себе бутерброд. Некоторое время спустя, убрав крошки и ополоснув тарелку и нож для масла, Петра пошла в

гостиную и обнаружила ее лежащей на диване.

Этот момент стал самым худшим в ее жизни. Петра сразу поняла, что она умерла. По телевизору тихо играла заставка к сериалу, в комнате царила полнейшая умиротворенность. Петра почувствовала, что бабушкина жизнь оборвалась. Ее голос, улыбка, смех – все это пропало, все закончилось. Она шагнула вперед и коснулась ее плеча, удушающий всхлип застрял в горле.

Остались только они с папой.

Они переехали из бабушкиного дома, папа получил постоянную работу в таксопарке. Жизнь Петры продолжалась, хотя иногда казалось, что она лишилась какой-то части себя. В груди образовалась крошечная дыра, которую никто не видел. К папе приходили социальные работники. Говорили о том, чтобы передать Петру на государственное попечение, но он и слышать об этом не хотел. Тогда она смотрела на него с трепетом. И впервые за все это время ощутила *любовь* к нему. Он пообещал заботиться о ней, следить, чтобы она ходила в школу и выполняла домашнее задание. Социальных работников беспокоил его «бессистемный образ жизни», но он отмахивался и говорил, что изменится. Он ходил к ним на встречи, они появлялись в неудобное время, но Петра продолжала жить с отцом. Все шло хорошо. До тех выходных, когда ее папа ушел и пропал на два дня.

Петра села в кровати, согнула колени, образовав под одеялом подобие палатки, и уставилась в темноту комнаты. Она слышала тихо работающий телевизор. Скорее всего, папа заснет на диване и утром проснется с затекшей шеей.

Это произошло через три месяца после смерти бабушки. Петра еще ходила в начальную школу. Она вернулась домой в пятницу и нашла записку, в которой говорилось, что он получил работу в аэропорту и, возможно, будет поздно. Он часто оставлял ей коротенькие записки, и она обычно смотрела телевизор и ждала его. По пятницам они брали еду навынос: пиццу или жареного цыпленка. Но той ночью папа не вернулся. Она спала на диване.

На следующее утро она пошла к Тине, но ничего не рассказала про отца. Суббота протекала как обычно, и она думала, что он скоро появится и скажет, что выпил и остался у друга. Она вернулась домой и, не обнаружив его, начала волноваться. Не знала, что делать. Она не могла позвонить в социальную службу, потому что тогда у папы будут неприятности, ведь он оставил ее одну. Она может оказаться в приюте. Петра переживала, вдруг он заболел или попал в аварию. Однажды она видела, как он пришел домой к бабушке на костылях и с перевязанной ногой, потому что упал с

лестницы.

В итоге она решила подождать. Купила чипсов, включила телевизор и вторую ночь подряд спала на диване.

На следующий день он вернулся. Ввалился в коридор и прислонился к стене. Петра чувствовала от него запах алкоголя. Казалось, при каждом движении от него доносились алкогольные пары. Он что-то пробормотал, доковылял до спальни и прямо в одежде рухнул лицом на кровать. И тут же вырубился. Позже, уже вечером, он вышел из спальни и смущенно взглянул на нее. Она ничего ему не сказала, просто продолжала смотреть телевизор. Он сел в кресло и поставил локти в колени. Нервничал, его ноги подергивались.

– Извини, Петра, – сказал он.

Она не могла говорить. Ее душили эмоции. Волнение последних двух дней сжало горло. Она даже смотреть на него не могла. Среди всего прочего возникла злость. Он оставил ее одну! А что, если бы что-то случилось? Что бы тогда он сказал?

– Все нормально?

Она продолжала его игнорировать. Только моргала. Смотрела на экран телевизора, и изображение расплывалось.

– Мне нужно выпить, – буркнул он и встал.

Ну вот. Вот она – степень его извинений. Петра повернулась и увидела, как он уходит. Услышала, как на кухне хлопают дверцы кухонных шкафчиков. Он искал бутылку водки, которую она заметила этим утром на полке. Но он ничего не найдет, она ее вылила и выкинула бутылку в мусорку. Она вошла на кухню и посмотрела на него.

– Думаю, тебе больше не стоит пить, – произнесла она дрожащим голосом.

Он все еще был в той одежде, в которой ушел в пятницу. Пиджак и брюки помялись. Он развернулся к ней.

– Я избавилась от водки, – пролепетала она.

Он посмотрел на нее в неверии.

– Что?

– Я не хотела, чтобы ты пил.

– Кем ты себя возомнила? Ты всего лишь ребенок! Не указывай, что мне делать.

– Бабушка говорила, что ты слишком много пьешь...

Он шагнул к ней. Она плотно сжала губы, чтобы не сболтнуть лишнего. Он буквально нависал над ней. Она чувствовала его запах. Пары алкоголя, который он поглощал эти двое суток, ударили в нос. Ее затошнило.

– Где водка, мисс? – спросил он, его голос дрогнул.

– Ее нет. Утекла в раковину.

– Бестолковщина... бестолковщина...

– Ты оставил меня одну, – зашпорила она, ее голос стал громче, ворчливее. Он хлопнул себя по лбу и покачал головой, будто пытался избавиться от какой-то мысли.

– Если бы бабушка узнала, что ты оставил меня... – опасно произнесла она.

– Заткнись!

– Бабушка бы никогда...

– ЗАТКНИСЬ!

Он схватил ее за предплечья и вышвырнул из кухни.

– Не прикасайся к моей выпивке! – рявкнул он. – Никогда больше не прикасайся к моей выпивке!

Его пальцы впивались в кожу, пока он волочил девочку по коридору. Он распахнул дверь ногой и толкнул ее в комнату. Петра потеряла равновесие и с глухим стуком ударилась о шкаф, а лбом об угол. Она увидела звездочки и пошатнулась. Затем все потемнело, будто выключили свет. Снова открыв глаза, она нашла себя на полу, папа с гримасой страха смотрел на нее. Петра попыталась поднять голову, но та казалась неподъемной.

Он отвез ее в травмопункт.

Она на несколько минут потеряла сознание, поэтому ей надо показаться врачу, сказал он. Она скажет им, что споткнулась и упала, потому что в каком-то смысле так оно и было. Он всего лишь отвел ее в комнату, на самом деле не хотел, чтобы она покалечилась. Папа позвонил своему другу и попросил забрать их, и вскоре они сидели в травмопункте. Голова гудела, но хуже этого было ощущение его пальцев на предплечье. Она посмотрела вниз и увидела отпечаток. Было больно. Все еще больно.

Врачи позвонили в социальную службу и оставили ее в больнице на две ночи. После выписки дом встретил ее чистотой и двумя социальными работниками. Они сказали, что папа болен, но он согласился посещать психотерапевта. Он больше не будет пить и уж точно никогда ее и пальцем не тронет. Они будут звонить дважды в неделю, и она может связаться с ними в любое время. Они ушли, оставив визитки, тогда ее папа встал и спросил, не хочет ли она сосисок на ужин. И рифленой картошки фри.

Она думала, что после травмопункта все изменится.

Но у отца всегда отлично получалось ее разочаровывать.

Глава 20

Петра всю неделю наблюдала за домом на Принсесс-стрит.

Каждый день каникул считала своим долгом пройти мимо него полдюжины раз. По пути к Тине она останавливалась и смотрела на сад. По пути к магазинам находила любое оправдание, чтобы подвести Тину и Мэнди к нему, все время следя, чтобы не появился злой сосед. По пути от Тины проверяла, нет ли перед домом папиной машины. Газетный киоск оказался хорошим местом для наблюдения. В другие разы она просто ходила туда-сюда по улице, как караульный. Петра позабыла обо всем в своей жизни. Отъезд Зофии отложился в дальний угол ее разума, она думала только о папе и гадала, что он собирался сделать и могла ли она как-то это предотвратить.

Она хотела рассказать правду Тине, но Мэнди все время находилась рядом. И в то же время она никому не хотела рассказывать, ведь это как открыть коробку, из которой все может вывалиться, не только папин план ограбить старика, но и то, какой он, как ловко пользовался руками, чтобы заставлять людей делать желаемое. Какую-то часть этого Тина уже знала, но как Петра могла поведать ей обо всем остальном?

А от мысли о том, что об этом узнает Мэнди, ее накрывал стыд. Мэнди, у которой имелись мама и папа, красивый рюкзак и маркеры. «Мама с папой устраивают вечеринку в честь Хеллоуина. Вы можете прийти и остаться с ночевкой, если хотите!» Мэнди хотелось бы знать о недостатках жизни Петры. Она не могла быть частью «Красных роз», но могла упиваться убожеством соперницы.

Девочка подумывала сделать анонимный звонок в полицию.

Но чем он поможет? Если они приедут и не обнаружат признаков грабежа, то спишут это на шалость. А если приедут и обнаружат, что ее папа и Натан Болл угрожают старику, то арестуют обоих, и Петра отправится на попечение государства.

Она не знала, что делать. Поэтому наблюдала за домом. Шли дни, и она проводила все больше времени на Принсесс-стрит. Нарезала круги от одного конца улицы до другого. Смотрела на него, стоя у газетного киоска. Она притворялась, что смотрит на машины, и все ходила туда-сюда по улице, иногда останавливаясь у ветхого дома.

Папу она почти не видела. Он работал. Каждый день он оставлял ей деньги на ланч и на прогулки с подругами. «Чем бы ни занималась, не приближайся к этой польской сучке», – говорил он. Эта резкость ее

тревожила. Она думала сходить рассказать обо всем Зофии, но потом решила, что в этом нет смысла. Что она могла сделать? Она никак не могла на него повлиять.

Поэтому Петра продолжала наблюдать за домом на Принсесс-стрит. Она понятия не имела, что происходит в те часы, когда ее нет рядом. Не знала, заходили ли туда папа и Натан Болл и нашли ли уже деньги мистера Мерчанта. Но все равно наблюдала, околачивалась рядом и тянула Тину и Мэнди пройти мимо дома.

В четверг около часа дня она увидела, как по другой стороне улицы идет Натан Болл. Она продолжила шагать и остановилась лицом к витрине газетного киоска, за которой стояла стойка с открытками. Она смотрела на карточки с объявлениями о продаже подержанных стиральных машин и детских колясок и боялась того, зачем Натан Болл ошивался на этой улице.

Затем она вошла в магазин и купила лимонад. Встала у стеклянной двери и выглянула на улицу. Натан Болл спрятал руки в карманы джинсовой куртки, словно день был холодным, и неспешно прогуливался, будто ему некуда идти. По крайней мере, так казалось, но Петра нашла в этом притворство. Он остановился посреди тротуара и достал из кармана пачку сигарет. Затем осмотрелся. Повернулся и бросил взгляд на газетный киоск. Он проверял, чтобы никого не было рядом. Достал сигарету и зажал ее губами. Порывшись в карманах джинсов, вытащил зажигалку, поджег сигарету и продолжил свой путь.

Он вошел в калитку дома мистера Мерчанта и скрылся из виду. Поэтому Петра выпорхнула из магазина и прошла несколько метров до почтового ящика. Она увидела, что он подошел к входной двери, обогнув несколько заросших кустов. Постучался, затем отступил на шаг и посмотрел на нижнее окно. Петра прищурилась, но никого не заметила е. На мгновение она вспомнила, как мистер Мерчант махал ей. Натан Болл подошел к окну и заглянул внутрь. После чего вышел из сада. На его лице отразилось раздражение. Он стряхнул листья со своей одежды. Сигарета исчезла, и Петра задумалась, не выкинул ли он ее случайно в высокую траву. Он какое-то время постоял на улице и достал телефон. Нажал несколько кнопок и заговорил. Она не слышала его голос, но он размахивал рукой и дергал плечами, точно с кем-то спорил. Может, с мистером Константином или ее папой. Закончив разговор, он ушел туда, откуда пришел.

Банка с лимонадом была почти полной, но Петра выкинула ее в мусорку.

Что он делал?

Когда она пришла к Тине, Мэнди уже была там. И похоже, уже давно, потому что повсюду лежали зарисовки «Красных роз». Она услышала слова новенькой:

– Вот что мы сделали, Петра. Посмотри и скажи, как тебе.

Она взглянула на рисунки, но они ее не заботили. На языке так и вертелись слова: «Я выхожу из группы. Занимайтесь этим вдвоем!» Но она промолчала. Вошла мама Тины, принесла бутерброды и пакеты с чипсами и оставила все это на столе.

Они весь день смотрели фильмы и слушали музыку. Петра ускользнула один раз – после трех, – чтобы якобы сходить домой и взять определенный диск. Она прошлась перед старым домом. В гостиной было спокойно. Дом выглядел мирно, но в воздухе ощущалось что-то нехорошее. Кусты в саду, казалось, ощетинились и сгущались на ее глазах, а увядающие розы покачивались, позволяя ветру срывать лепестки. Был четверг, день, когда мистер Константин хотел получить свои деньги. По дороге к Тине у Петры возникло дурное предчувствие. Грядет что-то плохое.

– Тебя долго не было. Где диск? – спросила Мэнди.

– Не смогла найти.

Лица Тины и Мэнди покраснелись, так как дома было тепло. Новенькая все болтала о вечеринке в честь Хеллоуина. Она принесла каталог «Аргос» и показала страницы с телефонами. Просмотрев их, они начали листать дальше и делиться, что еще бы прикупили. Перевалило за пять, и Петра больше не могла ждать. Она сказала, что ей нужно на воздух. Предложила сходить к газетному киоску. Тина подскочила и взяла с перил мамину толстовку. Мэнди, казалось, не хотелось никуда идти, но она все равно пошла. По пути к Принсес-стрит Петра как будто издалека слышала разговор подруг, словно они находились в другой комнате. Когда они подошли к киоску, уже смеркалось. Остановившись, она внимательно окинула взглядом тротуар, точно ожидала увидеть Натана Болла, затаившегося перед садом дома мистера Мерчанта.

Но вместо этого увидела кое-что другое.

По другую сторону от дома стоял белый фургон, на водительском сиденье сидел Натан Болл, прижимая телефон к уху. Окно было открыто, и он положил на него локоть. Мужчина внимательно смотрел на пятьдесят третий дом, его губы шевелились.

– Что думаешь, Петра?

Она услышала пискливый голос Мэнди, похожий на свист раздражающего насекомого.

Зачем Натан Болл приехал сюда в фургоне? Чтобы забрать у мистера Мерчанта деньги?

– Что? – резко спросила Петра.

– Я сказала, что, может, ты и Тина – «Красные розы» – споете на вечеринке в честь Хеллоуина?

Девочка окинула взглядом улицу. Она должна что-то сделать.

– После барбекю, когда все будут есть, вы можете спеть пару песен. Я могу представить вас...

– Думаю, нам стоит зайти в этот дом, – услышала Петра свой голос. – Мы неделями обсуждали это.

В смысле, *она* обсуждала это.

– В дом? Какой дом? – смутившись, спросила Мэнди.

– В старый дом, – ответила она и указала на него, одним глазом наблюдая за фургоном.

– Сейчас? Зачем?

– Да, сейчас. Прямо сейчас. Мы можем тихонько войти и выйти. У задней двери на крючке есть ключ. Мы сами войдем, быстренько осмотримся и вернемся. Помните, старик много спит?

– Это жутко. Зачем нам это делать?

Потому что если мы пойдем туда, то я смогу сказать мистеру Мерчанту, что в его дом собираются вломиться. Смогу убедить его вызвать полицию. Можно не упоминать папу. Когда придет полицейская машина, она спугнет их, четверг закончится, и мистер Константин вернется туда, откуда приехал.

Но сказала она другое:

– Проверить, есть ли там привидения. Идем. Пока не струсили.

Она могла сказать правду. Почему нет? Но посмотрела на Мэнди и заметила отразившееся на ее лице презрение, словно она считала Петру идиоткой. Еще она видела, что новенькая отчаянно пытается поймать взгляд Тины. Чтобы навязать свое мнение. Но Тина никогда не выберет Мэнди вместо нее.

В этот момент завелся двигатель. Белый фургон включил поворотник. Натан Болл закрыл окно и откатил от тротуара. Он уезжал. Петра не знала, что и думать. Это хороший знак?

– Скоро совсем стемнеет... – осматриваясь, сказала Мэнди.

– Вот почему мы должны пойти сейчас. Быстро войдем и выйдем, – настаивала Петра.

Нужно действовать быстро, пока Натан Болл уехал с улицы. Она подхватила Тину под руку. Сначала Тина немного сопротивлялась, но

потом сдалась. Они обе посмотрели на Мэнди. Если действовать быстро, то они найдут и она предупредит мистера Мерчанта, что кто-то хочет его ограбить. И уже ему решать, что с этим делать. Только если он не спит. Она понятия не имела, что тогда делать. Ее грызло изнутри чувство паники, все происходило слишком ненормально. Натан Болл мог вернуться в любую минуту.

– Идемте, – сказала Петра, приняв решение.

Она направилась в сторону дома. Тина шла вместе с ней, легкая, как перышко. Мэнди тоже потащилась, но медленно. На каждые два шага Петры и Тины приходился один Мэнди. Казалось, она уплывала от них, словно они находились в двух лодках, и ее сносило в другую сторону.

– Ты идешь? – спросила Петра.

Мэнди покачала головой, а подруга потянула Тину к саду перед домом.

– Тогда лучше возвращайся домой! – бросила Петра.

Мэнди остановилась с таким видом, будто что-то потеряла. Тина помахала ей, и она развернулась и ушла. Петра посмотрела ей вслед и почувствовала удовлетворение. Но Тина выглядела несчастной. Мамина толстовка висела на ее плечах.

Они прокрались через сад, обходя свет из окна. Тина держалась сзади.

– Не уверена, что это хорошая идея, – прошептала она.

– Все нормально, – ответила Петра.

Она подхватила подругу под руку, и они пошли к калитке. Интересно, думала ли Тина о злом соседе, что тогда накричал на них. Она хотела сказать ей: «Сейчас темно, никто нас не увидит!» – но девочка и так была на взводе, натянута как пружина. Петра могла отпустить ее, предложить догнать Мэнди. Необязательно, чтобы Тина шла с ней, она могла пойти сама. Она уже почти открыла рот, чтобы произнести: «Все в порядке, можешь догнать Мэнди, иначе она расстроится». У Тины появится оправдание, и она не будет считать, что бросила Петру.

Но Петра представила лицо Мэнди, когда появится Тина. Она обрадуется и решит, что та выбрала ее, а не Петру. Заведет разговор о «Красных розах» или о чем-то еще. И пока Петра будет пробираться в темный дом с паутиной и мышами, Мэнди с Тиной будут стоять в теплом свету газетного киоска.

Они дошли до калитки.

– Мне правда здесь не нравится! – прошипела Тина.

– Идем. Это будет нашим приключением. Можем потом придумать для Мэнди историю про привидение.

Петра занервничала. Только сейчас, у калитки, до нее дошла глупость

того, что она собиралась сделать. Она собиралась вломиться к больному старику и сказать, что тот в опасности. Петра завозилась с ручкой калитки, тугой и несговорчивой. Она билась над ней, подумывая *вернуться*. Она могла сделать анонимный звонок в полицию. Воспользоваться таксофоном в торговом центре. Петра уже хотела развернуться и уйти, как вдруг почувствовала, что Тина застыла рядом. Подруга взялась за ручку и сладила с ней.

– Та-да! – воскликнула она.

Петра открыла калитку, и они обе вошли.

Часть третья

Настоящее

Мэнди

Глава 21

Мэнди ждала психотерапевта, Дебби Ховард, в кафе на Холлоуэй-роуд. Перед ней стоял напиток, к которому она даже не прикоснулась. В ожидании она уже в сотый раз взглянула на открытку, которую получила почти две недели назад. Осмотрела каждую деталь. Такую картинку можно увидеть на календаре или поздравительной карточке – обычная ваза с красными розами. Мэнди обвела пальцем вазу и коснулась каждого цветочка, пытаясь найти в них скрытый смысл. На обратной стороне было написано: «Пожалуйста, никому не говори, что видела меня. Я свяжусь с тобой». Ни подписи, ни других признаков отправителя, но Мэнди точно знала, кто это написал.

Она подняла голову и увидела входящую в кафе Дебби. Девушка закрыла зонтик и стряхнула капельки воды. Затем направилась напрямик к ней, чтобы оставить мокрый зонт у стула.

– Возьму попить и присоединюсь к тебе, – сказала она. – Сейчас вернусь.

Дебби снова была в черном: черные джинсы и кожаная куртка. Эта встреча была четвертой за две недели, и она каждый раз приходила в черном. Может, Дебби носила траур, или же ей просто нравилось так одеваться. Мэнди посмотрела, как та беседует с баристой. С Дебби легко общаться, но это их четвертая встреча, и Мэнди не знала, что сказать. Она представила, как здесь сидит Томми и дружелюбно болтает с психологом, его кожаный портфель стоит на полу возле мокрого зонтика Дебби. Они бы точно сошлись, нашли бы тысячу общих тем. Мэнди тут же пронзило ревностью, она выпрямилась и, сделав глоток, попыталась вернуть на лицо улыбку.

– Как ты? – спросила Дебби, поставив на стол высокий стаканчик и положив рядом один пакетик сахара.

– Нормально.

Дебби тщательно встряхнула пакетик, оторвала уголок и высыпала сахар в напиток (в кофе – черный, как ее одежда). Затем залезла в сумку и достала блокнот и ручку.

– Чем занималась? – спросила она, перелистывая страницы.

– Всяким разным. Повседневными делами. Школа, дом, школа.

– М-м-м...

Дебби наконец отыскала нужную страницу и посмотрела на Мэнди. Ее волосы ниспадали на плечи, и она, словно вдруг осознав это, старательно убрала их за уши. Но стоило ей опустить руки, как они снова упали вперед.

– Итак, в прошлый раз мы немного обсудили недели перед исчезновением твоих подруг. Я сделала заметки. Еще я пообщалась со своим научным руководителем, и она подсказала мне недавно опубликованную литературу о чувстве вины...

Дебби продолжила говорить о чувстве вины. И все листала блокнот. Мэнди вспомнила доктора Шуклу и ее заметки. Вспомнила картину на стене кабинета, которая называлась «Автомат» и на которой молодая женщина сидела в кафе глубокой ночью и пила из чашки. Мэнди окинула взором столы и кабинки и задалась вопросом, каково сидеть в этом кафе ранним утром, выглядывать в окно на темную улицу и видеть ночной город. Это навело на мысли о выходящей ранним утром из машины Петры, ее визите к дому, из которого она когда-то пропала. Она стояла у проволочного забора и как призрак смотрела на руины. Услышав, что ее окликнули по имени, Петра скрылась в машине, в которой приехала.

– Ты как будто витаешь в облаках!

На нее пристально смотрела Дебби. Она была права. Мыслями Мэнди находилась далеко. Так частенько происходило в последнее время: ей было сложно сосредоточиться на чем-то одном.

– Извините, у меня сейчас стольким голова забита.

– Да, вот поэтому мы здесь. Ладно, на чем мы остановились? Расскажи о первых неделях школьного семестра, о дружбе с девочками.

Мэнди в очередной раз проговорила события первых семи недель средней школы, когда она подружилась с Петрой и Тиной. Дебби делала в блокноте заметки. Иногда задавала вопросы, но потом возвращалась к заметкам. Когда Мэнди закончила рассказывать все, что помнила, Дебби закрыла блокнот. Мужчина за стойкой косо подглядывал на них. Мэнди задумалась, не рассердился ли он, что двое людей так открыто используют кафе в качестве переговорной, но Дебби говорила, что практикует это и с другими пациентами. «Очень важно избавиться от обстановки клиники и просто поговорить», – частенько повторяла она.

– У меня возникли кое-какие мысли, которыми я поделилась со своим научным руководителем...

Под словом «руководитель» Мэнди представляла начальника, но в данном случае это был профессор, курирующий докторскую диссертацию Дебби.

– И она предложила мне изучить некоторые исследования, в частности

случаи в Америке...

– Вы имеете в виду кливлендских девочек? Их похитили и удерживали десять лет...

– Нет, не этот случай... – Дебби немного смутилась. – Нет, она предложила просмотреть исследования по подросткам, которые страдали от депрессии, вызванной социальной неустроенностью. Думаю, кое-что имеет отношение к твоему случаю.

– Не понимаю.

Дебби пролистала блокнот и остановилась на исписанной странице. С минуту читала, и Мэнди почувствовала, что в ней разрастается разочарование. Она согласилась на эти встречи только потому, что психотерапевт была не отсюда, она не видела ее прежде. Но сеансы не привели ни к чему новому. Дебби задавала все те же старые вопросы, а она рассказывала все ту же старую историю. И теперь она думает, что Мэнди в депрессии? Она это знала!

– Если разделить события пятилетней давности, получится три пункта. Первый: твоя дружба с девочками. Второй: твой отказ войти с ними в тот дом. И третий: ты пять часов никому не говорила, куда они пошли.

Теперь Мэнди стало интересно. Перед ней никогда так это не раскладывали.

– Давай начнем с третьего. Ты никому не сказала, что девочки пошли в тот дом. И это действие, совершенно очевидно, имело серьезные последствия. Тебе было двенадцать, и твои причины ясны. Ты не хотела неприятностей. «Я знаю, что Петра и Тина в том доме и что с ними происходит что-то ужасное, но никому не скажу» – не твой случай. Нет, ты просто поступила, как многие, и позаботилась о себе.

Звучало резко, жестко и эгоистично. Мэнди осмотрелась, опасаясь, что кто-то услышит Дебби, но рядом никого не было. Мужчина за стойкой сосредоточенно полировал кофе-машину, вырисовывая тряпкой круги.

– Давай рассмотрим второй пункт. Ты отказалась войти в дом. Я хочу, чтобы ты это обдумала. Ты ощущаешь вину за то, что каким-то образом их подвела? Возможно, думаешь, что должна была пойти с ними. Или, может, тебе кажется, что нужно было убедить их не ходить, и это причиняет тебе боль.

Мэнди задумалась. Что конкретно она ощутила, когда они пошли в дом без нее? Обычно ее чувства походили на тугой шарик, но сейчас их просили разделить – это как сорвать лепестки с закрытого соцветия.

– И наконец, первый пункт. Твоя дружба с девочками. До трагедии ты старалась стать частью команды, и сказанное тобой в прошлом доктору

Шукле указывает на то, что ты обиделась, когда они не приняли тебя с распростертыми объятиями. Могу предположить, что значительная часть ощущаемой тобой боли – депрессии – связана с этим неразрешенным чувством отказа от девочек. Или как минимум от одной из них – *Петры*. Вот почему, я думаю, ты видела *Петру* в автобусах. Тина, которая приняла твою дружбу и тепло к тебе относилась, не преследует тебя так, как Петра. «Преследует» – это я метафорически.

Мэнди откинулась на спинку стула и скрестила руки. Она ничего не ответила. Разочарование испарилось, и она обдумывала слова Дебби. Ей всегда было интересно, почему все эти разы она видела именно Петру, а не Тину. Неужели все из-за того, что ее расстроила отставка от *Петры*? Но что она тогда за человек? Ее больше тяготили задетые чувства, чем пропавшие девочки?

– Я хочу, чтобы ты это обдумала. Внутри тебя много боли. И нужно выделить то, что можно исправить.

– А как быть с тем, что исправить нельзя?

– С этим ты должна научиться жить. Тебе было всего двенадцать. Если девочки и правда мертвы, как все думают, тогда ты должна понять, что не виновата в их смерти.

Дебби закрыла блокнот и убрала его в карман сумки. Затем размешала оставшийся кофе и допила его залпом.

– Мне пора выдвигаться, – сказала она, взяла зонтик и затеребила спицы. – У меня лекция. Но увидимся в четверг после школы? В то же время и на том же месте?

Мэнди проводила ее взглядом до двери кафе. Дебби казалась слегка отстраненной, словно ее никогда не трогала ни одна из эмоций. Может, поэтому Мэнди было с ней комфортно. Она устала утопать в чувствах, хотела получить ответы, и Дебби, похоже, могла ей их дать. Она увидела в окно, как девушка открыла зонтик и ушла. После этого Мэнди еще немного посидела, обхватив чашку ладонями, хотя уже давно все допила.

«Если девочки и правда мертвы, как все думают...»

Теперь появилась другая проблема. О которой она не могла рассказать Дебби. Одна из девочек не мертва, Мэнди это знала. Видела ее собственными глазами. Это не проявление ее вины, а настоящая Петра. И она прислала ей открытку. «Я свяжусь с тобой» – было написано на ней. С тех пор прошло две недели.

Мэнди ждала, когда девочка с ней свяжется: позвонит, напишет письмо, предстанет воочию.

Она все еще ждала.

Глава 22

Мэнди получила сообщение от Джона Уоллиса.

«Вспомнил кое-что о той девушке, о которой ты спрашивала».

Мэнди искала его весь день. Его не было в общей комнате, и она спросила о нем у ребят, те с хитрецей посмотрели на нее, но ответили, что он опоздает. Она проигнорировала их пошлые намеки. Во время ланча она отправилась в столовую и поискала его взглядом за столиками. Затем вышла из школы и направилась к местным магазинчикам и кафе, куда ходили многие ученики. Джона нигде не было.

Она отправила ему три сообщения с просьбой найти ее как можно скорее.

После обеда у нее стоял урок истории, и она нарочно на него опоздала, чтобы занять место у двери и не сидеть рядом с Томми. Он помахал, она улыбнулась в ответ и принялась делать заметки. Похоже, он понял, что она его избегала. Вернувшись в школу после каникул, она сказала: «Я так отстала, что теперь придется всю неделю торчать в библиотеке!» Он посмотрел на нее с сочувствием, но она в этот момент поймала его взгляд и осознала, что он обо всем догадался. Ее лицо вспыхнуло, и она взволнованно начала перечислять предметы, которые нужно подтянуть, но его взгляд говорил сам за себя. Он *знал* о ее чувствах к нему. Знал, почему она его избегала.

Первым утром после каникул она увидела его и Лиэнн в общей комнате. Они сидели вместе, и девушка что-то шептала ему в ухо, ее губы почти что касались его кожи. Лиэнн выглядела, как обычно, точно кукла, волосы перекинута через плечо. Несмотря на то что на улице уже похолодало, она надела блузку с короткими рукавами и легкую курточку, а значит, мерзла. Позже в тот день Мэнди увидела, как она прогуливалась по школе, накинув на плечи один из джемперов Томми – крепко связала рукава, манжеты свисали на грудь.

Она не испытывала ненависти к Лиэнн. Просто злилась на себя, потому что не поняла, какие девушки нравятся Томми. Не такие как Мэнди. Когда она сталкивалась с ним в коридоре или вне класса, они болтали, как прежде: о фильмах и книгах, но позже, когда она видела, как он обнимает Лиэнн, ее пронзала острая боль.

После истории у Мэнди было окно, и она пошла в библиотеку. Отыскала свободную кабинку и положила перед собой раскрытую книгу, создавая иллюзию занятости. Вскоре ее мысли перетекли на Петру и на то,

что прошли две недели и один день, а с ней так никто и не связался. Мэнди просыпалась каждый день и гадала, получит ли сегодня от нее телефонный звонок или какое-нибудь послание. Апогей наступал, когда она выходила из дома; она была уверена, что тогда Петра подойдет к ней. Представляла, как идет по Холлоуэй-роуд и кто-то зовет ее с другой стороны улицы, или, возможно, она будет выбирать себе в кафе ланч, кто-то похлопает ее по плечу, а за спиной окажется Петра, и Мэнди скажет: «Господи, я думала, ты мертва». Но прошло пятнадцать дней – ни ответа ни привета, и теперь Мэнди начинала думать, что та вообще с ней не свяжется. Ее появление на месте того дома две недели назад останется такой же загадкой, как и исчезновение на том же самом месте пять лет назад.

Могла ли Мэнди что-нибудь сделать? Она знала, что видела. Она получила открытку. Стоило ли обратиться в полицию? Найти офицера Фаррадея и поговорить с ним? Хотя он решит, что она сошла с ума, особенно когда она расскажет, что ранним утром ходила к снесенному дому. А если дойдет до доктора Шуклы, та скажет им, что Мэнди и прежде чудилась Петра, и упомянет о ее визитах к психиатру на почве депрессии. Никто не поверит Мэнди. Пять лет назад они хотели, чтобы она заговорила, рассказала, куда пошли девочки. А теперь захотят, чтобы она молчала, оставила свое воображение при себе.

Она немного позанималась, сделала заметки по первой сцене «Кошки на раскаленной крыше». Прочитала диалог и проанализировала характеры персонажей. Затем подперла подбородок рукой и осмотрела библиотеку. За компьютерами работали парни из выпускного класса. Один из них – тот, которого она спрашивала о Джоне Уоллисе, – лукаво посмотрел на нее. Она сердито отвернулась. Но, вспомнив о Джоне, достала телефон, чтобы проверить, не прислал ли он сообщение. По нулям. Что он хотел ей рассказать? В тот день, когда он отдал ей конверт от Петры, она забросала его вопросами. «Что сказала девушка? Дословно? Как она выглядела? Во что была одета? В какой машине приехала?» Он признался, что как-то не придал этому значения. Девушка подошла и попросила передать конверт Мэнди Кристал. Затем вернулась к машине, вроде белой. Она была молодой, с рыжими волосами до плеч, в темных брюках и топе, похожих на какую-то униформу. Вот и все, что он смог вспомнить.

– Привет, Мэнди, – произнес чей-то голос.

Она повернулась и увидела возле кабинки Люси – девушку, с которой общалась на вечеринке у Зоуи. Она видела ее на ланче пару дней назад, и они немного поболтали, в основном о плохой еде. Люси не упоминала ни вечеринку, ни то, что знала, как сильно расстроилась Мэнди. Девушка это

ценила, но чувствовала себя рядом с ней неловко. Она даже не знала ее фамилии.

– Чем занимаешься? – спросила Люси.

– Просто делаю заметки. Нагоняю программу.

– Я тоже отстала. Столько нужно прочитать...

– Знаю.

Люси окинула взглядом библиотеку и открыла рот, будто хотела что-то сказать. Мэнди растерянно ждала, глядя на свои заметки.

– Я тут думала, – неуверенно произнесла Люси, – ты не хочешь прийти ко мне на выходных? Мама будет дома, и она заверила, что с удовольствием покажет тебе, как делать серьги.

– Ох.

Мэнди смущенно отвернулась, посмотрела на книгу, на заметки. Люси пыталась завести *дружбу*. А в ее жизни не было места для нового друга.

– Всего на пару часов. Я живу недалеко от тебя.

– Звучит здорово, – сказала Мэнди, взяв себя в руки. – Я согласую с мамой? Не знаю, есть ли у нее планы на выходные. Можно я напишу тебе позже?

– Конечно, – ответила Люси.

– Вот, напиши мне свой номер. – Мэнди подтолкнула блокнот к краю стола и протянула ручку.

Та взяла ее и написала свой номер.

– Увидимся, – прочирикала Люси и ушла.

Когда дверь закрылась, девушка почувствовала себя ужасно. Люси была к ней добра. Вероятно, она думала, что теперь, раз Мэнди потеряла Томми, у нее появилось вакантное место для друга. А Мэнди меньше всего этого хотелось. В этот момент загорелся экран ее телефона. Пришло сообщение от Джона.

«Я в общей комнате».

Она написала ответ:

«Скоро буду».

Собрала вещи и вышла.

Джон Уоллис сидел у окна и смотрел в телефон. В комнате находились еще ребята, но рядом с ним – никого. Когда она вошла, он поднял голову и улыбнулся, затем нагнулся вперед и положил телефон на низенький столик перед собой. Его волосы выглядели длинными, слегка лохматыми. А ей

помнилось, он носил короткую стрижку. Когда они отросли? Она и не заметила.

– Привет, – сказала она, положила сумку на стул возле него, а сама села рядом.

– Как дела? – спросил Джон.

– Нормально.

– Видел, твой лучший друг завел себе девушку.

– Да...

Мэнди посмотрела на свою сумку. Низ был пыльным, и она его вытерла.

– Я думал, вы с ним...

– Нет, вовсе нет. Мы просто друзья.

– В любом случае, я думал, что он гей.

– Почему? Из-за того, как одевается?

– Нет. Ну и из-за этого тоже. Просто есть в нем что-то такое.

– Он не гей.

– Да плевать, гей он или нет.

– Ладно, – произнесла Мэнди, намереваясь повернуть разговор в нужное русло, – ты сказал, что вспомнил что-то о той девушке, которая передала мне письмо.

Джон кивнул. Мэнди ждала.

– Хотя я кое-чего не понимаю, – признался он. – Почему ты ее не знаешь? Зачем какой-то незнакомке передавать тебе в школе письмо?

Мэнди нахмурилась. Буквально почувствовала, как ее лицо напряглось, потому что она реально не знала, что ему ответить. Почему она об этом не подумала? Что он будет озадачен, даже заинтригован. Но она не могла сказать ему правду. Девушка вздохнула.

– Если расскажу, ты должен пообещать, что никому и словом не обмолвишься.

Джон подался вперед, на лице отразилось любопытство. Она понизила голос, хотя рядом с ними никого не было.

– Помнишь то письмо? Это была анонимная записка о пропавших девочках. Я не знаю, обманка это или шутка. Не хочу, чтобы кто-то отнес ее в полицию, на случай если она ничего не значит и даст всем ложную надежду. За все эти годы я много получала писем и телефонных звонков о девочках.

Ложь выходила легко. Джон выпрямился и стал серьезным. Вот что происходило с большинством ребят, когда она упоминала «девочек-мотыльков». Годы печали не прошли просто так. Ребята всегда

напрягались, смотрели на нее по-доброму, но отстраненно. Вот почему она так быстро сошлась с Томми. Он реагировал иначе.

– Если мне удастся выяснить, кто передал тебе письмо, тогда станет понятно, подлинное ли оно...

– Ясно. Ну, я никому не расскажу, – заверил он. – Вчера мы ездили в Британский музей. Знакомились со всем, смотрели на старые рукописи. Все шло хорошо...

– И? – спросила Мэнди.

– В общем, во время ланча мы с ребятами вышли прогуляться, и я увидел припаркованную на тротуаре машину. Это была машина, не фургон, а на заднем окне надпись курсивом. Что-то связанное с тортами. Я записал.

Джон достал что-то из кармана брюк – клочок газеты, оторванный уголок страницы. По краю шла надпись. Он зачитал вслух:

– «Парижская кондитерская». Мы доставляем до двери». Тут еще номер телефона.

Мэнди ничего не ответила, не понимая, к чему он ведет.

– Как только я увидел машину с надписью, она показалось мне знакомой. А затем я вспомнил. То же самое было написано на машине, в которую садилась та девушка. Что передала тебе письмо. Я отметил слово «кондитерская».

– Ты снова видел девушку?

– Нет, машина была пустой. Может, они что-то доставляли. Не знаю. Но я подумал, надо рассказать тебе. Можно легко найти магазин в Интернете.

– Да, – согласилась Мэнди.

– Тогда ты сможешь поехать туда и поспрашивать. Посмотришь, кто там работает. Если это правильное место, то найдешь ее. Хочешь, я поеду с тобой? Я могу поддержать, если боишься идти сама.

Мэнди удивилась. Второй раз за день ей предложили своего рода дружбу. И она ее отвергнет. Она не собиралась брать с собой компанию на поиски Петры, но не хотела показаться неблагодарной.

– Может быть. Или лучше после того, как я все проверю, мы выпьем кофе. Так я выражу тебе свою благодарность.

Джон кивнул.

– Напиши позже.

Он взял со столика телефон, поднял рюкзак и ушел. Мэнди осталась сидеть, глядя на клочок газеты в руке. «Парижская кондитерская». Больше не придется ждать, когда Петра с ней свяжется.

Глава 23

«Парижская кондитерская» оказалась не магазином, а пекарней, расположенной в Кентиш-Таун. Мэнди легко отыскала ее сайт и прочитала, какие услуги они предлагают. «Мы доставляем кондитерские изделия по всему Северному Лондону и для любых мероприятий. Регулярно привозим в офисы, кафе и конференц-центры. Также предлагаем изделия премиум-класса для особых событий: свадеб, вечеринок, дней рождений и корпоративов. Заказ можно оставить на нашем сайте или по телефону». На сайте выставлялись фотографии широкого ассортимента выпечки и тортов вместе с ценами и описанием. Еще фотографии с улыбающимися поварами, с фургоном и машиной, даже мопедом, похожим на те, которыми пользуются доставщики пиццы. Курсивный логотип располагался на фургоне и мопеде сбоку, но на машине – на заднем окне, как и говорил Джон Уоллис.

Мэнди вбила индекс в гугл-карту. Она показала почти заброшенную дорогу в паре кварталов от станции метро Кентиш-Таун. Мэнди поедет туда завтра вместо уроков. Она не знала, что станет делать, добравшись до места, но хотя бы посмотрит, где расположена пекарня и есть ли там девушка с рыжими волосами, которую она посчитала (почти со стопроцентной вероятностью) Петрой.

Она услышала внизу трезвон звонка.

– Я открою, – крикнула мама.

Мэнди сложила книги в стопку и задумалась о Джоне Уоллисе и его предложении поехать с ней. Ее это тронуло. Она знала, что давненько нравилась ему. Он жил примерно в десяти домах от нее, но, когда она была в младших классах, по большому счету ее игнорировал. Мальчишка не хотел водиться с девчонкой помладше. Когда она сдала экзамены в средней школе, он изменился и стал дружелюбным, иногда присоединялся к ней по дороге домой. Рассказал, каково быть старшеклассником, и предложил тусоваться с ним и его друзьями. Мэнди это польстило, и она могла бы принять его предложение, если бы не Томми, который ворвался в школу и увлек ее в свою компанию. Джон Уоллис был общительным и открытым, но людей в Томми притягивала какая-то искорка. Хотя она действовала не на всех. На тех, кто экстраординарно выделялся своей одеждой и личностью, с подозрением смотрела длинная череда выпускников, которым нравились футбольные команды, музыка и видеоигры. Такие, как Джон, *не понимали* людей вроде Томми. Томми проявлял интерес к книгам,

искусству и фильмам. Ему нравилось спорить о политике и философии, и он гордился своей странной одеждой.

Томми был уникальным.

Мэнди присела на край кровати и почувствовала слабость. Ей нужен был Томми. Не Джон Уоллис. Не Люси (какой бы ни была ее фамилия). Но Мэнди не для него. Он предпочитал типичных девчонок.

Она услышала шаги на лестнице, а потом дверь в ее комнату слегка приоткрылась. Заглянула мама.

– Пришла Элисон. Я готовлю чай. Спустись поздороваться.

Мэнди вздохнула.

– У меня куча заданий...

Мама окинула комнату взглядом. Сумка валялась на полу, школьные вещи еще не разобраны. Но ноутбук был открыт на сайте «Парижской кондитерской». Мэнди с виноватым видом закрыла его.

– Мне кажется, ты просто торчишь в Фейсбуке. Спустись всего на пять минут. Ты не видела Элисон с тех пор, как она вернулась из Франции. Пожалуйста! Ты же знаешь, как ей нравится с тобой разговаривать!

Мэнди кивнула, и мама пошла вниз. Она раздраженно закрыла глаза. Зачем ей всегда присутствовать, когда приходила Элисон? Она устала разыгрывать перед ней веселушку, тем более что сейчас ее голова занята другим. Как она могла смотреть на Элисон, когда в ее мыслях Петра? Она так и представила, как женщина внимательно смотрит на нее и считывает ее мысли.

Встречи с Элисон всегда походили на тяжелое испытание, и она устала наблюдать за ее страданиями. Поездка во Францию ни к чему не привела. Девочка из гаража оказалась не Тиной, а обычной туристкой, которая ненадолго задержалась в той местности. Элисон провела там пять дней. Связалась с полицией, и те проверили другие сайты. Она дала интервью на французском телевидении, а еще встретилась с группами поддержки родителей пропавших детей. Вернувшись, она побеседовала с одной из утренних программ новостей. Она казалась спокойной и четко выражала свои мысли: «Мы должны следовать за каждой ниточкой, неважно, насколько она тонкая». Мэнди немного посмотрела, а потом переключила канал. Элисон накрасила губы темной помадой, которая отлично гармонировала с ее бледной кожей. Она выглядела первоклассно и уверенно, но Мэнди показалось, что ее рука дрожала, когда она жестикулировала, излагая свою точку зрения, словно все эмоции подкатили к кончикам пальцев.

Где Тина? Должно быть, Элисон задавала себе этот вопрос каждый час

каждого дня.

Мэнди тоже задавала себе этот вопрос. *Где Тина?* Если Петра работала в пекарне в Кентиш-Таун, *тогда где Тина?*

Она услышала, как ее зовет мама. И подошла к двери.

– Мэнди! Чай готов. Спускайся.

Мэнди не ответила. А затем услышала другой голос.

– Выходи. Я расскажу тебе о своей поездке во Францию! – крикнула Элисон.

Она вздохнула и пошла вниз.

Мэнди нашла пекарню спустя десять минут после того, как следующим утром добралась до Кентиш-Тауна. Она прошла по оживленной дороге, затем свернула в переулок, который заканчивался магазинами и домами. Напротив располагался склад с высоким проволочным забором. Сбоку от него стояло кирпичное здание, которое, похоже, когда-то было начальной школой. На нем висела большая табличка с различными названиями компаний, и внизу Мэнди увидела надпись – «Парижская кондитерская». Пекарня находилась за железными воротами, рядом с которыми висел домофон. Внутри, на месте прежней игровой площадки, Мэнди увидела несколько припаркованных транспортных средств – среди них фургон и машина «Парижской кондитерской». Пока она стояла там, из входной двери вышли мужчины в белых брюках и футболках и устроили перекур. Интересно, они работали в пекарне или в другой компании, арендующей помещение?

Она отвернулась от здания и задумалась, что делать дальше. Через дорогу располагалось кафе. Она пошла к нему. Решила посидеть там и подумать о дальнейших действиях. Через пять минут она расположилась у окна с чашкой черного кофе и смотрела на вход прежней начальной школы.

Возможно, придется просидеть здесь весь день.

Не было гарантий, что Петра придет на работу или выйдет из здания. Может, у нее выходной. Или она вовсе сегодня не здесь. Если она доставляла выпечку, ее могли забирать из дома, а потом объезжать офисы и магазины. Может, она вообще никогда не приходила в это здание. Мэнди могла проторчать тут целую неделю и не увидеть ее.

Если это вообще была Петра. Глупая идея – приехать сюда.

И вот через пять минут, не успев кофе Мэнди остыть достаточно для того, чтобы можно было сделать глоток, из здания вышла девушка с рыжими волосами и направилась к железным воротам. Мэнди смотрела на нее, не веря своим глазам. Девушка была одета в короткую зеленую

стеганую куртку и джинсы. Блестящие и прямые волосы с косым пробором лежали на ее плечах. Они были коричневато-красного оттенка. Девушка секунду постояла у ворот, а потом, когда открылась дверь, вышла на улицу. Мэнди подскочила, взяла сумку и оставила кофе на столе. Она приостановилась в дверях кафе, чтобы дать девушке с рыжими волосами (Петре?) пройти вперед. И как только та свернула на оживленную улицу, Мэнди направилась за ней. Она держалась чуть позади. Зеленая куртка выделялась из толпы, ее легко можно было заметить издали. Мэнди надеялась, что девушка не сядет в автобус или не спустится в метро. Через некоторое время она остановилась и вошла в магазин. Мэнди притормозила, рассматривая висевшие на стене постеры. Кинула взгляд на магазин, в который заскочила девушка. Та вышла оттуда с чем-то похожим на большую упаковку молока. Мэнди продолжила идти за ней. Вскоре та свернула с улицы на проулок между двумя возвышающимися домами. Мэнди замедлилась, ощущая волнение. Она жила здесь? Ее было так легко найти?

Девушка вошла в сад перед домом, после чего постучалась в дверь. Мэнди слышала глухие удары дверного молотка. Хлопнула дверь. Мэнди перешла дорогу и оказалась напротив дома. Номер тридцать четыре. В саду стояла табличка о его продаже, и дом выглядел слегка обветшалым.

И что теперь делать?

Мэнди чуть прошла вперед, теряя уверенность с каждым шагом. Тот ли это человек? Она видела знакомое лицо в луче света от фонарика. Позвала ее по имени, а потом через Джона Уоллиса получила открытку. Конечно, это Петра. Что ей сказать? «Где ты была все эти пять лет? Где Тина?»

Внутри разрослось другое чувство. Она возненавидела себя за эти мысли. Петра так и не стала ее подругой. Всегда держалась особняком в их троице, иногда практически не скрывая свое презрение к Мэнди. Разве *сейчас* она не сделала то же самое? Девушка видела ее, и Петра сказала, что свяжется с ней. Но не связалась. Вероятно, как и пять лет назад, не хотела, чтобы Мэнди была в ее жизни.

Мэнди коснулась запястья, но не нашла там браслета. Ей здесь не место. В голове вдруг всплыла Элисон Пойнтер. Она сделала бы что угодно, чтобы найти Тину, и возможно, то же можно сказать о Петре. А Петра была ключом к местонахождению Тины, если та все еще жива. Теперь у Мэнди был адрес, и она, вероятно, должна все рассказать психологу или хотя бы пойти в полицию. Пусть зададут пару-тройку вопросов девушке с рыжими волосами.

Открылась дверь дома, и на улицу вышли двое мужчин. Они громко

разговаривали на иностранном языке, один из них смеялся и хлопал другого по спине. Они пошли дальше по улице.

Мэнди не знала, что делать.

Она вспомнила своего психотерапевта, Дебби. Та в последнюю их встречу сказала, что одна из причин ее подавленности – неразрешенная обида на то, что Петра ее отвергла. Именно это мешало ей подойти к дому, поднять дверной молоток и позвать ее? Мэнди привалилась к садовой ограде. Она утратила веру. Дала слабину. Она представила, как Петра открывает дверь и вздыхает. «Опять ты! – может сказать она. – Не можешь уже завести своих друзей? Всегда нужно ошиваться около меня?»

Наверное, и Томми так о ней думал. Возможно, считал ее слишком приставучей и поэтому переключился на Лиэнн. Мэнди всегда будет жить с этой проблемой? Всегда будет остро нуждаться в людях?

В нижнем окне дома показалось лицо. Не девушки с рыжими волосами, а какой-то женщины. Она смотрела на Мэнди, даже не пытаясь спрятаться за занавеской. Открыто смотрела на нее, более того, сверлила взглядом, будто злилась.

Мэнди перешла дорогу. Через считанные секунды она стояла у входной двери и, подняв молоток, с грохотом его опустила. Дверь открылась, на пороге стояла та же женщина. Она была невысокой, волосы перевязаны на макушке. Незнакомка заняла оборонительную позицию: плечи расправлены, шея вытянута, на лице возмущение, она была готова к скандалу.

– Я хочу поговорить с Петрой, – сказала Мэнди.

– С кем? – переспросила женщина и качнула головой, будто Мэнди сказала, что хочет поговорить с Дедом Морозом.

– Я знаю, что она здесь. Мне нужно с ней поговорить. С Петрой Армстронг.

– Вы ошиблись адресом! – с акцентом воскликнула женщина, ее слова отдавались в ушах тяжелым гулом.

– Я знаю, что она здесь. Видела ее. Она отправила мне открытку. Мне нужно с ней поговорить, иначе я пойду в полицию!

– Здесь нет никого с таким именем. Никого. В доме полно поляков. Мы не знаем Петру.

– Ладно, тогда я звоню в полицию.

Мэнди достала из кармана телефон. Она отчаялась и понятия не имела, что делала, но нажала девятку, после еще одну. Не успела нажать еще раз, как из глубин дома раздался голос:

– Все нормально. Я с ней поговорю.

Женщина повернулась. Там, в конце коридора, была Петра.

Глава 24

Мэнди стояла на пороге. Петра направилась к ней по коридору. Мэнди затаила дыхание, ее взгляд скользил вверх-вниз по девушке, которую она когда-то знала. Она была высокой, худенькой и с рыжими волосами, зачесанными на одну сторону. Одета в узкие джинсы, кеды и мешковатую кофту. На запястье несколько браслетов, на шее цепочка с крестиком. Она выглядела взрослой, но в ее чертах лица Мэнди видела ту самую девочку. Подойдя к входной двери, она скривила губы, и Мэнди словно вернулась в прошлое.

Петра заговорила с женщиной на другом языке. Та пожала плечами. Девушка приобняла ее за плечи и тихо сказала: «Będzie wszystko w porządku»^[1]. Женщина разразилась длинной тирадой, а Петра слушала и кивала, временами бросая взгляд на Мэнди. Женщина все говорила. Петра что-то прошептала и показала гостье палец, как бы прося подождать минутку.

В этот момент Мэнди заметила ее ногти. Выкрашенные в серебристый цвет, длинные, изящно изогнутые, как бусины, из которых плетут браслеты. Затем посмотрела на свои обгрызенные ногти и сложила руки на груди, чтоб их спрятать. Женщина замолчала и зло посмотрела на Мэнди. Затем развернулась и поплелась к лестнице. Петра дождалась, когда она поднимется, и только тогда заговорила.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она. – Как узнала, где я живу?

– Привет, – ответила Мэнди, проигнорировав вопрос.

Петра с подозрением посмотрела на нее, будто ее только что посетила какая-то мысль. Вышла за порог и окинула взглядом улицу.

– Ты никого с собой не привела?

– А кого я должна была привести?

– Policja, – сказала Петра. – Полицию.

– Ты просила никому не говорить, и я молчала. Ты обещала, что свяжешься со мной, и не связалась. Я никого не привела, но, если ты не расскажешь мне, что тогда произошло, я отправлюсь прямиком в полицию.

Взгляд Петры сканировал дорогу за спиной Мэнди.

– Я не вру. И до сих пор говорила только правду. Это ты соврала.

Петра прислонилась к перилам. Напряжение ее отпустило.

– Я собиралась с тобой связаться. Если бы ты сегодня не появилась здесь, я бы написала тебе и передала письмо в школе. Все некогда было. У меня много работы.

– Где ты была, Петра? – прошипела Мэнди. – Вся страна тебя ищет. Твой папа...

– Тебе нужно объяснение. Но в этом доме полно людей...

В этот момент открылась дверь на кухню, молодой парень высунул голову и позвал кого-то по имени. Петра что-то сказала ему на другом языке, и дверь закрылась.

– Ты сменила имя.

– Разумеется.

Снова это презрение. Взгляд девушки сместился в сторону, словно она делилась с кем-то, насколько гостя тупая. С таким же успехом она могла сказать: «Прикинь!» Мэнди внимательно посмотрела на нее: челюсть напряглась, черты лица заострились от злости. Петра тут же закрыла глаза и прошептала: «Przepraszam». А затем сказала:

– Извини.

Протянула руку и коснулась рукава пальто Мэнди.

– Я расскажу тебе, но не здесь. Чуть дальше по дороге есть парк. Ты иди, я буду через пять минут.

– Я никуда не пойду.

Петра стояла неподвижно, но в ее голове явно крутились мысли – уголки рта подергивались, глаза бегали туда-сюда.

– Я была к тебе несправедлива, – наконец сказала она, взяв себя в руки. – Захватчу куртку, и вместе пойдём в парк. Там мы сможем поговорить.

Она вернулась в дом и поднялась наверх, куда ушла женщина. Состоялся быстрый разговор, Мэнди слышала перебивающие друг друга голоса. Затем Петра вернулась в зеленой стеганой куртке. Она не стала ее застегивать, и полы куртки разлетались при каждом движении.

Мэнди последовала за ней по улице, Петра шла впереди на пару шагов. Мэнди не могла поверить, что эта девушка была здесь; она словно воскресла из мертвых. Дойдя до парка, она направилась к скамье.

– Где ты была? – перешла она сразу к сути, как только уселась.

Парк казался сырым и коричневым, к скамье слетелась куча листьев. Некоторые из деревьев обнажились, клумбы засадили анютиными глазками. Детская площадка стояла пустой, за исключением девушки с коляской. Мимо них на скутере проехала женщина, рядом с ней бежала собака.

– Я все объясню, – начала Петра. – Но сначала скажи, ты видела моего папу?

Мэнди кивнула, вспомнив Джейсона Армстронга на сносе дома.

– Как он?

– Не очень.

Мэнди вцепилась в край скамьи и почувствовала, как под пальцами крошится дерево. Почему Петра просто не могла все рассказать?

– Что случилось,? В тот вечер? Когда вы вошли в дом?

– Все просто. Мы с Тиной вошли. Ты знала это. Была там. И спрятались на кухне. Там было темно, а дверь в гостиную – приоткрыта, так что мы смогли заглянуть внутрь. Мистер Мерчант – тот старик – сидел в кресле. Тина нервничала. Ей не хотелось идти. Она сделала это из преданности мне.

Это правда.

– Мы пробыли там всего пару минут. Тина вся издергалась. Я чувствовала напряжение в ее руке, беднягу будто парализовало от страха. Она сказала: «Мне нужно уйти». Поэтому я отпустила ее и слегка подтолкнула к двери. Тине словно нужно было мое разрешение, чтобы сбежать, и я дала его ей. И она ушла. Оставила меня там. Я немного обиделась. Как только она ушла, мне не было смысла оставаться. Я подождала еще с минуту. Подумывала осмотреться, но не стала. Было темно, а одной это делать страшно. Поэтому я тоже ушла. Тины нигде не было, и я пошла домой.

– Того старика убили.

– Я *знаю*. Читала об этом в Интернете. Мистер Мерчант... – она замолчала, – был жив, когда я уходила.

– А Тина...

– Я думала, она пошла домой или, может, к тебе.

Могло ли все быть так просто? Они обе вышли из дома по отдельности?

– Я целых пять лет винила себя за то, что никому не сказала о вашем походе в дом. А теперь ты говоришь, что никто из вас там не остался?

– Тут нет твоей вины.

– Но если бы я все сразу рассказала полиции...

– То ничего бы не изменилось. Тина вышла из дома, и я тоже. С ней произошло что-то снаружи, на улице, по пути домой или к тебе. На самом деле, именно там полиция и начала поиски – на улицах. Тебе не в чем себя винить.

Мэнди заерзала. Это никогда не приходило ей в голову. Что бы она ни сделала тем вечером, ничего бы не изменилось.

– Ты же никогда не видела моего папу? – вдруг спросила Петра.

– Видела пару раз.

– У него были проблемы с управлением гневом. Когда он раздражался

или расстраивался, то кого-нибудь бил. Мою бабушку, своих подружек и меня. Может, даже маму, когда она была жива. Социальные службы об этом знали. Они тщательно следили за тем, чтобы он не пил. Мне с ним было нетрудно. *Я хотела* жить с ним. Он проявлял агрессию, только когда напивался. Но после всегда извинялся. Социальные службы заключили с ним своего рода договоренность. Он ходил к психотерапевту, не пил и обещал меня не трогать. Как правило, ему это удавалось. А если он причинял мне боль, я прикрывала его и никому не говорила. Как я могла сказать? Иначе меня бы отдали на попечение государству, а я этого не хотела. *Я справилась*. Я была достаточно счастлива. После смерти бабушки мало что имело для меня значение. Ну, кроме Тины. Тина была мне как сестра. В тот день, в тот четверг, папа был в запое. Он очень рассердился на меня тем утром и ударил. У меня остались синяки по всей руке и на ребрах. Ты не видела, потому что я их скрывала.

Мэнди молчала. Петра всегда что-то *скрывала*.

– Тина тоже их не видела, но знала, что у меня тяжелые времена. Тем вечером, выйдя из дома мистера Мерчанта, я пошла домой. Папа спал на диване, на полу перед ним в ряд стояли пивные банки, а на кухне – полупустая бутылка водки. Я чувствовала себя ужасно и не могла ждать всю ночь, когда он проснется и снова начнет строить из себя святошу. Поэтому ушла и осталась у его бывшей девушки. Сказала ей, что он не против. Мы посмотрели телевизор, легли спать и проснулись поздно. А затем увидели новости и поняли, что произошло.

– Почему ты не вышла на связь?

– Потому что знала: это конец. Я вся была в синяках и отсутствовала целую ночь. Меня бы отправили в приют.

– Ты пять лет скрывалась, чтобы избежать этого?

– Я не собиралась скрываться вечно. Я... *мы* жили с этим изо дня в день. Я думала, синяки сойдут. У меня даже возникла безумная мысль, что можно через пару дней пойти в полицию и сказать, что потеряла память.

– А как же его девушка? Она бы точно заставила тебя пойти в полицию.

– Она знала, каким мог быть папа. Она заботилась обо мне и так или иначе планировала вернуться в Польшу, чтобы не быть частью этого. А еще я беспокоилась за Тину. Думала, если пойду в полицию, тогда история станет еще запутанней. Будут думать обо мне, когда надо о ней. Я понятия не имела, что с ней случилось, а в голову лезли страшные мысли. Эти несколько дней были ужасными.

– Но ты не вернулась...

Петра покачала головой.

– Ты поехала с папиной бывшей девушкой в Польшу?

Петра сжала губы.

– Больше я ничего не могу сказать. Не хочу, чтобы у кого-то еще возникли неприятности. Она заботилась обо мне. Я приняла решение, что хочу жить с ней, а не с папой. Шли дни, объяснения того, что произошло с Тиной, так и не нашли, и я поняла: если вернусь, мне придется жить либо с отцом, либо в приюте, и в обоих случаях я буду без Тины. Мне показалось, что моя старая жизнь закончилась. Петра Армстронг пропала, и я начала все с чистого листа.

Мэнди не знала, что сказать. Нельзя просто так принять решение оставить прошлое. *Просто нельзя.*

– Звучит неправдоподобно.

– Ничего не могу с этим поделать. Это правда. У меня хорошая жизнь. Я живу с тем, кто любит меня. Мы как сестры.

– Но ты вернулась.

– Ненадолго. Нам нужна была работа. Деньги – это хорошо.

– Ты не боялась, что тебя узнают?

– Я выросла. Прошло пять лет. В любом случае, в Лондоне восемь миллионов жителей. Вряд ли я столкнулась бы с папой.

– Ты поехала к дому. И столкнулась со мной.

– Так и есть. Я не ожидала увидеть там кого-то в пять утра.

Мэнди смутилась. Странно оказаться на улице в такой час. Она не могла объяснить, зачем пошла туда.

– Я удивилась, что дома больше нет. И впала в шок, когда ты неожиданно вышла из тени.

Раздался гудок машины. Мэнди посмотрела на вход в парк. У ворот стояла машина. А рядом – женщина, которая открыла ей дверь. Она была в длинном пальто, руки воинственно скрещены на груди. Петра поднялась и затеребила молнию куртки, пытаясь ее застегнуть. Сделала пару шагов. Мэнди тоже встала и, догнав ее, взяла за руку, чтобы остановить.

– Ты уходишь?

– Да.

– Прямо сейчас? В эту минуту?

– Я не могу рисковать...

– Думаешь, я расскажу полиции?

– А расскажешь?

– Не знаю.

– Мэнди, я просто не могу рисковать.

Девушка посмотрела на женщину и на машину. И представила спешно

упакованные чемоданы в багажнике. Наверное, именно это Петра сказала ей на польском. «Пакуй чемоданы, мы уезжаем», потому что Мэнди нельзя доверять.

– Я никогда тебе не нравилась, да? – спросила она.

Петра вздохнула.

– Не особо. Но могла бы...

– Я была одинокой. Нуждалась в друзьях.

– Поэтому влезла в нашу компанию, – произнесла Петра с ноткой злости в голосе. – Тина была для меня всем, а ты увела ее.

– Ты всегда была для нее на первом месте.

– Возможно, – уже мягче сказала она. – За те недели ты много времени провела с ней. Она говорила о тебе. Я знала, что ты ей нравилась.

Машина снова загудела. Женщина что-то крикнула.

– Как думаешь, что случилось с нашей подругой? – спросила Мэнди.

– Наверное, ее кто-то увез. Я не думаю, что она жива.

Глаза Петры остекленели. Мэнди притянула ее к себе. Неуклюже обняла, а потом, отпустив, отступила.

– Мне пора. Прощай. Пожалуйста, никому не рассказывай обо мне.

Мэнди смотрела, как Петра подошла к женщине. Та встала на цыпочки и обняла ее. Они сели в машину и через минуту уехали.

Мэнди достала открытку из кармана и подумала о «Красных розах». Она стала бы хорошим членом группы. Петра ошибалась.

Часть четвертая

Прошлое

Петра

Глава 25

Когда Петра закрыла калитку дома пятьдесят три, ее сердце бешено колотилось. Тина стояла совсем рядом и потирала руки от холода. Петра повернулась к заросшей тропинке возле дома. В темноте казалось, будто она уходила вдаль, как тоннель. Девочка пошла вперед, стараясь не выдавать своих сомнений. Что-то пробежало перед ними по тропинке, и Тина схватила ее за руку.

– Это всего лишь мышь, – сказала Петра.

Хотя шуму та издавала много – может, крыса? Девочка потопала ногами, надеясь спугнуть грызуна.

– Что ты делаешь? – спросила Тина.

– Ничего.

– Это жутко.

– Знаю. Но возвращаться нельзя. Мы же сказали Мэнди, что войдем.

Днем сад выглядел заросшим, но живым. Сейчас же казалось, что кусты слились в одну огромную фигуру, маячившую над ними. Было тихо, уличные звуки заглушались калиткой. Они словно находились посреди леса. Петра дошла до угла дома. Тина не отставала. Перед ними раскинулся задний сад, таинственный и затуманенный. Большие деревья, которые запомнила Петра, возвышались над всем остальным. Где-то в центре сада висели старые качели, но их нельзя было разглядеть.

Они направились к задней двери, Тина держалась поближе к стене.

– Мне нужно найти ключ, – сказала Петра.

И начала прощупывать стену справа от двери. Плющ был густым и плотным. Она попыталась представить то место, где видела ключ, когда они в прошлый раз вошли в сад. Рука погрузилась в колючую листву, ощущая неприятную остроту. Через несколько секунд девочка наткнулась на крючок. На нем висел ключ. Она сняла его и, нащупав замок, как можно тише открыла заднюю дверь дома.

– Идем! – прошептала она.

– Что-то мне не хочется. Там могут быть привидения.

Петра вздохнула. Повернулась и, вплотную подойдя к Тине, прижалась губами к ее уху.

– Там нет привидений. Ты должна мне поверить. Но я знаю, что старика, который здесь живет, хотят ограбить. Вот почему я иду туда – предупредить его. Там никогда не было привидений.

– Ох.

– Мы можем войти и выйти, это не займет больше пяти минут. Скажем, чтобы позвонил в полицию. Он не будет знать, кто мы, но сможет сберечь свои деньги.

И это не даст папе совершить преступление.

Она взяла Тину за руку. Нужно войти сейчас, пока она не потеряла самообладание. Петра вошла, таща за собой Тину. Они оказались на кухне. Ее глаза привыкли к темноте, и она разглядела огромную комнату с большим столом посередине. Кругом стояли шкафы, а у окна – раковина. Дверь в коридор была приоткрыта, и оттуда падал тусклый свет. Она осмотрелась и увидела застывшее лицо Тины, ее губы превратились в прямую линию. Она сжала руку и шагнула вперед.

Раздался какой-то шум. Удар. Глухой и тихий, будто кто-то ударил в подушку. Она почувствовала, как Тина сжала ее руку. А затем раздался грохот, словно что-то упало с высоты. Подруга вырвала руку из ее ладони. Не говоря ни слова, она отступала, пока не оказалась у двери в сад. Застыла на мгновение и посмотрела на Петру, на лице отразилась обеспокоенность. Она быстро замотала головой и развернулась. Через секунду на пороге стало пусто, Тина ушла. Петра осталась одна. Она ощутила слабость, голова закружилась. Ей хотелось убежать вслед за Тиной, но она пришла сюда не просто так, нужно было выполнить задуманное. Может, это шумел старик – ронял вещи?

Она на дрожащих ногах двинулась вперед и вышла в коридор. Увидела перед собой лестницу. Слева от нее была приоткрыта дверь в гостиную, из которой лился свет. Царила полнейшая тишина. Петра на цыпочках прошла по освещенному полу к темной лестнице у входной двери. Возле нее стояла вешалка с куртками. Она проскользнула в узкое пространство между вешалкой и входной дверью. Теперь она могла видеть гостиную через щель приоткрытой двери, но не более того. Девочка посмотрела на темную лестницу. Вот сейчас переведет дыхание, а потом пойдет дальше и встретится с мистером Мерчантом.

В гостиной вдруг что-то мелькнуло. Похоже, по комнате кто-то ходил. А потом раздались шаги.

Мистер Мерчант был не один.

Она стояла неподвижно и тихо, едва дыша. Послышался голос:

– Мы просто хотим забрать то, что нам причитается! Вот и все. Почему ты молчишь? Это даже не твои деньги, старик. Они принадлежат другому человеку.

Еще один голос что-то пробормотал, но Петра не расслышала что. Снова шаги. Там находилось несколько человек. Кто-то подошел к двери.

Открыл ее полностью, и свет озарил коридор и лестницу. У нее перехватило дыхание. Мужчина стоял к ней спиной. Она спряталась за пальто и скрыла им свое тело и лицо. Вещица покрылась пылью и пахла затхлостью. Петра закрыла глаза и услышала разговор.

– Сколько еще его можно спрашивать? Мистер Константин хочет свои деньги сейчас же! Где они?

Раздался ответ от еще одного человека в комнате. Петра открыла глаза и выглянула из-за пальто. Она сразу узнала голос. Это был ее папа. В груди все сжалось. Она понимала, что он в этом замешан, но не хотела видеть его здесь. Если бы только она могла ускользнуть отсюда, убраться подальше. Слишком поздно помогать мистеру Мерчанту. Ограбление шло полным ходом, а она застряла за куртками. В этот момент первый мужчина повернулся, достал из кармана телефон и нажал пару кнопок. Она испугалась. Его лицо скрывалось под маской. Были видны лишь глаза и рот. Ей стало дурно. Все внезапно приобрело опасный окрас. Послушав секунду чей-то голос, мужчина сказал:

– Да, я знаю. Да... Знаю...

Затем он вернулся в гостиную.

И тут она увидела мистера Мерчанта. Старик был привязан к стулу. Грудь и руки закреплены ремнем, а ноги – полосками ткани. Он выглядел слабым, голова повисла на плече. На теле рубашка и галстук, как и в тот день, когда он помахал ей в окно. Ворот казался узким, и кожа собралась над ним. Он был словно сбит с толку, будто не понимал, что происходит. Папа стоял рядом с ним. Его лицо тоже скрывалось под маской, но она узнает его где угодно. Старик смотрел то на него, то на другого мужчину.

Петре хотелось закричать, но горло сдавило.

Мужчина с телефоном что-то сказал, и папа то ли вздохнул, то ли пожал плечами. Затем присел на колени возле старика и заговорил ему прямо в ухо. Петра не слышала слов, но видела, что он положил одну руку на грудь старика, будто собирался похлопать по ней. Петра отвернулась. В воздухе витало что-то ужасное. Входная дверь находилась совсем рядом. Что, если открыть ее, выбежать и позвать на помощь? Но потом она заметила, что дверь закреплена болтами сверху и снизу, так что ничего не получится.

Голос папы стал громче, злее.

Она могла помчаться по коридору и выбежать через кухню. Но было слишком светло. Ее заметят, она не успеет далеко убежать. Папа разозлится. Она снова посмотрела на гостиную и увидела, что рука отца передвинулась к горлу старика. Ей поплохело, казалось, она вот-вот осядет

на пол. Заговорил другой мужчина:

– Просто скажи нам, где они! Открой рот и произнеси слова. Это всего лишь деньги! К тому же не твои! Иначе нам придется причинить тебе боль. Ты же этого не хочешь?

Голова мистера Мерчанта повисла. Ее папа громко выругался. Затем схватил стул за ручки и отпихнул от себя. Петра с ужасом смотрела, как стул упал, увлекая за собой мистера Мерчанта. Грохнулся набок вместе с привязанным к нему стариком. Его лицо смотрело в другую сторону, но и без того было ясно, что голова привалилась к полу. Ее нога дернулась, Петра уже видела, как выходит из своего убежища, подлетает и помогает ему – дает о себе знать, чтобы папа остановился.

Но на самом же деле не могла сдвинуться с места.

Папа обошел стул и достал из кармана полоску ткани. Присел на корточки и завязал старику рот. Затем поднялся и пнул стул, отчего тот перевернулся. Мистер Мерчант замычал, но Петра больше не могла смотреть. Она выскользнула из-за одежды, обогнула полоску света из гостиной и побежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, пока не преодолела три четверти пути, и не оказалась вне поля зрения. Она забилась к перилам, обхватив колени руками и выглядывая в зазор. Услышала удары и скрежет. И прижала пальцы к глазам, потому что не хотела представлять, как по комнате тащат стул. Раздались крики и тяжелые удары. Она съежилась в углу лестницы. Ее трясло от страха, руки дрожали перед лицом.

А затем все прекратилось, наступила тишина.

Заговорил мужчина. Петра не хотела это слышать, заткнула уши, но не помогло.

– И зачем ты это сделал? Теперь мы никогда не найдем деньги.

– Ты сказал, чтобы все выглядело натурально. Что нужно его напугать.

– Но я не говорил убивать! Мертвый он нам ничем не поможет.

Кто-то выругался. Папа что-то невнятно пробормотал, будто находился в дальнем конце комнаты.

– Ладно, давай разгромим это место. Может, сами найдем.

– Нет, нет... Давай сваливать...

В дверях появился мужчина и прошел по коридору прямо под тем местом, где сидела Петра. Затем вышел папа. Он снял маску, и она увидела его лицо. Он выглядел вспотевшим и взволнованным, как человек, которого она не знала. Папа прошел по коридору. Она услышала шаги на кухне, а потом хлопнула задняя дверь. Удостоверившись, что они ушли, она встала и спустилась по лестнице. Подошла к двери в гостиную и

ахнула, когда увидела, что мистер Мерчант лежит под опрокинутым стулом, его голова повернута под странным углом.

Это сделал папа.

Она заметила кровь и отвернулась, не желая на это смотреть. Окинула взглядом комнату больного старика. Вдоль стены располагалась кровать, а рядом с ней баллон с кислородом, к которому прицеплены трубки и маска. Напротив камина и телевизора стояло красное бархатное кресло, о котором говорил Натан Болл. За ним оторвана от стены деревянная панель. Девочка стыдливо опустила голову. Приди она пораньше, когда впервые увидела здесь Натана Болла, успела бы предупредить мистера Мерчанта. Он бы позвонил в полицию, и ничего бы этого не произошло. Но она оттянула это до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Раздался шум.

Открылась задняя дверь. Они возвращались.

Петра в панике окинула комнату взглядом. Нельзя, чтобы ее здесь нашли. Она метнулась к красному креслу и спряталась за ним. Раздались спешные шаги по коридору. Папа вернулся в гостиную один. Он что-то бормотал себе под нос. Подошел к телу мистера Мерчанта и присел на корточки.

– Глупый старик, – прошептал он.

Папа проверял, умер ли он? Или ему стало стыдно и он хотел оказать помощь? Она видела, как он возился с ремнем вокруг груди старика. Расстегнул его и потянул. Мистер Мерчант перевернулся. Папа встал и начал просовывать ремень в шлевки джинсов. Так же как делал дома, когда она гладила его рубашку, а он готовился уйти. «Как я выгляжу?» – говорил он. Папа наконец сладил с пряжкой и осмотрелся. Его взгляд остановился на том месте, где она пряталась.

Он заметил ее?

С ее губ сорвался стон.

– Петра?

Он в ужасе уставился на нее. Она сосредоточилась на его лице. Как вид родной дочери мог подействовать на него больше, чем тело мертвого старика? Он буквально застыл. Петра поднялась и медленно двинулась по краю комнаты. Он подошел к ней и протянул руки, словно хотел, чтобы она приняла их.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Ты убил его.

Он покачал головой и подошел ближе. Кинул мимолетный взгляд на дверь, будто не хотел ее туда пускать. Она стояла неподвижно и протянула

руки. Его лицо расслабилось, и он шагнул вперед, но она бросилась на него и так сильно толкнула, что он повалился на пол.

И тогда она выбежала из комнаты.

Глава 26

Петра бежала. Она неслась по Принсесс-стрит. Хватая ртом воздух, свернула за угол и продолжила бежать. Она не осмеливалась остановиться и проверить, последовал ли за ней папа. Она миновала школу, сокрытую темнотой, обежала вокруг нее и оказалась на тропинке, по которой они с Тиной иногда добирались до парка. Она освещалась фонарями, но девочка устремила вглубь и встала за дерево. Отсюда была видна вся улица, и она стала внимательно следить за ней, ожидая увидеть, как мимо пробежит папа, возможно, остановится и попытается ее найти.

Но он не появился. Она ждала вечность.

Затем выступила из убежища и вернулась на улицу. Осмотревшись по сторонам и убедившись, что папы нигде нет, она пошла вперед. Начался дождь, и она ускорила шаг, шагала так быстро, будто ее ждали важные дела. Оставила школу позади и направилась к Холлоуэй-роуд. Все шла и шла, не понимая, куда держит путь. По улице спешили люди, выходили из автобусов и боролись с зонтами. Машины собирались в пробку, их огни освещали дождь. Проходя мимо транспорта, она слышала обрывки музыки или голоса по радио.

Девочка промокла и замерзла. Руки дрожали.

Она остановилась у небольшого фургона с напитками возле метро. Купила горячий шоколад, а потом встала в дверях пустого магазина и медленно попивала его, смакуя каждый глоток обжигающей жидкости. Петра не знала, как здесь оказалась. Понятия не имела, куда шла. Не представляла, что делать дальше. Допив, она направилась к торговому центру «Энджел». Там тепло, и он открыт допоздна. Она могла оставаться там, пока не решит, что делать.

Что делать?

Она застопорилась. Ее папа только что *убил человека*.

От этого воспоминания скрутило желудок, и тошнота подкатила к горлу. Но Петре удалось сдержаться. Ее обошло несколько человек, бросая сердитые взгляды и гневно высказываясь за то, что она их задержала. Но она могла только думать о мистере Мерчанте, который лежал на полу, частично привязанный к стулу. От этой картинке ее разрывало на части. Она вспомнила, как папа расстегнул ремень, связывающий руки и грудь

старика, и спокойно продел его в шлевки.

Что насчет Натана Болла? Его там не было, но он приезжал на белом фургоне. Ждал маячка что они нашли деньги? Подобрал ли он папу и другого мужчину у дома пятьдесят три по Принсесс-стрит, ожидая, что у одного из них в руках будет целый пакет денег? Но вместо этого они сели в фургон убийцами.

Она остановилась и прислонилась к витрине магазина. Стекло было мокрым, и вода пропитала одежду. Но ей было плевать. Лучше уж ощущать дискомфорт, чем размышлять о том, что случилось. Мысли переключились на Тину. По крайней мере, та этого не видела. Она убежала в испуге и, вероятно, в эту минуту сидела дома или у Мэнди, и миссис Кристал над ней суетилась. Потом подруга вернется домой, где ее будет ждать мама. А папа останется далеко в Южном Лондоне вместе со своей визажисткой, но на его руках хотя бы не будет крови.

Придет ли *ее* папа к Тине в поисках дочери?

Петра пошла дальше. До «Энджела» неблизко, но она продолжала свой путь.

В торговом центре было малоллюдно. В воздухе ощущалась какая-то усталость, словно всем хотелось быстрее разделаться с покупками и просто вернуться домой. Петра бесцельно побродила вокруг, притворяясь, что рассматривает витрины, на самом же деле ни на что не обращала внимание. Она все еще видела перед собой мистера Мерчанта, привязанного к стулу в гостиной. Ее папа скрыл лицо за маской, пытаясь убедить старика признаться, где деньги.

Что ей с этим делать? Пойти в полицию?

Из глаз брызнули слезы, дыхание затруднилось. На нее стали оборачиваться. Нужно было выбираться отсюда. Пойти туда, где она сможет посидеть и подумать. Она вышла из торгового центра и поплелась по темным улицам. Потребовалось время, чтобы добраться до Зофии, потому что она лишь единожды ходила к ней из «Энджела». В доме было темно, но через дверное окошко Петра разглядела намек на свет из дальней части коридора. Она нажала на звонок и почувствовала звуковую вибрацию. Мгновением позже в коридоре зажегся свет и зазвучали шаги. Дверь распахнулась – на пороге стояла Зофия с суровым лицом.

– Господи, уже почти десять. Твой папа ищет тебя!

Конечно же папа пошел к Зофии. Он знал, насколько они близки.

Женщина шагнула вперед и выглянула на улицу.

– А твоя подруга? Где она? – спросила Зофия. – Полиция искала вас обеих.

– Полиция?

Полиция? Ее папа позвонил в *полицию*? После того что произошло? Петра затрясла головой. Зофия взяла ее за руку и затащила в дом.

– Я принесу тебе чистое полотенце и дам согреться, затем позвоню папе.

– Нет, нет, нет, *пожалуйста*, Зофия. Не звони папе. Пожалуйста, умоляю, не звони ему. Не хочу, чтобы он знал, где я.

– Ты с ним поругалась?

– Нет. Хуже. Намного хуже... Пожалуйста, не звони ему. Никому не звони.

– Но твоя подруга?

– Не понимаю, о чем ты...

– Иди посмотри...

Зофия потянула ее на кухню. Небольшой телевизор показывал круглосуточный новостной канал. Петру усадили на стул.

– Принесу полотенце, а ты смотри новости.

Диктор рассказывал о войне в одной из стран Ближнего Востока, но Петра смотрела на бегущую новостную строку внизу экрана. Слова «Две двенадцатилетние девочки пропали в Северном Лондоне» заставили ее выпрямиться. Зофия вернулась с большим оранжевым полотенцем и накинула его на плечи Петры.

– Видишь. Это в новостях. Две девочки пропали. Ты и твоя подруга. Фотографии появятся через минуту.

И как раз в этот момент диктор перешел к другим новостям.

– Местонахождение двух двенадцатилетних подруг из Холлоуэй, Северный Лондон, вызывает беспокойство. Две подруги, Кристина Пойнтер и Петра Армстронг, гуляли вместе на каникулах. В последний раз их видели этим вечером в половине шестого возле газетного киоска на Принсесс-стрит. Полиция разослала ориентировки и активно ищет девочек.

На экране появились две фотографии. Школьные, снятые несколько недель назад. Фотопортреты Петры и Тины.

– Не понимаю. Что это? – спросила Петра.

Зофия сидела на стуле рядом с ней.

– Где ты была? Я должна позвонить твоему папе.

– Нет, нет, – запротестовала она. – Я не хочу его видеть. Никогда...

Петра повернулась и обняла Зофию. Уткнулась лицом в ее шею и крепко сжала руки. Она держалась за женщину, желая никогда не отпускать. Зофия погладила ее по голове и попыталась отстраниться.

– Расскажи, что случилось. Сейчас же. Начни сначала.

Петра откинулась на спинку стула и все рассказала.

– Ты будешь спать на моей кровати. У меня есть спальный мешок, – сказала Зофия.

Уже перевалило за полночь. Петра только недавно перестала плакать. Женщина слушала ее рассказ с тревогой, шоком и злостью. Они выключили телевизор, и Зофия сказала, что им пора ложиться спать, а о том, что делать дальше, они подумают утром. Полиция не упоминалась. На лице Зофии застыла серьезность. Она ходила в тапочках и выглядела совсем крохотной. Ее сумки были упакованы и расставлены по всей комнате, она готова вернуться в Польшу. Петра посмотрела на них и ощутила острую боль. Зофия скоро уедет.

– Я не смогу заснуть, – произнесла Петра.

Женщина залезла в одну из коробок и достала диск. Это был пятый сезон «Друзей». В нем Моника и Чендлер сошлись и старались держать это в тайне от других.

– Посмотрим немного, – предложила она.

Вставила диск в проигрыватель, подняла спальный мешок с пола и положила его на кровать возле девочки. Скинула тапочки и села. Петра ощутила ее близость, тяжелый запах духов. Она посмотрела на экран, на Чендлера и Монику, затем снова на Зофию, чье лицо исказилось от беспокойства.

Немного посмотрев сериал, Петра провалилась в сон.

Глава 27

Когда Петра проснулась, на улице уже рассвело. Было больше девяти часов.

Зофии в комнате не оказалось, она убрала с кровати спальный мешок. Петра быстро села и осмотрелась. Хоть она и проспала долго, голова казалась тяжелой, а глаза до сих пор опухшими от пролитых слез. Ее нагнали события прошлого вечера, точно дверь распахнулась в холод. Она почувствовала ком в горле и откинула одеяло, выискивая взглядом одежду. Она вспомнила долгий разговор с Зофией. Сначала та расстроилась, но со временем поуспокоилась. Когда они легли в кровать, чтобы посмотреть сериал, хлопнула входная дверь, и женщина сказала: «Все нормально, просто кто-то вернулся поздно».

Несмотря на то, что живущие в этом доме менялись каждую неделю, Зофия всех их знала. «Этот играет музыку в два часа ночи. Та оставляет посуду в раковине. Третья так и не научилась мыть после себя ванну!» Но Зофия со всеми хорошо общалась. Узнает ли кто-то из них Петру? Может, посмотрят новости и скажут: «Я знаю эту девочку»?

Ее все это беспокоило. Ночью она то погружалась в сон, то просыпалась. Казалось, каждый раз, как она открывала глаза, Зофия не спала. Она сидела на кровати возле нее и смотрела в темноту. Через несколько часов Петра увидела ее у окна: та приподняла занавеску и выглядывала на улицу. Ранним утром, когда еще было темно и часы показывали 5.59, Зофия сидела на краю кровати, упиравшись локтями в колени и опустив голову на руки. Каждый раз Петра хотела что-то сказать, потянуться и утешить ее, но ощущала притяжение сна, веки тяжелели, конечности расслаблялись, мысли уплывали в темноту.

Петра уже оделась и завязывала кроссовки, когда в комнату вошла Зофия. Она несла чашку чая и тарелку с тостом и джемом. Увидев Петру, она улыбнулась и поставила еду на прикроватную тумбочку.

– Выпей чай, поешь, а потом мы обсудим, что делать.

Зофия была одета к выходу и выглядела странно. Черные брюки, белая блузка и неизменные туфли на каблуках; волосы забраны темной заколкой. Она протянула Петре чай, и та посмотрела на ее руку. Ногти не накрашены и обстрижены. Прошлым вечером они были такими же? Она не могла вспомнить. Эта Зофия была другой. Выглядела серьезной, даже строгой, будто вот-вот даст нагоняй.

– Мне нужно повидаться с другом, который с фургоном и отвезет меня

в Польшу. Надо отдать ему деньги. Он живет в нескольких кварталах отсюда. Когда вернусь, мы поговорим и решим, что делать. Ты пока завтракай. Можешь принять душ. Только никого не впускай в дом. Хорошо?

Петра кивнула. Зофия стояла у двери и, казалось, хотела сказать что-то еще.

– Скоро увидимся, – в итоге прошептала она и тихо закрыла за собой дверь.

Петре не хотелось оставаться одной. Она подошла к окну, чтобы выглянуть на улицу. И увидела, как, кутаясь в пальто, уходит Зофия.

Она включила новостной канал. Чашка чая и тарелка с тостом стояли нетронутыми, пока она смотрела ТВ. Новости изменились. Полиция осмотрела пятьдесят третий дом по Принсесс-стрит и обнаружила тело мистера Мерчанта. Должно быть, Мэнди рассказала им, что они пошли в тот дом. Высветились слова «Экстренные новости», внизу ползла новостная строка. «Согласно источникам, две пропавшие девочки, Кристина Пойнтер и Петра Армстронг, вошли в дом Джорджа Мерчанта, бухгалтера на пенсии. После получения ордера на осмотр дома полиция нашла тело пожилого человека, предположительно мистера Мерчанта. Никаких следов девочек не обнаружено. Скоро состоится пресс-конференция, на которой родители девочек публично выступят перед общественностью».

Петра сидела неподвижно, выпрямив спину и вытянув шею. Осветили другие события, и началась пресс-конференция. Появился стол с кучей микрофонов. Слышался фоновый шум, а потом на один из стульев сел офицер полиции. Камера отдалась и показала еще троих людей, занимающих места. Петра увидела Элисон, маму Тины, а рядом с ней Бобби, ее папу.

И тут она заметила своего отца, сидящего за одним из микрофонов и приглаживающего волосы. Она пристально смотрела на экран, игнорируя комментарии полицейского, который общался с прессой. Она сосредоточилась на папе. Он был в рубашке, галстук и пиджаке. Выглядел хорошо. Интересно, сам ли он гладил рубашку этим утром? Ему явно было неловко, взгляд то и дело бегал по залу, пальцы теребили галстук. Элисон и Бобби склонились друг к другу.

И Элисон заговорила в камеру:

– Тина и Петра. Мы хотим, чтобы вы знали: мы не считаем вас провинившимися детьми. Если вы убежали или пошли туда, куда нельзя, мы не станем злиться. Мы просто хотим, чтобы вы вернулись домой. Мы

любим вас и хотим снова увидеть.

Ее папа достал из внутреннего кармана пиджака клочок бумаги. Развернул его в озабоченности всплеск и прочитал:

– Петра и Тина, мы за вас волнуемся. Пожалуйста, возвращайтесь домой. Если не можете вернуться, пожалуйста, свяжитесь с нами, чтобы мы знали, что вы в безопасности. Если кто-то видел девочек, пожалуйста...

– Тина, мы не станем на тебя злиться. У тебя не будет проблем. Просто вернись домой, пожалуйста, – вмешалась Элисон.

Она плакала, а Бобби ее успокаивал. Папа Петры смотрел на них, и девочка не видела его лица. А потом он повернулся к камере. Мужчина выглядел мрачно, челюсть подергивалась от напряжения. Он посмотрел в одну из камер, и ей показалось, она на мгновение поймала его взгляд.

Ты убил человека, подумала она. Я знаю, что тебе плевать и что ты сделал это ради денег.

Петра выключила телевизор. Поглядела на часы. Почти десять. Интересно, как долго не будет Зофии. Она собиралась встретиться с парнем, который отвезет ее на фургоне в Польшу. Она планировала уехать через два дня. Могла ли Петра заставить ее передумать и остаться здесь? Может, тогда она пойдет в полицию и расскажет, что видела. Если папу арестуют, она сможет остаться с Зофией. Нет, не сможет. Ей не позволят остаться с ней. Ее заберет Пэм Феллоус и отправит в какую-нибудь милую приемную семью в нескольких километрах отсюда. Будет новая школа, попытка завести друзей. А все в это время будут знать, что ее папа – убийца.

И где Тина? *Где Тина?*

Да и могла ли Петра все рассказать полиции? Как бы ее ни коробило совершенное папой, могла ли она отправить его в тюрьму на долгие годы, даже если заслуженно? Могла ли взять на себя такую ответственность?

Она вспомнила лежащего на полу мистера Мерчанта, мертвого. Поежилась и притянула колени к груди. По крайней мере, Тина не видела того, что сделал ее папа. Она вспомнила, как они вдвоем репетировали выступление «Красных роз»: стояли бок о бок у длинного зеркала, точно сестры. Сестры по крови. Бедная Тина испугалась и убежала из дома. Мог ли в тот момент, на улице, кто-то подобрать ее на машине? Кто-то, кого она знала? Незнакомец? Находилась ли она в эту самую минуту в ловушке чьего-то дома? Застряла ли Тина в какой-то комнате, гадая, что происходит, пока снаружи проходит пресс-конференция и ведутся поквартирные обыски домов?

Петра снова заплакала.

Где Зофия? Она подошла к окну. Мимо проехала полицейская машина. Увидев ее, девочка резко отскочила назад, боясь, что ее заметят и узнают. Но это была всего лишь патрульная машина. Она приехала не за ней.

Когда вернется Зофия?

Петра села на кровать. Женщину шокировало рассказанное, но выражение ее лица словно говорило: «Я знала, что это случится!» Как будто она единственная понимала, на что способен ее папа. Он обидел ее пару недель назад, а может, еще и до этого. Наверное, Зофии хотелось бы видеть его в тюрьме. Возможно, именно туда она сейчас и пошла – в полицию. Может, в этот самый момент она рассказывала им, что произошло, тогда патрульная машина развернется, припаркуется возле дома, и за ней придут два офицера.

Она не могла повлиять на действия Зофии, но в полицию попадать не собиралась. Она не знала, сможет ли подняться и указать на своего папу, в каком бы ужасе ни находилась от его поступка. Если приедет полиция, ее здесь быть не должно.

Она взяла куртку и оделась. Слегка приоткрыла дверь, чтобы убедиться, что в коридоре никого нет. Затем вышла на лестницу и быстро спустилась. Открыла входную дверь и ступила на улицу. Укуталась в куртку и, приподняв воротник, убрала волосы назад, чтобы отличаться от показанной по телевизору школьной фотографии. Она зашагала прочь от дома Зофии, как вдруг услышала крик.

– Подожди, подожди...

Она оглянулась и увидела идущую по улице Зофию. Та несла пакет. С ней никого не было. Она перешла на бег и поспешила к Петре. Взяла ее за руки и обеспокоенно заглянула в глаза. Пакет качался взад-вперед. Девочка почувствовала себя виноватой. Она стала тяжелым бременем для Зофии. А ей этого не хотелось. Из всех людей меньше всего она хотела причинять вред именно ей.

– Ты куда?

– Я думала... Думала, ты можешь пойти в полицию...

Зофия покачала головой.

– Ты возвращаешься в Польшу?

Зофия кивнула.

– Я не знаю, что делать, – беспомощно произнесла Петра.

– Идем в дом. Давай поговорим.

Петра села на кровать, а Зофия осталась стоять. Она не сняла пальто и, казалось, собиралась что-то сказать. Петре хотелось, чтобы она села рядышком, приобняла ее или взяла за руку.

– Мне кажется, ты должна это сделать, – начала Зофия. – Пойти в полицию. Все им рассказать. Поговорить с социальным работником. Она найдет тебе хорошую семью. Ты будешь жить с ними, пока тебе не исполнится восемнадцать.

Петра яростно закачала головой.

– Я не могу рассказать полиции про папу! Просто не могу!

– Когда тебе исполнится восемнадцать, ты сможешь приехать ко мне в Польшу.

– Нет, нет...

– Все так сложно.

В этот момент открылась входная дверь. Затем защелкнулась – очевидно, кто-то вышел из дома.

– Тебя могут увидеть и узнать.

– Я могла бы жить с тобой, – прошептала Петра.

Зофия покачала головой:

– Меня за такое могут посадить в тюрьму. Тебя ищет полиция.

– Ты заботишься обо мне. А я забочусь о тебе.

– Я не знаю. Не знаю. Мне нужно подумать...

Наконец она села на кровать рядом с ней. Петра взяла ее за руку. Она была горячей, пышущей жаром. Петра провела пальцем по ее ногтям и прислонилась головой к плечу Зофии. Та подняла пакет и достала оттуда коробку с черной краской для волос. Петра посмотрела на нее.

– Нам нужно изменить твою внешность.

– Хорошо, я покрашусь.

– Не только. Нужно еще подстричься...

Зофия поднялась и подошла к чемодану. Расстегнула молнию на несколько сантиметров и достала огромную косметичку. Из нее вынула ножницы и вернулась к кровати. Петре было плевать на свои волосы. Она просто хотела остаться с Зофией.

Глава 28

В пятницу, после семи, Петра надела новое пальто, которое в этот день ей купила Зофия. Посмотрела на свое отражение в зеркале. Ее волосы стали короткими и черными, она выглядела совершенно иначе: чуть моложе и строже. Они готовились к побегу. Зофия проинструктировала ее. «Я выйду первой. Ты пойдешь за мной через минуту. Идем по отдельности. Квартира Марии всего в пяти минутах ходьбы».

Зофия убедилась, что внизу никого нет, и спустилась. Затем вышла за дверь. Петра досчитала до шестидесяти и последовала за ней. Она видела ее чуть дальше по улице. Петра шла, опустив голову, и размышляла о том, зачем им понадобилось к Марии. Зофия сказала, ей нужно забрать кое-какие вещи, чтобы отвезти в Польшу, но девочка думала, что это всего лишь предлог. После их разговора утром, после покраски волос они никак не обсуждали ситуацию. Зофия сходила в магазин, а потом продолжила упаковывать вещи: четыре чемодана и две сумки. Петра с ужасом наблюдала за ней. Каждый упакованный джемпер или пара носков, каждая пара обуви на шпильке, которую она запихивала в чемодан, казались зловещими.

Она скоро уедет, и Петра останется одна. Ей хотелось что-то сказать, чтобы снова поднять эту тему, но Зофия была поглощена своими мыслями, подбородок опущен, ногти без маникюра, руки заняты.

Они включили новости и увидели, что полиция обыскивает дом на Принсесс-стрит. Участок оцепили. Петра с огромным беспокойством следила за каждым шагом полиции. И все время думала о Тине. Куда она делась после того, как выбежала в темноту?

Петра вспомнила Натана Болла в фургоне. Могла ли подруга выбежать из калитки как раз в тот момент, когда фургон Натана вернулся на улицу? Видел ли он, как она вышла из дома и сада? Он бы понял, что она находилась там в то же время, что и убийцы. Мог ли он остановить ее, завязать разговор и, возможно, притворившись, что как-то связан с мистером Мерчантом, убедить поехать с ним?

Увез ли Натан Болл Тину?

Вряд ли. Ее папа бы знал. Натан Болл позвонил бы ему, написал сообщение, явился на террасу и рассказал. Что бы плохого ни совершил ее папа, он бы не допустил, чтобы с Тиной что-то случилось. Не так ли? Тина ему нравилась; он всегда включал ей свои рингтоны, а когда у него водились деньги, передавал девочке через Петру пять фунтов, чтобы та

могла «купить себе что-нибудь». Но Натана Болла ничто не связывало с Тиной. Мог ли он запаниковать и решить, что Тина слишком много видела? Может, он что-то сделал, чтобы она замолчала. Петра представила, как он спрыгивает с водительского сиденья на темную улицу и идет за Тиной. Возможно, прикрывает ее рот рукой и утягивает к фургону.

Петра замерла на месте. Она так больше не могла. Ее жизнь вдруг оказалась каким-то темным и жутким местом, где люди совершали поступки, которые она не могла понять. Зофия притормозила, будто почувствовала, что Петра остановилась. Развернулась, подошла к ней и, взяв за руку, потащила вперед. Девочка шла нерешительно, словно находилась на шатком мосту и каждый шаг мог привести к гибели.

Когда они добрались до бывшей квартиры Марии, Зофия открыла ключом входную дверь, вошла внутрь и поманила Петру.

Женщина держала в руке телефон, но не тот, каким обычно пользовалась. Этот был похож на предоплаченный.

– У тебя новый телефон?

– Мне нужно кое с кем связаться, а я не хочу никаких записей.

Зофия была напряжена и груба. Нервничала. Петра предчувствовала недоброе. Она последовала за ней по квартире, скупо обставленной, но с признаками того, что до недавнего времени здесь кто-то жил: в углу коридора лежало несколько пакетов, на кухонном столе возле коробочки с салфетками стояла полупустая бутылка «Пепси». Открытая дверца холодильника поддерживалась стулом, и на подоконнике стояла ваза с еще незавядшими цветами.

Зофия смущенно остановилась у стола. Дверь за ее спиной вела в другую комнату. Петра заметила внутри стиральную машину.

– Зачем мы пришли? Что-то забираем? – спросила Петра.

Женщина громко выдохнула.

– Сюда придет твой папа, – ответила она.

Петра впала в шок. Оглянулась по сторонам, будто он уже мог там находиться.

– Чтобы забрать меня домой?

– Нет-нет. Нет.

Она не была готова к встрече с папой. И вообще вряд ли будет когда-либо. Зофия взяла ее за руку.

– Я должна с ним поговорить. Нужно во всем разобраться. Иначе я не знаю, что с тобой делать. Просто не знаю.

– Я не хочу его видеть! – воскликнула Петра. – Что, если он приведет с собой полицию? Я не хочу. Не хочу.

– Не приведет. Он не в ладах с полицией. Он будет один. Такое я поставила условие. Он даже не будет знать, что ты здесь. Но я хочу, чтобы *ты* его послушала.

Во входную дверь постучали. Зофия повернула голову на звук и кивнула.

– Вовремя. Иди в кладовую. Закрой дверь и не включай свет. Просто оставайся там и послушай его.

– Я не хочу находиться с ним под одной крышей, – заныла Петра, пожевывая губу.

– Ты должна его выслушать. Иначе мы с тобой не сможем быть вместе. Ты должна мне довериться.

Петра посмотрела на Зофию. Сейчас она выглядела напуганной, лицо бледное. Она с поразительной силой подтолкнула девочку.

– Иди.

Петра вошла в кладовую. Она была небольшой, места впитык только для стиральной машины и сушильного автомата. Пустая сушилка для белья стояла сложенной по соседству. Петра закрыла дверь. Тут отсутствовало окно, поэтому было темно, как в черной дыре. Она села спиной к двери. С кухни не доносилось ни единого звука, только бормотание голосов вдали. Интересно, зачем Зофия попросила папу прийти сюда, а не к себе. Может, боялась, что за ним последует полиция, которая наткнется на Петру до того, как они решат, что делать. Или, возможно, в старом доме слишком много посторонних.

Как она поступит? Позволит Петре остаться с ней? В чем смысл разговора с ее папой?

Сначала она услышала папин голос.

– Лучше бы это было важно, Соф. В данный момент я очень занят.

Послышался звук отодвигающихся стульев. В мужском голосе таился намек на насмешку. Петра часто слышала ее, когда он говорил с сарказмом.

– Чем я могу тебе помочь?

Она представила, как он откинулся на спинку стула, скрестив руки. Зазвучал рингтон – наверняка на новом сотовом Зофии.

Играла забавная старомодная мелодия, похожая на звон колоколов.

– Прошу прощения.

Женщина ответила.

– Хенрик. Я сейчас в квартире. Ты на улице? Хорошо. Джейсон тоже здесь.

– Что происходит? – Голос папы стал слегка высоким, растерянным.

– Мой друг, Хенрик, стоит на улице. Он ждет меня. У него есть ключ. Через пятнадцать минут он придет проверить, в порядке ли я.

– Соф... что тут творится?

Петра была озадачена. Что задумала Зофия? Кто такой Хенрик?

– Если ты меня ударишь, он узнает. Он такой же большой, как и ты, Джейсон, и у него есть пистолет. Он служил в армии. Он с легкостью с тобой разделается.

– Для чего вся эта драма, Соф? Моя дочь пропала, на случай если ты не знаешь. У меня есть дела куда важнее твоих глупостей...

По паркету заскрежетал стул, словно папа отодвинулся, собираясь уйти.

– Я знаю, где Петра, – сказала Зофия.

– Что?

– Она в безопасности. Я хочу поговорить с тобой о ней.

– Она пошла к тебе! Я знал, что так и будет. Я приходил прошлым вечером. Спрашивал тебя. Ты соврала мне...

Ножки стула заскрипели, будто папа сменил позу. Возможно, склонился над столом.

– Нет, нет, Джейсон. Она пришла намного позже. Очень поздно. Она была в ужасном состоянии, и я знаю: тебе известно почему, так что, пожалуйста, прекрати меня запугивать. Она не хотела тебя видеть. Умоляла меня не звонить ни тебе, ни полиции.

– Где она?

– В безопасности.

– А ее подруга?

– Она не со своей подругой. Петра не знает, где она.

Папа не знает, что случилось с Тиной. Это было важно для Петры.

– Я хочу увидеть дочь.

– Она не хочет.

– Она ребенок. Ей двенадцать. Она не может принимать таких решений.

– Она умная. Знает разницу между хорошим и плохим. И знает, что ты убил бухгалтера.

Воцарилась тишина. Петра попыталась представить папино лицо. Когда он снова заговорил, его голос стал другим.

– Она думала, что что-то увидела... она все неправильно поняла... она...

– Джейсон, она знает. Она была напугана до смерти, когда пришла ко мне. Она знает, что ее папа убил бухгалтера. Не пытайся это отрицать. Я ей верю. Ты неделями говорил о том бухгалтере. Я верю в ее слова.

– Соф... это была случайность. Мы пришли туда не с таким намерением. Все вышло из-под контроля. Я должен был выполнить работу для другого человека. Они мне угрожали. Старик задолжал им деньги. Я мог бы пострадать, не сделай этого. Бухгалтер не выдавал, где деньги. Все пошло не так.

Он говорил тихо, чуть ли не шепотом. Петра сжала челюсти, вспоминая ту сцену в доме на Принсес-стрит: старика привязали к стулу, а затем избили. Хотя она не смогла смотреть на удары, но слышала каждый из них, а потом видела его скрючившимся на полу – с кровью на воротнике рубашки.

– Это все другой парень. Натан отправил меня с ним. Он сорвался.

Это ложь. Голова Петры поникла от стыда. Именно папа начал атаковать.

– Неважно, – произнесла Зофия, – это в прошлом. Петра не хочет к тебе возвращаться. Она больше не хочет с тобой жить.

– Она не может так говорить. Она моя дочь.

– Если ты станешь настаивать, чтобы девочка вернулась, она расскажет обо всем полиции.

– Она никому не расскажет. Я ее отец. Это произошло случайно. Я объясню ей. Нет смысла садиться в тюрьму за то, чего я не совершал!

Неправда. Неправда. Петра обняла колени.

– Может, она и не расскажет, Джейсон, а вот я – запросто. Если ты заставишь ее вернуться домой, я пойду в полицию. Поделюсь с ними тем, что она рассказала. Я знаю имена. Мистер Константин. Натан Болл...

– Зачем? Тебе какое дело? Тебя-то это как касается?

Его голос стал громче, и Петра не сомневалась, что он сменил позу. Наверное, навис над столом и говорил прямо в лицо Зофии. Может, тыкал в нее пальцем. Она видела, как он делал так прежде.

– Мне важна девочка, – сказала Зофия, ее голос звучал с того же самого места. – Мне не нравится, какая жизнь у нее с тобой. До того как мы расстались, у меня не было выбора. Она твоя дочь – мои руки связаны. Но сейчас, совершив такое, ты отказался от прав на нее.

– Что?

Папа явно не верил своим ушам.

– Ты сука... ты не можешь указывать мне, что делать...

Ножки стула закрипели по полу, и Петра напряглась. Он хотел ударить Зофию? Если он это сделает, девочка не сможет оставаться в своем убежище. Она выбежит к нему. Она не позволит ему снова ударить Зофию.

– Джейсон, Петра знает, что у меня встреча с тобой. Если ты ударишь

меня, она пойдет в полицию, и я пойду вместе с ней. Тебе придется убить меня, чтобы заставить молчать. И на улице стоит Хенрик. Он скоро войдет. Он запросто с тобой разделается. Поверь мне, когда я говорю, что не оставлю с тобой Петру. Ты даешь ей унылую, бедную жизнь. Мне понадобилось время, чтобы понять это, а теперь я могу что-то изменить. Сядь... Поговорим... Ты останешься безнаказанным за убийство бухгалтера, а я заберу Петру с собой в Польшу. Она начинает новую жизнь. Мы ничего не скажем полиции.

Девочка внимательно слушала. Жаль, она не видела, что происходит. Вероятно, ее папа грозно смотрит на Зофию, но она выдерживает его взгляд, не собираясь отступить. Они заключали сделку. Папина свобода в обмен на жизнь Петры с Зофией. Верно ли это? А как же мистер Мерчант? Разве он не заслуживал правосудия? Но если Петра все расскажет, то не сможет остаться с Зофией, отправится в приемную семью, и однажды ее папа выйдет из тюрьмы, и ей снова придется его увидеть.

– Почему ты все это говоришь? Почему просто не забрала ее?

– Потому что однажды появится вторая девочка. Может, живая. Может, нет. Тогда ты задашься вопросом, что случилось с твоей дочерью, и подумаешь обо мне. А я не хочу, чтобы ты приезжал к нам в Польшу.

– Ты все продумала.

– Да.

– А Петра этого хочет?

– Она боится тебя, Джейсон. Отпусти ее.

Петра услышала скрежет стула.

– Почему ты думаешь, что я не последую за тобой?

– Потому что она будет там, где я, и я не думаю, что ты сможешь причинить ей еще больше боли.

Петра услышала напряженное дыхание. Ее папа хотел что-то сказать, но промолчал. Хлопнула входная дверь. Послышались тяжелые шаги по коридору.

– Это твой мускулистый парень? – спросил папа.

– Это Хенрик.

– Твой новый бойфренд?

– Тебе пора, Джейсон. Ты нам не нужен.

Петра поморщилась. Зачем Зофия это сказала?

– Так она здесь, да? – спросил папа.

Петра на секунду застыла. Резко вскочила и окинула взглядом небольшое помещение. Выхода нет. Если он захочет увидеть ее, надо просто открыть дверь.

– Уходи, Джейсон.

– Убирайся, подонок, – произнес глубокий мужской голос. Голос поляка.

На долгое время воцарилась тишина. Интересно, папа принял боевую стойку против Хенрика? Или осматривал комнату в поисках ее? Не пройдет и секунды, как он поймет, где она прячется. Послышались шаги. Какое-то мгновение Петра не понимала, приближались они или отдалялись. Она закрыла глаза, как прошлым вечером в коридоре мистера Мерчанта. Если крепко сжимать их, то она ничего не увидит.

Но шаги удалялись, а потом громко хлопнула входная дверь. Открылась кладовка, и в нее проник свет.

– Ты все слышала?

Девочка кивнула. Зофия подошла к ней, и Петра тут же обняла девушку и почувствовала, как та ослабла в ее руках. Вспотела, тонкие руки повисли. А потом Зофия будто собралась с силами и отступила. За ее спиной стоял мужчина, которого Петра никогда не видела. На нем была куртка цвета хаки и футбольный шарф. Он кивнул ей и вышел из кухни.

– Ты рада такому исходу?

– Да.

– Тогда идем.

Зофия заперла квартиру. Хенрик шел впереди. Петра окинула взглядом улицу. Никаких признаков папы или его машины. Она думала, он будет здесь? Дождется ее и выразит протест?

Когда они вернулись в дом, Зофия сказала:

– А теперь поехали. Давай спустим вещи вниз.

– Сегодня? Ты же собиралась уехать в воскресенье.

– Нет, сейчас. Хенрик здесь. Мы отправимся на ночном пароме из Хариджа. Проедем через Голландию. А к утру будем в Германии.

Они спустили вниз сумки и чемоданы и сложили их в коридоре. Хенрик кивнул Зофии и уложил вещи в фургон.

Когда они закончили, Женщина их познакомила.

– Это Хенрик Палка. Он мой старый друг. Я знаю его со школы, но в юности он переехал в Краков, и я не виделась с ним, пока не приехала в Лондон. Он отвезет нас в Польшу.

Хенрик улыбнулся. Затем бросил взгляд на Петру.

– Это моя сестра Клара. Она теперь совсем взрослая.

Хенрик кивнул.

– С багажом покончили?

– Ему нравится говорить на английском. Учится.

– Готовы? – спросил Хенрик.

Они забрались в фургон и поехали на север, выехали из города в сельскую местность и направились в Харидж.

Часть пятая

Настоящее

Мэнди

Глава 29

Мэнди стояла у участка номер пятьдесят три по Принсесс-стрит. От дома и сада ничего не осталось, только гигантские деревья в дальнем углу. Строительный мусор убрали, и участок стал ровным.

Он выглядел чисто и аккуратно. Забор починили, по территории бродили мужчины в спецодежде и желтых касках.

Дебби Ховард, психотерапевт, стояла рядом с ней. Сегодня она ненадолго заглянула в гости к Мэнди. Их сеансы закончились, и мама Мэнди настояла, чтобы Дебби пришла к ним на чай с пирогом. Девушка закончила свое исследование по общей практике и возвращалась в университет. Мэнди провожала ее до метро. Казалось правильным пройти мимо участка, где когда-то стоял старый дом.

– Наверное, дом был огромным.

– Да.

– И твоих подруг тянуло к нему. Я читала кое-какие статьи в Интернете.

– Их называли девочками-мотыльками. Но это не совсем верно. Петра была очарована домом. А Тина лишь следовала за ней.

– Жаль, что я его не застала, мы столько о нем говорили. Но твои проблемы связаны с подругами. А не с тем, что случилось с ними здесь.

– Думаю, теперь я это понимаю. Но внутри меня словно образовалась пустота.

– Эта дружба занимала важное место в твоей жизни. Когда девочки пропали, остались нерешенные вопросы. Возможно, если бы нашли их тела, если бы состоялись похороны, ты смогла бы двигаться дальше. Но знаешь, Мэнди, по-моему, тебе стало лучше в последние наши встречи. Ты меньше говорила о Петре, и это хорошо.

– Я чувствую себя лучше.

Дебби думала, что вылечила Мэнди. Она не знала, что у той появились другие заботы, никак не связанные с процессом ее лечения. Мэнди хранила секрет Петры, и все те недели, что прошли после их разговора, это знание тяжестью давило на нее. Ей стоило обратиться к властям. Она это знала, но бездействовала.

– Идем дальше? – спросила Дебби, отвернувшись от участка.

– Конечно.

В этот момент открылась дверь соседнего дома. Мэнди оглянулась и увидела выходящего из него мужчину. Он был большим, с избыточным

весом. В очках с тяжелой оправой и с красным лицом. Он двигался медленно, запирая дверь на второй ключ. Затем протащился по тропинке и вышел за калитку. Именно этот мужчина накричал на нее, Петру и Тину, когда они залезли в сад пять лет назад. И его Мэнди видела в супермаркете через несколько дней. Злой сосед. С тех пор он ни разу не попадался ей на глаза, но, конечно, все еще жил здесь. Мужчина с минуту закрывал калитку. Она поймала его взгляд, и он озадаченно остановился. Мэнди чувствовала, что должна ему что-то сказать, но это было глупо, ведь он не знал ее, видел всего пару раз в далеком прошлом.

– Мэнди, мне нужно поторопиться.

– Хорошо, – ответила девушка и пошла с ней.

У станции метро Дебби обняла ее. Объятия вышли слегка неловкими, но Мэнди попыталась ответить взаимностью. Через дорогу, за светофором, припарковалась полицейская машина. Из нее вышел офицер. Несколько человек оглянулось.

– Мне нравятся твои серьги, – сказала Дебби.

– Я сама их сделала. Но мне помогла девочка из школы. Ее мама мастерит украшения.

– У тебя есть мой e-мейл и номер сотового. Не пропадай. Мне бы хотелось знать, как у тебя дела.

– Хорошо.

Мэнди проводила ее взглядом. Дебби, как обычно, была одета во все черное. Ее сумка раскачивалась при каждом движении, хлопая девушку по бедру. Добравшись до турникета, Дебби открыла ее, достала проездной и вставила в аппарат. Через мгновение она пропала из виду. Мэнди слегка расслабилась. Сеансы с ней проходили сложно, потому что она кое-что скрывала. Трудно говорить о Петре и Тине, когда на ее плечах такой груз.

Хотя все было не так уж плохо. Они стали обсуждать и другие темы. Например, Томми Элиота. «Как думаешь, твоя зависимость от этого парня может базироваться на тех же чувствах, что заставили тебя желать одобрения Петры?» Так оно и было. Мэнди слишком зависимая, так она Дебби и сказала. «Ох, это старое доброе слово «зависимая». Его часто произносят с негативным оттенком. Но разве не поэтому человечество выжило, когда другие виды – нет? Разве «потребность в ком-то» – не самое важное, что используют люди, чтобы жить и процветать? Не считай это слабостью. Тебе нужны люди. И что? Прими это», – ответила Дебби.

Так что же, если ей нужны люди?

Мэнди почувствовала, что одна из сережек запуталась в волосах. Она сделала их из своих бусин, но мама Люси показала ей, как придать форму

проволоке с помощью круглогубцев. В тот день они сделали четыре пары сережек, и Мэнди нравилось их носить. Томми сказал «Клевые серьги», и она была рада, не ощущала прежнюю боль, которая окрашивала любое его слово. Она решила сделать серьги в качестве подарков на Рождество.

Мэнди покачала головой. *Рождество*. Как она могла думать о нем, когда носила на себе тяжкий груз? Уже темнело, когда она отошла от метро и пошла вдоль витрин магазинов. Везде сверкали рождественские гирлянды, хотя до него еще больше месяца. Мэнди задумалась о ситуации, что не давала ей покоя.

Несколько дней после встречи с Петрой она загоняла себя, стоило ли кому-то рассказать. Не потому, что хотела выдать чужой секрет, а потому, что гадала, не поможет ли полиции знание того, что у девочек судьбы разные, выяснить, что же на самом деле случилось с Тиной. Она всегда думала об Элисон Пойнтер. Элисон, которая страдала каждый день, потому что ее дочь пропала. Обрадуется ли она, узнав, что с ней случилось? Даже если новости будут плохими?

Хотя прошло уже пять лет. Если Мэнди скажет, что видела Петру, как это поможет? И поверят ли ей вообще? Может, решат, что она опять все выдумала? Ей и прежде виделась Петра в автобусах. А может, это на самом деле была она?

Мэнди снова заметила офицера, идущего по другую сторону дороги. И тогда узнала его. Это был Фаррадей. Мужчина, которого она видела несколько недель назад на сносе дома. Теперь он появился перед ней, когда она раздумывала, рассказать ли историю Петры. Может, это какой-то знак. Он ненадолго остановился и поговорил с мальчиком на велосипеде, затем продолжил свой путь. Заметил, что Мэнди на него смотрит, и как будто пришел в замешательство, но затем узнал ее и помахал. Огляделся по сторонам и перешел дорогу. *Слишком рано. Я ничего не могу сказать, еще слишком рано*, думала она, пока он обходил машины.

– Здравствуй, Мэнди.

– Здравствуйте, – ответила она. – Как у вас дела?

– Нормально. А у тебя?

– Все хорошо.

– Когда я видел тебя в последний раз, у дома, ты казалась немного напряженной.

– Ну, тяжелый был денек.

Он кивнул.

– Я думал о тебе, особенно когда Элисон Пойнтер вернулась из Франции.

– Вы идете на дежурство?

– Нет, уже на смене. Вышел в кафе взять сэндвич и чай. Хочешь ко мне присоединиться? У меня есть всего пятнадцать минут, но я решил сделать перерыв.

– С удовольствием.

Они вошли в небольшое кафе в паре шагов от метро. Он купил себе еду, а она – банку газировки. Они заняли высокие стулья за столиком у окна с видом на улицу и прохожих. У них мало времени, поэтому Мэнди решила быть храброй и задать несколько вопросов.

– Я хотела спросить вас о деле, – сказала Мэнди.

– Давай, – ответил он.

Офицер Фаррадей мучительно пытался открыть упаковку с сэндвичем. Когда ему это удалось, он выдохнул и откусил огромный кусок.

– Когда полиция в самом начале вела расследование, они не думали, что судьба двух девочек могла быть разной? Другими словами, с Петрой случилось что-то одно, с Тиной – другое?

– Почему ты спрашиваешь? Что-то вспомнила?

– Нет, нет. Просто много думала об этом.

Он вздохнул.

– Детективы принимали во внимание каждый возможный сценарий. Сначала они считали, что девочки пропали вместе. Пытались связать это с убийством мистера Мерчанта, поэтому сосредоточились на преступлении, совершенном группой лиц на почве наркотиков. Даже проверили версию с педофилией. Изучили окружение Джорджа Мерчанта, его личную жизнь, старые компьютеры, найденные в доме. Ничего. Всех версий не перечислить.

Снаружи загорелись фонари. Сразу стало темнее; даже рождественские гирлянды казались контрастнее, более резкими. Мэнди вспомнила висящую в кабинете доктора Шуклы картину – «Автомат». Так называли кафе с самообслуживанием, в которых стояли торговые автоматы, хотя на картине их не было видно. Только женщина сидела за столиком поздно ночью. От картины веяло одиночеством, будто у этой женщины не было никого и ничего в целом мире. Мэнди подумала о Петре. Она убежала и обрела своего рода счастье. Правильно ли портить это? Если она пойдет в полицию с ее историей, тогда газеты посчитают своим долгом найти Петру, где бы та ни находилась. Имела ли Мэнди право рушить ее жизнь?

– Значит, все произошло в том доме? Точно?

– Ну, это следует из криминалистической экспертизы. В гостиной нашли волосы Петры, а на кухонной двери волокна ткани толстовки

Элисон Пойнтер. Ты же знаешь, что Тина тогда была в ней. Так что, судя по всему, они вошли туда и больше не вернулись.

Мэнди поразились. Волокна с толстовки Тины обнаружили на кухонной двери. Но не дальше. Это подтверждало историю Петры.

– Дело закрыто?

Офицер Фаррадей покачал головой и засунул в рот последний кусочек сэндвича. Пожевал его с минуту. Затем достал из кармана большой носовой платок и вытер рот, промокнув уголки.

– Его никогда не закроют. Если только их не найдут. Дело этих двух девочек всегда будет открыто. Его пересматривают каждый год. В этом году из-за сноса дома снова опросили некоторых людей: соседей, тех, кто находился на улице и видел белый фургон, тех, кто ходил в газетный киоск. Детективы хотят выяснить, не подстегнула ли активность вокруг сноса дома их память.

– Сложно поверить, что никто ничего не знает.

– Ты последняя, кто их видел, Мэнди.

– Почему меня не допрашивали?

– Принято решение, что твои показания были полными, и мы не видели причин снова привносить это в твою жизнь. Хотя кажется, что ты много об этом думала. На самом деле...

Он открыл один из кармашков и достал стопку визиток. Одну отдал Мэнди. На ней было написано имя, номер сотового и e-мейл.

– Это на случай, если тебе что-то станет известно. Даже по прошествии всего этого времени. Необязательно идти в участок и раздувать шумиху. Если позвонишь мне, а я не отвечу, оставь сообщение, и я свяжусь с тобой, как только освобожусь.

– Спасибо, – сказала она, принимая визитку.

Когда он ушел, Мэнди осталась сидеть в кафе. Она смотрела на улицу и пыталась возродить события того вечера. Было темно и холодно. Когда Петра и Тина скрылись за калиткой, она ушла. Притормозила у газетного киоска, но потом просто вернулась домой. Зачем ей ждать их, когда они ее бросили? Через десять минут она уже сидела в гостиной и смотрела телевизор, со злостью сверля взглядом экран. Похоже, она разминулась с Тиной всего на минуту. Подожди она там, в свету газетного киоска, увидела бы, как девочка выходит из сада, и они могли бы поболтать и подождать Петру. Возможно, Тина раскритиковала бы подругу. «Она такая упрямая!» – сказала бы она, и Мэнди бы это понравилось. Но она ушла домой, а когда Тина вышла из калитки, на улице уже никого не было.

Куда она пошла?

Направилась ли к газетному киоску, предполагая, что Мэнди может быть там? Она вспомнила мистера Джонсона, который всегда суетился над Тиной, стоило той войти в магазин. В тот день, когда они просматривали журналы в поисках идей для постеров, он вышел из-за стойки, подошел близко к девочке и спросил, не хочет ли она номер бесплатно.

«Нет, спасибо, мистер Джонсон», – ответила она.

«Зови меня Алфи», – сказал он, и Мэнди едва удержалась, чтобы не захихикать.

Может, расстроенная Тина пошла в газетный киоск? И мистер Джонсон попытался ее утешить? Может, ему нравились молоденькие девочки? Мэнди опустила голову на руки. Иногда казалось, что мир полон мутных людей. Ты думаешь о них в одном ключе, а они оказываются совершенно другими. Но мистер Джонсон не такой! Он дружелюбный и милый. И *старый*, лет сорока, если не больше. Разве он не позвонил бы маме Тины, попроси она его об этом?

Мэнди спустилась с высокого стула и вышла из кафе. На улице сверкали рождественские гирлянды. Начался дождь, поэтому ей пришлось поднять воротник и ускориться. Визитка офицера Фаррадея тяжелым грузом лежала в ее кармане. Она не знала, что делать. Нужно подумать об Элисон Пойнтер. И о Петре.

Она пришла на Принсесс-стрит и увидела припаркованную вторым рядом у участка машину. Замедлилась и вспомнила то утро, когда пришла сюда, чтобы застать, как Петра вылезает из машины и смотрит через забор.

Эта машина мигала аварийными сигналами. Подойдя ближе, Мэнди увидела: это микротакси, из которого только что вышел мужчина и расплачивался с водителем. Он поднялся на тротуар прямо перед Мэнди, и она притормозила, давая ему пройти. Он остановился и посмотрел на нее.

– Извините, дорогая, я вас знаю?

– Не думаю, – ответила она, не желая вдаваться в объяснения.

Его губы зашевелились, будто он хотел что-то добавить, но в итоге просто кивнул и направился к калитке дома по соседству со стройкой.

Это был сосед, который накричал на них тогда в саду.

Она не видела его пять лет, а в этот день встретила его уже дважды.

Глава 30

В понедельник Мэнди не пошла в школу. Она не болела, но осталась в кровати и попыталась почитать. Посидела в Фейсбуке, затем рассортировала бусины и поискала в Интернете цены на инструменты,

чтобы мама Люси могла подсчитать, может ли она себе их позволить. Она перескакивала с одного на другое. Так же прошли все выходные – она не могла сосредоточиться на чем-то одном.

Поела, а потом очутилась в саду.

Она прошла до самого края и обратно. Было холодно, небо заволочло темными тучами. Ветер раздражал, дую порывами в разные стороны и откидывая волосы в лицо. Она надела толстовку, но все равно чувствовала морозный воздух. На территории стоял небольшой сарай, которым почти не пользовались. В него родители снесли старый кухонный стол и стулья. Вместо того чтобы выкинуть, они убрали их туда на случай, если они понадобятся кому-то в семье, но этого не произошло. Мэнди заглянула в матовое стекло окна и увидела сдвинутую в сторону мебель, стулья стояли на столе ножками вверх – дети часто так поднимали их в школе, чтобы уборщица могла подмести под ними. Внутри разрослась паутина. Как и в доме на Принсес-стрит. Петра описывала его так, будто бывала в нем, но это были всего лишь слова ее папы. Она рассказывала им о привидениях, точно видела их своими глазами. Тина безоговорочно верила ей, глаза округлялись, на лице отражалась смесь удивления и страха. Мэнди не верила ей никогда. Люди постоянно живут в старых домах. Ее дом был старым. Здесь умирали. Но привидений не водилось.

Она повернулась спиной к сараю и посмотрела на сад. И в этот момент услышала, как открылась задняя дверь соседского дома. Забор был слишком высоким, чтобы ее заметили, поэтому она не посчитала нужным здороваться. Ее это радовало. Как бы она объяснила, почему стоит в саду холодным ноябрьским днем?

Мэнди пыталась подстегнуть память. Пыталась вспомнить тот единственный раз, когда находилась в саду на Принсес-стрит. Того сада больше нет, поэтому она, оглядывая свой родной сад, восстановила тот день. Они вошли втроем. Мэнди нехотя поплелась за ними, когда Петра смерила ее испепеляющим взглядом. Как только они оказались по ту сторону калитки, Мэнди решила, что будет самой храброй, и пошла вперед. Она направилась прямо в высокую траву и в центр, мимо деревьев и качелей. Дошла до самого конца сада, где находились старые сараи, и, повернувшись, порадовалась тому, что Тина последовала за ней, а не осталась с Петрой.

Тогда она стояла, как и сейчас, спиной к сараю и смотрела на сад за домом. Петра, несмотря на все бахвальство, осталась у дома и как будто ковырялась в покрывающем стены плюще. На какое-то время Мэнди почувствовала себя хорошо. Тина была рядом, и они рискнули зайти

дальше Петры.

А потом их увидел сосед и накричал.

Мэнди посмотрела налево, на забор – высокий и прочный. В тот день, более пяти лет назад, забор, у которого стоял сосед, был сломан, часть его лежала на земле. Вот почему они впали в шок, когда увидели его. Он словно материализовался из ниоткуда. Они убежали от него как сумасшедшие. Вот и все, что она помнила.

Пиликнул ее телефон. Она достала его и увидела на экране имя Джона Уоллиса.

«Не хочешь прийти ко мне вечером и послушать пластинки?»

Это было третье сообщение с пятницы, после их разговора по пути в школу. Она нравилась ему. Он был хорошим, с ним легко общаться, но он – не Томми Элиот, и она не могла притворяться, что это не имеет значения. Несмотря на понимание, что между ней и Томми ничего не будет, она не могла просто отключить свои чувства. Они все еще находились глубоко внутри, хотя она больше не расстраивалась из-за него. Под сообщением от Джона было еще одно – от Люси, оно пришло вчера поздно вечером:

«Мама в субботу проводит занятие на тему «Работа с серебром». Говорит, мы можем присутствовать бесплатно, если приготовим чай и уберемся после. Что думаешь?»

Она уже ответила на него – сказала, что придет. Люси по-прежнему проявляла дружелюбие, и Мэнди радовалась, что во время ланча она не сидела одна. Ее мама тоже к ней хорошо отнеслась, и девочке нравилось учиться изготовлению украшений.

Она задумалась над ответом Джону. Она уже отговаривалась от него в предыдущих сообщениях, и неправильно продолжать это делать. Она вспомнила те недели первой половины семестра, когда ее тянуло к Томми. Он хотел, чтобы она думала, будто у него есть к ней чувства? Этого она никогда не узнает. Мэнди сочинила ответ:

«Извини, Джон, я до сих пор страдаю по одному человеку, поэтому компания из меня никакая».

И быстро нажала «отправить», пока не передумала.

Она посмотрела на сад.

Нужно принять еще одно решение. Мэнди достала из кармана визитку, которую дал ей офицер Фаррадей. Стоило ли поведать полиции, что она видела Петру? Она думала об этом все выходные. Особенно прошлым вечером, потому что мама сказала, что к ним приходила Элисон Пойнтер и сообщила, что Тину снова видели – на этот раз в Греции. Мама заверила, что Элисон уже меньше стремилась поехать сама, но связалась с греческой

организацией, представляющей ее интересы в полиции. Элисон казалась уставшей и не в настроении, а одета была в джинсы и старый джемпер. Мэнди почувствовала себя виноватой.

Почему Элисон не должна знать, что Тина не осталась в том старом доме; что ее дочь встретила беду *в одиночестве*?

Но Мэнди все еще беспокоилась, что, если расскажет полиции, что видела и общалась с Петрой, они могут ей не поверить. А даже если воспримут всерьез, не обвинят ли в том, что она так долго ждала, чтобы рассказать? Прошло три недели с тех пор, как она видела Петру. Почему так долго? Разве эта ситуация не похожа на тот октябрьский вечер, когда пропали девочки? Она знала, что они пошли в дом, но ждала пять часов, прежде чем признаться. Не подтвердит ли это, что она замкнутая, что всегда выдерживает время, чтобы в первую очередь подумать о собственной шкуре? На самом деле, разве не этим она сейчас занималась, стоя в эту минуту в саду?

Но она думала не только о себе.

Если Тина правда мертва, какой смысл разрушать новую жизнь Петры?

Мэнди посмотрела на сад у своего дома и попыталась представить, как выглядела задняя часть старого дома. Здание было намного больше, чем ее, и старше. Единственное, что она смогла вспомнить, так это обвитую плющом стену. Там определенно была дверь. Петра сказала, что они с Тиной вошли на кухню, и тогда-то девочка испугалась. Похоже, они прошли как раз через ту дверь.

Мэнди представила эту сцену: задняя дверь широко открыта, и в проеме стоят две двенадцатилетние правонарушительницы. Одна хотела пойти дальше. Другая испугалась. Последовали возня и шепот. На улице темно, потому что старик жил в передней части дома. Из окон не падает свет, а сад забит кустами и заросшей листвой.

В какой-то момент Тина решила, что не хочет идти дальше.

Мэнди закрыла глаза. Было сложно представить двенадцатилетнюю Тину, но она придерживалась образа худой девочки с густыми волосами. Она была одета в мамину толстовку, слишком большую для нее. Вероятно, отступила от Петры и встала у двери. Сказала ли она, куда направилась? Попрощалась ли? Попыталась ли убедить уйти с ней?

Если Петра говорила правду, то Тина развернулась и вышла через заднюю дверь. Она двигалась быстро, потому что была напугана. Пробежала ли она вдоль дома и свернула на тропинку к калитке? Свет не направлял ее, только лишь темнота. Обогнула ли она дом по пути назад в кромешной тьме? Или в замешательстве повернулась и пробежала в задний

сад, прямым через листву, длинную траву и мимо качелей? Добежала ли до конца сада, куда они с ней проходили за пару дней до этого?

Мэнди представила, как Тина стоит у стены сарая, растерянная и напуганная. Оказавшись в тупике, она поняла, что пошла не в ту сторону? Развернулась ли?

Мэнди охватило плохое предчувствие.

Если Тина повернулась, что могла увидеть? Девушка посмотрела налево и увидела забор, крепкий и единый, каждая дощечка прикреплена к следующей. В тот темный вечер забор был сломан.

Она попыталась представить это. Тина обескуражена и напугана. Увидела ли она там мужчину? Где должен быть забор? Подпрыгнула ли от неожиданности? Злой сосед смотрит на нее, его большой живот нависает над поясом, на лице отражается ярость из-за того, что она вернулась сюда после того, как он накричал на нее. «Извините», – могла она потрясенно выдать, но, возможно, больше ей ничего сказать не дали, злой сосед схватил ее за руку и затащил в свой сад. Может, прикрыл ей рот рукой, чтобы не кричала. Или поднял – она размахивала руками и ногами, – чтобы донести до дома и закрыть дверь.

Мэнди представила, как захлопывается дверь и в замке проворачивается ключ.

И тогда она открыла глаза, словно очнулась от дурного сна. Ее руки сжались в кулаки. Она разжала их и увидела в ладони смятую визитку офицера Фаррадея. Из дома донесся какой-то шум – хлопнула входная дверь. Мама пришла. Мэнди сейчас же ей все расскажет. Не будет ждать часами, днями или неделями. Она не сохранит эту историю в тайне, даже если это будет означать, что новая жизнь Петры разрушена. Элисон имела право знать, что произошло с Тиной, какой бы ужасной ни была правда.

Распахнулась задняя дверь, и на пороге появилась мама.

– Что ты делаешь? – крикнула она через весь сад. Вид у нее был расстроенный.

Мэнди направилась к ней, глубоко вдохнула, понимая, что придется все рассказать. Но, дойдя до двери, она с удивлением обнаружила, что мама плачет, слезы текли по ее лицу. Она будто уже знала, что собиралась поведать Мэнди.

– Что случилось? – спросила девушка, держа в руке визитку офицера Фаррадея. Мама достала платок и вытерла глаза.

– Я только что видела Элисон на Принсес-стрит. Она в ужасном состоянии. Полиция нашла Тину.

Глава 31

На Принсесс-стрит было полно людей и полицейских машин. Мэнди с мамой лавировали среди них. Они искали Элисон Пойнтер. Протиснулись сквозь толпу и заметили ее в самом центре всего этого. Она стояла рядом с офицером полиции, а другой пытался оттеснить от нее людей. Они увидели три полицейских машины и много офицеров. Двое из них стояли на страже у бывшего дома пятьдесят три по Принсесс-стрит. Стройка на участке застопорилась, и мужчины в желтых касках стояли с серьезным видом и курили сигареты. Грузовик с огромными мешками песка наполовину заехал на тротуар, и водитель вел бурную дискуссию с женщиной из полиции.

– Элисон, – выкрикнула мама Мэнди.

Женщина повернулась и увидела их. Кивнула, давая понять, что узнала, но ее лицо казалось застывшим. Мама протиснулась мимо зевак и взяла Элисон за руку. Та оперлась на маму и обмякла. Полицейский прикрикнул, и народ ретировался, двинулся в другую сторону улицы. Вдоль дороги натянули желтую ленту, и Мэнди заметила фургон со спутниковой тарелкой на крыше.

Продавец из газетного киоска стоял на тротуаре с мрачным выражением лица. Он явно не радовался тому, что его улица снова оказалась в новостях.

Мэнди подошла к Элисон. Теперь мама ее поддерживала.

– Он забрал мою дочку, – сказала она, глядя на Мэнди, в глазах блестели слезы. – Этот ублюдок забрал ее. Тина была там последние пять лет.

Мэнди понимала, что Тины больше нет. Все не так, как с девочками из Кливленда. Ее не спасут. Тина мертва, сказала ее мама, пока они обходили толпу. Вероятно, тело подруги похоронено в подвале дома, и полиция его ищет. Элисон все это знала, но продолжала говорить о Тине так, словно та была жива последние пять лет. Ей было трудно говорить иначе.

Мэнди посмотрела на дом, из которого несколько дней назад выходил тот сосед. Это было старое здание ленточной застройки, сад перед домом замощен. В отличие от других садов, здесь отсутствовали цветы. Занавески на окнах задернуты и вверху, и внизу. На лицах стоящих у калитки полицейских не отражалось никаких эмоций. Неожиданно открылась входная дверь, оставшаяся толпа притихла. Вышли двое мужчин в белых спецкостюмах. Они несли что-то в плотных пакетах, один из которых выглядел объемно. В нем был компьютерный монитор, громоздкий и

тяжелый, будто купленный много лет назад.

– Миссис Пойнтер? – произнесла какая-то женщина.

Элисон повернулась. Рядом стояла дама в темной стеганой куртке.

– Детектив-констебль Бернис Морган. Думаю, нам стоит проехать домой. Я буду держать вас в курсе поисков. Может, к вам придут ваши друзья и приготовят что-нибудь поесть.

– Я не хочу есть.

Элисон смотрела на дом, на лбу проступили морщины, зубы сжаты.

– Хорошая идея, – вмешалась мама и осторожно потянула Элисон. – Пойдем. Тут всего пара улиц. Можем прогуляться.

– Лучше поехать на моей машине, – сказала констебль Морган. – Везде будет пресса.

– Я не могу иметь дело с прессой, – промямлила Элисон.

– Мы обе знаем, что можешь, но сейчас не время, – ответила мама. Элисон кивнула. Отпустила руку подруги и пошла. Констебль взяла ее за локоть и повела через толпу зевак. Все знали, кто она, и уважительно расступались. Мэнди оглянулась на дом.

– Он в тюрьме? – спросила она.

Окружающие нахмурились.

– Мужчина, который здесь живет. Полиция его арестовала?

Мама подхватила ее под руку и оттащила в сторонку.

– Ох, Мэнди, он покончил с собой. Они полагают, он сделал это в пятницу вечером. Он отправил письмо в полицию, признался в том, что произошло, и офицер пришел к нему в дом этим утром. Его нашли мертвым.

– О-о.

Она дважды видела злого соседа в пятницу. Проходила мимо него, когда он вечером выбрался из такси.

Они подошли к машине констебля. Элисон уже сидела на пассажирском месте.

– Как он это сделал? – спросила Мэнди.

– Принял снотворное. Судя по всему, у него было несколько упаковок. Возможно, годами это планировал, и снос дома стал спусковым крючком.

Мэнди впервые оказалась в доме Элисон после пропажи Тины. Много в нем изменилось. Тогда здесь были деревянные полы, много картин и декоративных украшений. То тут, то там разложены ковры, на всех имеющихся сиденьях раскиданы подушки. В доме всегда было на что посмотреть, например на сувениры, которые семья откуда-нибудь привозила. В те дни это место не всегда заполняло счастье, потому что

мама Тины переживала из-за того, что ее муж больше с ними не жил. Теперь же тут было чисто и опрятно, на полах серо-желтые ковры, в центре бежевый диван с черным покрывалом. На виду никаких мелких предметов. В этом месте отсутствовали чувства, как в приемной. Мама Мэнди метнулась на кухню, крикнув: «Посмотрю, что есть в холодильнике». Девушка надеялась, что она не решит что-то испечь. Элисон села на диван, зажав руки между коленями. И устремила взгляд куда-то вперед.

Констебль Морган присела рядом. Мэнди устроилась в кресле напротив. Из кухни вышла ее мама.

– Сделать тосты? Выбор не большой. Или я могу сбежать в магазин? Есть несколько банок супа...

Она говорила быстро, с ноткой паники в голосе.

– Может, просто налить Элисон чай? – предложила констебль Морган. – Неплохо для начала. Я бы тоже выпила, и уверена, Мэнди к нам присоединится.

Мама вышла. Девушка смутилась от того, что детектив знала ее имя, но это было естественно. Мэнди в этом деле главный фигурант. Она – основа всего этого. Никто не произнес ни слова, пока готовился чай. Мама принесла его и раздала всем чашки. Элисон поставила свою прямо на ковер, под ноги. Констебль Морган заговорила тихо, без намека на драматизм:

– То, что я сейчас вам расскажу, в любую минуту окажется в открытом доступе: на телевидении, радио, в социальных сетях. Вы должны знать, что происходит. В субботу доставили письмо в отделение полиции Холлоуэй-роуд. Оно не адресовалось кому-то определенному, поэтому оказалось у секретаря. Его не открывали до понедельника. Внутри лежало признание – две страницы сплошного текста. Как только его прочитали, офицеры отправились по адресу. Им пришлось взломать дверь дома, и Алана Монка нашли мертвым в его кровати. Рядом лежали заколки для волос. Мы полагаем, они могут принадлежать Тине.

Элисон громко охнула.

Констебль Морган замолчала. На ее лице отразился стыд, будто это в какой-то степени не только его вина. Соседа звали Алан Монк. Мэнди поняла, что в мыслях всегда называла его злым соседом.

– Я думала, вы проверяли все дома. И реестр лиц, осужденных за половые преступления, – сказала мама.

– Мы проверяли реестр. На тот момент в районе жило несколько мужчин, их дома обыскали, а их самих допросили. Но записи про Алана Монка нет. Он никогда не сталкивался с полицией.

Констебль повернулась к Элисон и взяла ее за руку.

– В признании ни слова не сказано про сексуальные мотивы, хотя мы не узнаем это наверняка, пока не найдем Тину. И конечно же мы проверяем компьютер Алана Монка, его товарищей, его жизнь.

Детектив сказала, что найдут *Тину*, не *тело*.

– Она точно мертва? – выпалила Мэнди.

– Боюсь, что так. В признании говорится об этом и описывается, где найти тело.

– Это может быть выдумкой, – выпрямившись, сказала Элисон, энергия волнами исходила от нее. – Этот мужчина мог быть фантазером. Он все эти годы жил рядом с тем домом и мог убедить себя...

– У него ее одежда. Есть признаки того, что пол в подвале трогали. Мы сейчас копаем. И скоро будем знать наверняка.

Элисон покачала головой.

– Я не верю. Не после стольких лет. Тела не было. Я всегда знала, что она жива. Чувствовала это здесь. – Она положила руку на грудь; ее пальцы были худыми и хрупкими, как у старушки.

– И еще, – продолжила Элисон, – что в письме говорится о Петре? Петра не упоминается. А они были вместе. Я всегда знала, что они будут вместе, присмотрят друг за другом. Я всегда знала, что Петра присмотрит за моей Тиной.

Это неправда. Элисон часто приходила к ним домой и рассказывала, что *сама* видела девушек, похожих на Тину. Тогда она ни разу не упоминала Петру.

Зазвенел телефон. Все резко оглянулись. Констебль Морган ответила на звонок. Мама Мэнди поднялась и села рядом с Элисон. Приобняла ее. Девочка слышала речь констебля:

– Да... Да, я сделаю... Я скажу ей... Да...

Звонок завершился. Констебль Морган какое-то время молчала, а потом заговорила:

– Элисон, мне жаль, но офицеры нашли тело в подвале дома Алана Монка. Это тело девочки предположительно двенадцати лет. Больше узнаем позже, после вскрытия.

Казалось, Элисон подготовила себя к этому. Мэнди стало интересно, заплачет ли она. Не заплакала. Она отстранилась от окружающих и встала.

– Мне нужно переодеться, – сказала она. – Нужно подготовиться.

Мэнди избегала встречаться с ней взглядом и отвернулась, осматривая комнату. У двери заметила сумку Элисон, большую и квадратную, она стояла на ковре. Интересно, в ней лежали все необходимые вещи на

случай, если она отправится туда, где предположительно видели Тину? Возьмет ли она ее сейчас?

Для чего? Чтобы идентифицировать одежду дочери?

– А Петра тоже может быть там? – спросила мама. – В том подвале?

– Нет. В настоящее время мы не думаем, что Петра является частью этого, и понятия не имеем, что с ней случилось.

Они все посмотрели на Мэнди. В их глазах отражалось сострадание, потому что девочка была подругой Петры, была к ней ближе, чем все они. Но они не знали, что Мэнди уже видела и разговаривала с Петрой. Они не знали того, что знала Мэнди.

Часть шестая

Настоящее

Клара

Глава 32

Клара смотрела на улицу в окно своей комнаты. Снег прекратился, по тротуару прогуливались люди, одетые в теплые пальто, ботинки и шерстяные шапки, а некоторые старушки прикрывали носы и рты шарфами. Машины медленно двигались по дороге, одну из них слегка занесло, но потом она выровнялась.

В доме было тепло, батареи обжигали. Из ванной доносился бряцающий звук – Хенрик постоянно пытался починить эту батарею.

Клара была рада остаться одна. Зофия и Хенрик уехали в магазин строительных товаров, потому что мужчина хотел отремонтировать кухню. Ему никогда не нравились комнаты, пока он не сдирал обои и не менял обстановку. Для кухни он запланировал барную стойку. Зофии приглянулась эта идея, и они решили начать ремонт на следующей неделе. Он попросил Клару пойти с ними и помочь, но она отказалась. «Ждешь бойфренда?» – спросил он ее на английском.

Зофия отвесила ему подзатыльник и на польском сказала, что Клара еще слишком мала для парней. Хенрику нравилось говорить на английском. «Держу себя в форме», – повторял он.

У Клары был парень, но она держала его в секрете от Зофии, которая все время о ней беспокоилась. «Парням нужно только одно», – шептала она на английском. Когда они оставались одни, Зофия часто разговаривала с Klarой на английском, но со всеми остальными – только на польском.

Ее парень – сын подруги Марии. Его звали Павел, и он болел за «Манчестер Юнайтед». Ему нравились герои комиксов, и он собирал старые экземпляры, которые покупал в Интернете. У него были короткие каштановые волосы, и Кларе нравилось проводить по ним пальцами. Ему тоже нравилось играть с ее волосами – вытягивать пряди из невидимок. А еще ему нравилось расстегивать пуговицы на ее блузке, но она всегда его останавливала, потому что понимала, как расстроится Зофия, если что-то случится. Ни Хенрик, ни Зофия не знали о Павле, но Клара подозревала, что Мария прекрасно понимала, что происходит. Но она не станет

выдавать ее секрет.

Пиликнул телефон, и она достала его из кармана. Пришло сообщение от Павла.

«Tęsknię za tobą. XXX»

Он скучал по ней. Но они виделись всего пару вечеров назад. Она улыбнулась и быстро набрала ответ, потому что тоже по нему скучала.

«Za tobą tęsknię».

Не убирая телефон, девушка села и выглянула на улицу. Она поигрывала с крестиком на цепочке. Поднесла его к губам и ощутила холодный металл. Когда-то он принадлежал Кларе, настоящей сестре Зофии. Женщина преподнесла его в качестве подарка, и девочка всегда его носила. За все эти годы Зофия вручила ей много подарков, Хенрик тоже отличался щедростью. В ее комнате было полно разных дисков, книг и гаджетов. Окно холодило ее, но она все равно осталась на месте. Перед ней простиралась целая улица, и она увидела, как по тротуару идет шеренга младшеклассников в сопровождении учителя. Поверх курток им надели лаймово-зеленые жилетки. В шерстяных шапках и перчатках детки шли по парам, держась за руки. Они были такими маленькими, что снег доставал им почти до коленей.

После Рождества Клара шла в новую школу. Проведя бóльшую часть осени в Париже и Лондоне, поработав то здесь, то там, они вернулись в Лодзь за пару недель до Рождества, и Кларе не было смысла начинать учебу на такой короткий промежуток времени. Она не возражала. Ей нравилось быть дома с Зофией и Хенриком.

Она не задерживалась надолго в одной школе. В первый год после ее отъезда из Лондона она вообще не училась. Они ездили по Польше. На несколько месяцев остановились у Хенрика возле Кракова, пока сам он на фургоне мотался туда-обратно по континенту. Затем они поехали на север, и Хенрик вместе с ними. Он перестал ездить на дальние расстояния и ушел в таксисты. Пару лет они провели у украинской границы, и Клара какое-то время ходила там в школу. К тому моменту она уже бегло разговаривала на польском. Затем они отправились в Гданьск, порт на Балтийском море, который Клара считала самым холодным местом на планете. Там она на ночь надевала носки, гетры, пижаму и даже шапку. Но Зофия была довольна и не обращала внимания на ледяные ветра и морозный солнечный свет.

Клара знала, почему женщина переезжала. Она не могла оставаться на

одном месте на тот случай, если ее папа поедет за ними. Хенрик был в курсе, кто такая Клара, хотя она не знала, как ему это объяснила Зофия.

В итоге они оказались в Лодзе, в котором Мария открыла салон красоты. Она же нашла им дом, и они обжились в нем, правда, работы было маловато. Хенрик решил снова ненадолго взяться за перевозки на фургоне, поэтому Зофия сказала, что должна поехать с ним, а Клара может остаться с Марией. Но Клару не разлучить с Зофией. Она вернулась с ней и Хенриком в Лондон, и они трудились на разных работах, чтобы накопить деньги и уехать назад в Польшу.

Одним ранним утром, по дороге к пекарне, в которой они работали, Клара сказала: «Почему бы нам не проехать мимо того старого дома?» Принсесс-стрит была по пути, потому Зофия не возражала. Они остановились у дома, вот только дома уже не было. Его сровняли с землей, и Клара вышла, чтобы посмотреть на то место. И тогда появилась Мэнди Кристал, повзрослевшая, стоящая в тени, разговаривающая с ней как с призраком.

Она никогда не была так напугана, как в тот момент. (Хотя нет, была, когда ее отец *убил человека*.) Все, что она приобрела за эти пять лет, оказалось под угрозой, только потому, что она вышла из машины и встала перед забором. Она оказалась так близка к тому, чтобы потерять свою новую жизнь. Даже когда Мэнди появилась на пороге ее дома, она не была так напугана. Потому что Мэнди не направилась напрямиком в полицию, она просто хотела знать, что произошло, и Клара могла предоставить ей свою версию правды.

Она заметила едущую по улице машину Хенрика. Сейчас он будет ругаться, что негде припарковаться. Девушка увидела, что он проехал мимо, и поняла, что ему придется тащить вещи до дома. Достала из-под кровати ботинки и засунула ноги в меховое тепло. Завязала их и искала джемпер. В такой холод даже ненадолго не выйдешь без трех шкур. Она спустилась, достала из шкафа возле батареи пальто и захватила перчатки.

Зофия показала ей новости о том, что полиция нашла тело Тины Пойнтер в подвале соседского дома. Ее это удивило, потому что женщина никогда не говорила о той своей жизни в Холлоуэй, когда она работала в маникюрном салоне и была девушкой Джейсона Армстронга, отца Клары. Девушка всегда думала, что Зофия почти забыла тот отрезок своей жизни, что, возможно, начала верить, что Клара и в самом деле ее сестра.

Но неделю назад она дождалась, когда Хенрик уйдет, и потянула Клару к ноутбуку. Так она и узнала всю историю. Нашли тело одной из девочек-мотыльков. Исчезновение второй девочки, Петры Армстронг, до сих пор

остаётся загадкой, и полиция продолжит расследование. Клара плакала, узнав о Тине. Она изо всех сил пыталась вспомнить тот вечер и мысленно проследовать за Тиной в сад, когда та выбежала из старого дома. Но эти воспоминания словно принадлежали другому человеку. Клара не могла сосредоточиться на них. Петра пропала, и теперь она стала кем-то другим.

Она застегнула пальто и надела шапку. Открыла дверь и ощутила силу ветра и снежинок, срывающихся с ближайших заносов. Проверила, не забыла ли ключ, и окинула взглядом белую улицу. С дальнего поворота тащился Хенрик, неся по пакету в каждой руке. Зофия шла рядом, засунув под мышку какие-то рулоны. Похоже, они припарковались за углом, у шиномонтажки, где всегда имелись места. Клара поспешила к ним, и когда они встретились, лицо Хенрика озарилось.

– Moja mała róża, – сказал он.

Моя маленькая роза.

– Jest tak zimno. Zrobię zupę dla siebie, – ответила Клара.

Она приготовит им суп.

– Dzięki, – поблагодарила Зофия, взяла ее за воротник и потянула к себе, чтобы поцеловать в щеку.

Клара была намного выше сестры. Некоторые считали это странным, но Зофия просто отшучивалась и говорила, что все выше нее.

У девушки пиликнул телефон. Она посмотрела на него. Пришло еще одно сообщение от Павла!

– Бойфренд, – произнес на английском Хенрик.

Клара не ответила. Взяла у него один из пакетов и потащила по снегу обратно к дому.

Она напишет ему позже. Когда приготовит суп для Зофии и Хенрика.

1

Все будет в порядке (*польск.*).